

РОМАН СУРЖИКОВ

Лишь одна
Звезда

Том I

Полари

Роман Суржиков
Лишь одна Звезда. Том I

«ИП Головин»

2017

Суржиков Р.

Лишь одна Звезда. Том I / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2017 — (Полари)

ISBN 978-5-44-838463-9

Первая часть второго романа о мире Полари. Грядут большие перемены. Опираясь на силу Предметов, император устанавливает диктатуру. Несколько земель поднимают восстание против тирании. Мятеж возглавляет герцог Эрвин – умный, но неопытный и полный сомнений. Мира заживо похоронена в пещерном монастыре с призрачной надеждой на спасение. Джоакин поставил слишком высокую цель и пытается сорвать Звезду с неба. А Ворон Короны расследует заурядное убийство, которое грозит оглушительными последствиями...

ISBN 978-5-44-838463-9

© Суржиков Р., 2017

© ИП Головин, 2017

Содержание

Перо	5
Меч	26
Стрела	39
Перо	51
Меч	69
Перо	80
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Роман Суржиков

Лишь одна Звезда. Том I

Перо

Конец июля 1774 г.

Фаунтерра и окрестности

Насыпь с рельсовой дорогой рассекает поле надвое, будто горный хребет. По сторонам от нее тянутся в два ряда клены. Их назначение – укреплять корнями насыпной грунт, а заодно скрывать от взглядов благородных пассажиров немиловидную крестьянскую возню на полях. Впрочем, и крестьянам ни к чему лишний раз отвлекаться от праведного труда, попусту глазеть на составы...

В кленовой тени параллельно рельсам идет колесный тракт. Он размыт дождями, разбит ободами телег. Колея такая, что если угодил в нее колесом, то уже не дергайся, кати себе куда все. Ложбинкой между трактом и рельсовой насыпью ползет ручей, едва живой от июльского солнца. Весною, надо полагать, он был полноводен и дерзок, ему даже достало сил подмыть дорогу: там, где два клена сошлись ветвями, образуя арку, обочина просела, оголив корни, вгрызлась ямой в полотно тракта.

В глинистой грязи на дне этой ямы лежит труп человека.

Пятеро живых, стоящие над ним, видят лишь его спину. Тщедушная спина, узкие плечи. Коричневый сюртук, белый ворот... то бишь, был белым прежде, чем пропитался глиной. На ногах чулки и бриджи, один башмак. Затылок торчит пеньком, волосы – пакля.

Пятеро живых определенно не знают, что делать с мертвым. Это явствует из вопросительных взглядов, коими они обмениваются. Двое в синих мундирах и бронзовых шлемах констеблей стоят возле тела, постепенно вглубая сапогами в жижу. Они смотрят на покойника с нерешительностью и отвращением: ни малейшего желания извлекать его из грязи, переворачивать лицом к солнцу и видеть, во что оное лицо превратилось. Третий человек возвышается над констеблями, стоя на тракте. На груди его камзола – два серебряных копыя, перечеркнутые пером, из чего следует, что он – помощник шерифа города Фаунтерры. Защитник права и порядка, важная птица. Его каменный подбородок вздернут, а губы твердо сжаты, без слов выражая мысль: то, что здесь творится, – непорядок. Это должно быть улажено немедленно!

Двое его соседей одеты в штатское: высокий рыжий парень и темноволосый мужчина с проседью в висках. На поясе темноволосого кинжал, на лице – ироничная улыбка, совершенно неуместная в присутствии покойника. Темноволосый первым нарушает тишину:

– И все же, любезный Ферфакс, что мы, собственно, здесь делаем?

Ферфакс – так зовут помощника шерифа – указывает на труп.

– Мертвое тело, – констатирует он.

– Сложно с вами поспорить, – отвечает темноволосый. – Но зачем нужны мы – я и Рыжий? За каким чертом вы притащили нас сюда в такую жару?

– Найти убийцу, – бросает Ферфакс, хмурясь. Ему неприятно, что приходится пояснять столь очевидные вещи.

– Да-аа?... А пять сотен констеблей больше не занимаются такой ерундой, как поиск преступников? К тому же, с чего вы вообще взяли, что этот несчастный убит?

Ферфакс делает паузу, чтобы одарить темноволосого презрительным взглядом, потом машет рукой в сторону насыпи.

– Бедняга выпал из вагона и скатился сюда. Но насыпь не такая высокая, чтобы убиться при падении. Стало быть, он умер еще в поезде. А если смерть наступила в вагоне, то как тело оказалось в ручье?! – Ферфакс победно вздымает палец к небу. – Его убили, господин Марк, а затем выбросили из вагона. Вот единственное объяснение.

Мужчина, названный Марком, убирает с лица малейшие признаки улыбки.

– Ладно, Ферфакс, я сформулирую так, что поймешь даже ты. Я служу в протекции. Наше единственное дело – обеспечивать безопасность его императорского величества. Мы не ловим преступников, не наказываем злодеев, не блюдем справедливость. Мы находим и убираем тех, кто угрожает Династии. Вот все. А теперь скажи-ка мне, какую опасность для Короны представляет труп этого несчастного?!

– Он был выброшен из вагона, – без промедления отвечает помощник шерифа. – Его величество трепетно относится к безопасности рельсовых дорог. А этот человек убит в поезде. Вы не можете пройти мимо такого! Его величество не простит вам подобной небрежности!

– Дурак ты, – бросает Марк. – Столица кишит шпиками и слугами альмерского предателя. Мы сбиваемся с ног, вылавливая их. Император в бешенстве: альмерец бежал, его шавки на свободе, суд не может состояться. А ты тратишь три часа моего времени, чтобы показать мертвеца в ручье?! Да плевать, выпал он из вагона, рухнул с дерева или грохнулся с луны! Это твое дело – установить причины смерти и найти убийцу. И только если убийца под пытками заикнется о Янмэй Милосердной – лишь тогда ты имеешь хоть какое-то право беспокоить меня! Идем отсюда, Рыжий.

Ферфакс кричит:

– Вы не можете так просто...

Но Марк уже шагает к карете. Рыжий – его помощник – нагоняет темноволосого и говорит:

– Постойте, чиф...

– Надоели дураки, – обрывает Марк. – А еще больше – лентяи. Люди шерифа не умеют ничего сложнее, чем ловить карманников на площади! Дергают нас, когда есть хоть малейший повод. Дело имперской важности – ну, конечно!

– Чиф, я хотел сказать, раз уж потратили время на дорогу, не взглянуть ли на тело? Хоть одним глазом – может, что увидим...

– Именно так я и поступал предыдущую дюжину раз.

– Позвольте, чиф, я сам погляжу. Всего пять минут! Прошу – просто подождите. А вдруг действительно что-то важное? Мало ли, как бывает... Все равно ведь приехали!

Марк с ухмылкой качает головой. Его помощник любит покойников. Мертвое тело – всегда загадка, – так считает Рыжий. Сам же Ворон предпочитает беседы с живыми людьми.

– Приятель, я хочу добиться развивающего эффекта. Если констебли не получают подсказок, то им придется воспользоваться собственными мозгами. А это, знаешь ли, бывает полезно.

– Но что, если они не справятся, чиф?

Марк уже вертит на языке очередную колкость, как тут замечает поодаль на дороге нечто любопытное. Ярдах в двадцати на юг, в направлении от города лежит в пыльной колее башмак. Лакированный, почти новый. Близнец того, что остался на ноге покойника. Марк поднимает его и задумчиво разглядывает. Наконец, говорит Рыжему:

– Ладно, вперед. У тебя есть пять минут.

И громче, помощнику шерифа:

– Вам повезло! Янмэй Милосердная только что явила мне видение. Святая Праматерь велела помочь вам.

Рыжий сбегает с тракта в ложбину, а Марк стоит наверху, поигрывая башмаком. Спустившись, смог бы рассмотреть больше. Но там, где дело касается мертвых тел, он скорее доверяет наблюдательности Рыжего, чем собственной.

– Ну-ка, переверните его...

Слышится чавканье грязи, сдавленные проклятья констеблей.

– Мужчина лет тридцати пяти, – Рыжий добросовестно озвучивает все, что видит. – Мещанин среднего достатка. Одет аккуратно, хотя не роскошно. Безоружен. Похоже, мертв больше суток, но меньше двух. Лицо синее, опухшее. Язык выпал изо рта. На шее борозда от удавки. Ясно, что его удушили.

Пауза, Рыжий оттирает грязь с рук мертвеца.

– На ладонях ссадины, два ногтя сломаны, рукав порван. Покойный сопротивлялся, старался вырваться из рук убийц. Также на ладонях следы... следы чернил или туши. Вероятно, незадолго до смерти он писал письмо, хотя и странно, что вода не смыла чернил.

Новая пауза – Рыжий осматривает карманы.

– Никаких денег нет, хотя, судя по одежде, несколько глорий он должен был иметь при себе. Очевидно, перед смертью жертву ограбили.

– Это все, знаете, прекрасно, – вклинивается помощник шерифа Ферфакс, – но у нас самих глаза есть. Пятна чернил, борозда на шее – это мы и сами видим. Безоружен, денег нет... Ясное дело: раз убили, то и ограбили! Ничего поинтереснее вы сказать не можете?

– Его убили не ради денег, – с некоторой обидой говорит Рыжий. – Удавка – не орудие грабителей. Нож или дубинка – это да.

– И все?... Больше ничего не добавите?

Марк бросает Ферфаксу найденный башмак.

– Отчего же, добавим. Этот человек трудился в типографии Университета Фаунтерры. Преступники подкупили его, дабы кое-что узнать. Возможно, содержание книги, которая пока еще не выпущена. Позапрошлой ночью они приехали за ним в экипаже, усадили в кабину и принялись расспрашивать. Он потребовал деньги вперед, они заплатили. Он стал говорить, они слушали. Тем временем карета выехала за город и двинулась по этой дороге. Едва он сказал все, что злодеи хотели узнать, они накинули ему на шею петлю и задушили. Отняли обратно свои деньги, а заодно – и те, что были у жертвы. Затем выкинули тело в ручей. Их было двое, оружия при них не было. Карета темная, закрытая, со шторками на окнах, запряженная парой лошадей. После убийства поехали дальше на юг. Желаешь что-то еще узнать, господин помощник шерифа?..

Ферфакс тарашится на Марка с насмешливым недоверием:

– Может быть, еще имена убийц назовете?

– Да ладно тебе! – фыркает Марк. – Узнайте хоть что-нибудь сами! Идем, Рыжий.

Парень вылезает на дорогу, спешит за начальником, на ходу вытирая руки. Спустя несколько минут они уже катят в сторону столицы. Исторгнув могучий рев, их обгоняет поезд с гербами Литленда.

– Едва окажемся в столице, пошли человека в типографию, – говорит Марк Рыжему, когда утихает гул состава. – Черновик последнего «Голоса Короны» – мне на стол.

– Думаете, это из-за «Голоса Короны» его?..

– Конечно! Из-за чего еще?..

– Да, чиф.

– Дневную сводку прикажи подать мне к обеду, в кухню. Похоже, другого времени про честь ее не будет.

– Да, чиф.

– Сегодня до полуночи хочу увидеть таких людей: старших дознавателей по делу герцога Альмера – пусть явятся с докладами; алого капитана Бэкфилда, затем – Клемента и Дойла, и еще – секретаря Итана.

– Да, чиф. Позвольте заметить, с капитаном будут трудности. Он гонорист. Потребуется, чтобы вы сами шли к нему...

– Нет времени за ним бегать. Предстоит прогулочка по темницам часа на два. Потом слушать дознавателей, потом читать сводки. Сделай так, чтобы капитан явился сам. В крайнем случае, скажи ему... кто там его Праматерь?

– Люсия.

– Так вот, скажи, что я купил суку и назвал ее Люсией. Капитан прибежит за сатисфакцией, там и поговорим.

– Да, чиф.

– Попробую поспать до столицы. Неясно, когда еще доведется.

Надвинув шляпу на глаза, Марк откидывается на спинку. Но вскоре приподнимает поле шляпы:

– Да, и вот еще. Ты молодчина, хвалю.

– За что, чиф? Осмотр тела?..

– Осмотр так себе, не обольщайся. Ты ничего не понял из того, что увидел. Но почувал, что это дело может быть важным, – и оно действительно может. Если так случится, получишь елену.

Рыжий снова благодарит, недолго молчит. Нерешительно спрашивает:

– Чиф, а не скажете ли, откуда... ну, как вы...

– Сам скажи мне.

– Ммм... вы нашли башмак. На дороге, но чуть дальше. Значит, они приехали в карете, башмак зацепился за порог и остался в кабине, когда выбрасывали тело, но потом убийцы заметили его и выкинули следом. Отсюда же ясно и то, в какую сторону ехали.

– Верно.

– Ну... Жертву удавили веревкой. Кинжалы или шпаги носят все, кому не лень, но вряд ли кто-то постоянно держит в кармане веревку... Значит, к убийству готовились. Беднягу сажали в карету уже с намерением убить. Чтобы не отмывать от крови кабину, в качестве оружия выбрали удавку.

– Дальше.

– Мертвец одет по-городскому, значит, сидел в экипаж еще в столице. Зачем убийцы привезли его сюда? Не для того, чтобы спрятать тело: можно было бросить в Ханай или оставить в трущобах на окраине... Из этого ясно, что убийцы хотели поговорить с ним по дороге. Маршрут выбрали так, чтобы все больше удаляться от людных мест, а чтобы бедняга не видел этого, зашторили окна. Пока он говорил, был жив. Как только преступники услышали все нужное, задушили его и выбросили труп.

– И это верно.

– Что работал в типографии – наверное, поняли по чернилам на его руках... но ведь вы даже не посмотрели на пятна!

– И не нужно было. Вода не смыла пятна – значит, это типографская краска, а не чернила.

– Как вы узнали, что убийц двое и без оружия? И что карета темная, без гербов?

Марк усмехается.

– Ну, будь их больше да при клинках – он побоялся бы ехать с ними. А что до кареты, неужели ты подался бы на грязное дельце в белом экипаже с золотыми вензелями?

Он вновь закрывает глаза.

* * *

Когда человек старается что-то скрыть, он применяет стратегию. Полагая, что ложь – дело непростое и опасное, не позволяет себе действовать наобум, отдаться на волю случая, хотя это и было бы лучше всего. Он силится выстроить свою речь логично и связно, забывая о том,

что в обычной жизни слова простого человека полны неувязок. Смертельно боится показаться странным, вести себя подозрительно, хотя кто не ведет себя странно на допросе?

Человек, старающийся что-то скрыть, планирует свои действия, как сражение. Он выбирает тактику, продумывает пути к отступлению и обходные маневры. Его мысли так упорно заняты планированием, что взгляд становится пустым или, напротив, мучительно сосредоточенным. По одному лишь этому выражению глаз уже можно понять, что человек лжет, и даже – о чем лжет. А тактик лжи имеется несколько.

Одни допрашиваемые принимают заговорить много и без умолку, о чем попало – важном и неважном, уместном или неуместном, во всех деталях, какие смогут припомнить. Такая тактика проста: в страхе человеку легче говорить, чем молчать. Безудержный поток речи смягчает отчаяние узника, а вот дознавателя, напротив, сбивает с толку. Что в этом потоке существенно, а что нет? Что запомнить, что пропустить мимо ушей?..

Другие лгут прицельно и изощренно. Изобретают сказку – как можно более гладкую, правдоподобную. Ее и выдают дознавателю, всеми силами стараясь, чтобы поверил. Люди крепкие порой готовы даже терпеть пытки какое-то время, а лишь затем – словно через силу, с болью в голосе, с ненавистью к собственному малодушию – начать излагать вымысел. Если узнику достанет хладнокровия, чтобы лгать напропалую, невзирая на боль и угрозы, дознаватель почти наверняка купится. Сам Марк, пожалуй, выбрал бы именно эту тактику.

Третьи упрямо молчат. Сурово, твердокаменно, наперекор всему. Когда становится невтерпеж, выкрикивают оскорбления, плюются ненавистью. К такому способу нередко прибегают дворяне, уверенные, что молчание не запятнает их чести, в отличие от вранья. Глупо. Молчание – слабейшая из тактик. Когда молчун сломается, он неминуемо скажет правду – такова уж природа. А ломаются в конечном итоге все...

Старик молчит. Собственно, не совсем старик: крепкий мужик лет пятидесяти пяти, ручищи здоровенные, как оглобли, шея жилистая, густые брови. Только волосы седые, как полотно, потому с первого взгляда он и кажется стариком. Дознаватель – Сэмми, бойкий парнишка, Марк взял его из беспризорников южной окраины – прохаживается вокруг мужика, поигрывая дубинкой. На голых голенях мужика и на ребрах, и на скуле красуются синяки. Естественно, узник обнажен. Как иначе?..

– Дедуля, ты бы не запирался, – говорит Сэмми, – оно тогда шустрее пойдет. Думаешь, я устану с тобой? Уж поверь: не устану. Рано или поздно, а ты заговоришь, как миленький... Куда повез герцога с игр? А? Давай, старичок, давай!

Сэмми проходит перед лицом деда, и тот, изловчившись, плюет в него. Промахивается, шипит проклятье.

– Сгинь во тьму, подонок.

Дознаватель замахивается дубинкой. Марк негромко свистит. Сэмми оглядывается:

– Чиф?..

Марк требует, чтобы подчиненные звали его так. Сударь – слишком обыденно; милорд или сир – слишком помпезно, да и какой он милорд?.. А «чиф» – значит «вождь» на старозападном наречии. Это хорошо подходит к его положению: Марк – не рыцарь, не лорд, не военачальник, но, тем не менее, вождь.

Марк пальцем подзывает Сэмми.

– Кто это?

– Джонас Холи Мартин, кучер герцога Айдена.

– Лжет?

– Молчит. Но скажет, ручаюсь! Будьте спокойны, чиф.

– Да я, как будто, и не волнуюсь, – пожимает плечами Марк, идет дальше вдоль череды допросных. Сзади слышится глухой стук, сдавленное рычание пленника.

Допросные соединяются меж собою толстыми дверьми. Их можно раскрыть настежь, тогда крики слышны даже с дальнего конца анфилады, еще и отбиваются эхом от сводов, приобретая некий мертвенный оттенок. Недурной эффект, весьма полезен для работы. Однако если кто-то из узников заговорил по делу, дверь следует немедленно закрыть. Соседям ни к чему слышать его ответы.

Марк переходит из комнаты в комнату, думая о скуке. Нет ничего скучнее бесполезной работы. Владыке Адриану нужны доказательства, и тем более они потребуются Палате... но сам Марк не видит в них никакого смысла. Его опыт говорит: доказать можно что угодно. Нанять свидетелей, которые скажут любые слова; подбросить улики, кого угодно оклеветать, очернить. Судьи верят доказательствам и словам свидетелей, публика обожает улики и обличительные речи... Марк доверяет лишь одному свидетелю: собственному уму. Единственная улика, которую нельзя сфабриковать, – это умозаключение. Единственное непогрешимое доказательство – логика. Все прочее – шелуха.

Марк проходит поочередно двух лакеев (один рыдает и молится, второй, кажется, лишился чувств), стражника (неумело лжет, дознаватель не верит ни единому слову), горничную (скороговоркой лепечет что-то, слезы ручьями по щекам и шее). Марк кривится. Мерзость – допрашивать девушку... тем более, безо всякой пользы. Дознаватель, однако, полон вдохновения:

– Вы только послушайте, чиф! Она слышала, а потом и видела, понимаете! Подсмотрела в замочную скважину...

Дознаватель с восторгом излагает, как кто-то из еленовцев переспал с кем-то из южных софиек. Еще в июне, во дворце, в гостевых покоях. Пересказывает подробности, какие запомнила горничная... Марк пропускает все мимо ушей.

– Запиши и отпусти ее, наконец. Когда уйдет, сожги запись.

– Что?.. Как?..

Марк ленится отвечать. В следующей допросной Хряк – сынок мясника – возится с посыльным герцога Альмера. Посыльный твердит, что не знал ничего о содержании писем, только доставлял и все, Праматерью клянусь! «Нет у тебя Праматери», – бросает Хряк и тычет посыльного раскаленным прутом. Тот, ясное дело, орет. Хряк жесток и туп. Он допрашивает ради удовольствия, а не для результата. Марк бы с радостью избавился от него, да только где возьмешь других? На эту работу такие, в основном, и идут.

Марк тычет Хряка под ребро:

– Составь полный список всех его поездок и адресатов. С начала июня по нынешний день. Это понадобится.

– Эээмм... чиф... я, эээ... – Хряк чешет затылок. Он с трудом пишет даже собственное имя.

– Трудись, давай, – говорит Марк и идет дальше.

Пустота, скука. Зачем вообще нужен суд? Айден бежал, владыка знает о его вине, и Марк знает. И сам Айден знает, что они знают, – потому и сбежал. Допросы, разбирательства – долгое, трудное, жестокое и совершенно пустое дело. Что бы ни постановили высокие судьи, имперские искровые войска все равно осадят Алеридан, а герцог со своим гарнизоном все равно станет биться насмерть, как раненый тигр...

Марк шагает обратно, в допросную с герцогским кучером. Все-таки седой дед интереснее прочих. Когда Ворон входит, Сэмми подхватывается навстречу:

– Все молчит, чиф. Но я справлюсь, обещаю!

Сэмми – еще не законченный подонок. Редкость для дознавателя.

– Постой-ка в сторонке. И послушай.

Марк придвигает табурет, садится, глядит в лицо седому кучеру. Тот отвечает на взгляд, сверкая ненавистью в зрачках. Занятно: на Марка он смотрит с большей злобой, чем на Сэмми, хотя Марк даже не притронулся к дубинке. Сэмми моложе, он почти годится кучеру во внуки...

– У тебя ведь нет детей, правда? – говорит Ворон узнику. Тот фыркает в ответ:

– Какое тебе дело?!

Но брови дернулись вверх – кучеру действительно интересно, какое Марку дело. Сэмми не спрашивал узника ни о детях, ни о нем самом. Лишь о его хозяине – опальном герцоге Альмера.

– Нет детей, но прежде были, – говорит Марк. – Ты – серьезный человек, обстоятельный. Обзавелся семьей, родил детей, а потом...

– Заткнись! Не суй свой нос, понял?! – рычит кучер.

Марк пожимает плечами:

– Ну, нет – так нет... Давай-ка я о себе расскажу. Моя дочурка – Лиззи – она знаешь, на кого похожа? На черного котенка. У нее волосы темные, как смоль, и глазища огромные, что монетки. Если ей любопытно, она смотрит вот так, не отводя взгляда, и чуть головку наклоняет. Говорит: «Пап, а пааап... ну скажи мне, почему солнце – оно то есть, то нету? Куда оно ночью девается?» И глядит, пока не отвечу. А когда слушает, то кончик мизинчика в рот кладет – вот так.

Марк показывает. На разбитых губах кучера висит очередное проклятье, но не срывается. Висит, висит. Узник глядит на Марка со страданием и горьким любопытством. Нежность Ворона к дочери причиняет узнику боль.

– Видишь ли, Джонас, – говорит Марк, – пока не родилась Лиззи, я не знал, как можно любить чужих детей. Ну, в смысле, они же тебе никто, с чего их любить-то? Но вот теперь переменилось. Когда вижу ребенка – так и хочется заговорить с ним, угостить чем-то, хотя бы просто по волосам потрепать. И в сердце теплеет. Верь или не верь, но теплеет. Если бы – спасите, боги! – Лиззи умерла, я бы нанялся служить господину, у которого есть маленькие дети. И всего себя им бы отдал... Ведь что еще светлого на свете осталось бы? Только они.

Кучер дышит тяжело и прерывисто. Марк понимает, что седовласый мужик пытается удержать в груди стон.

– У герцога Айдена, – говорит Ворон Короны, – трое детей. Малютка Альберт – милый, тихонький мальчонка. Среднему Альфреду уже пятнадцать, он прекрасно владеет шпагой и вовсю упражняется с рыцарским копьем. Ну, а леди Аланис – о ней и говорить нечего, это подлинная драгоценность.

Марк ждет момента, когда кучер не сдержится, и этот момент наступает при звуке последнего имени: узник тяжело вздыхает.

– Я соболезную, – говорит Марк, – сочувствую тебе, Джонас. Беда в том, что мне ведь плевать на твоего хозяина. Вина герцога доказана, ему не отвертеться. Я хотел говорить о леди Аланис – это ее судьба на повестке дня.

– Она невиновна! – кучер едва не срывается в крик. – Отстаньте от нее, отлепитесь! Ее светлость ничего не знала, ни в чем не участвовала! Ты говоришь, любишь дочку? Вот и скажи: ты бы впутал ее в ту мерзость, которой сам занимаешься?!

– Пожалуй, что нет... – неторопливо отвечает Марк.

– Так отстань от ее светлости! Делай со мной, что хочешь, хоть шкуру спусти, я тебе ничего о ней не скажу. И не потому, что упрям, а потому, что нечего сказать! Она ни в чем не замешана, ни в чем!

– Понимаешь, – Марк говорит с сочувствием, – дети растут быстро. Моя Лиззи еще вчера, кажется, ползала на коленках, и, чтобы встать, брала меня за палец всей ладошкой... А сегодня у нее на подоконнике нахожу грязный след. Почему бы? Да потому, что вылезала в окно. А это

зачем? Затем, что какой-то мальчонка к ней прибежал – представляешь? Я это к тому говорю... с чего ты взял, будто все знаешь о леди Аланис?

– С того, что когда ее светлость хотела с кем увидаться, то всегда брала меня, вот с чего! И когда обидел ее один, то рыдала в карете, а я на козлах сидел и все слышал. Ее светлость очень редко рыдала, не тот она человек. Но если уж плакала, то в карете, а не дома – так, чтобы никто не слышал... один я, понимаешь?! И когда с подружкой своей северной секретничала, то тоже меня не стеснялась – сидели в кабине, шептались, я бы все слышал, если б захотел! И если злилась на кого, то велела мчать, как ветер, и я мчал, а ей было мало, и она лупила кулачком в стенку... А ты говоришь, не знаю ее!

Кучер медлит, переводя дух, а потом добавляет:

– Если уж так тебе нужна девица-заговорщица, то подумай про эту рыжую сучонку.

Марк приподнимает бровь, а Сэмми аж подается к узнику. Марк жестом велит ему молчать.

– Про рыжую?..

– Дочь Медведицы. Это с нее вся дрянь началась, из-за нее все пошло боком! Твой... – кучер мечет взгляд в сторону Сэмми, – твой сынок спрашивал, куда его светлость ездил с игр. Так я тебе скажу, куда. Эта медвежья сучка его шантажировала, вот куда. Она ему подкинула записочку, и милорд велел подать карету. Когда садился в кабину, то записку комкал в ладони и злился. А потом привели ее – эту рыжую. Она села, они поговорили. Конечно, я не слышал, о чем, хотя и мог бы. Потом она вышла – довольная такая. А его светлость – темнее тучи. Рыкнул: скажи давай. И мы поскакали. Знаешь, куда?

Марк качает головой.

– К Ушастому, вот куда. Это главный шептун его светлости. Ты не надейся, не поймаешь: Ушастый давно уже смылся из столицы. Поговорил его светлость с ним, а потом вызвал к себе капитана Дермота. Его-то ты знаешь: командир над герцогскими гвардейцами. Велел снова: скажи. Но не как попало, а так, чтобы мимо особняка Лабелинов. Понял? А проедешь особняк – встань на пригорке, оттуда хорошо всю усадьбу видно... Встал я, там они с Дермотом, значит, и беседовали...

– И что все это значит? – Марк невинно взирает на кучера.

– Дурак, что ли? – фыркает Джонас. – Рыжая сучка – дочь Медведицы! Она же северянка, ненавидит Лабелина! Нашла против его светлости какую-то дрянь и шантажировала, чтобы руками его светлости изжить Лабелина со света! Вот тебе заговорщица! Ее бери, а от леди Аланис отстань.

Марк улыбается.

– Чего скалишься? – зло фыркает кучер. – Не веришь, что ли?

– Напротив, очень даже верю. Ай да Глория!..

Марк поднимается. Сэмми пялится то на него, то на кучера, и все не может вернуть на место отпавшую челюсть. Марк аккуратно вынимает из ладони Сэмми дубинку.

– Ты этой штуковиной пореже пользуйся. Если хочешь в жизни чего-то добиться, вообще забудь про нее. Ага?..

– Чиф... да, чиф, конечно...

Сэмми, наконец, собирается с мыслями и принимается тараторить:

– Что прикажете, чиф? Мне изложить все в донесении, или вы сами доложите?

– Кому доложу?..

– Его величеству, конечно! Ведь это же... вы же, чиф, вы же просто сокровище выкопали! Как вам это удалось?! За десять-то минут! Дочь Медведицы покушалась на Лабелина – это же как гром будет!

Марк усмехается:

– Забудь, чепуха.

– Как? Почему?..

– Да потому, что Лабелин жив. Глория сперва выпустила в него стрелу, а потом одумалась и сама же перехватила. За что прикажешь ее судить? За ненависть к правителю Южного Пути? Ну, парень, если это – преступление, то весь Север Империи надо превратить в одну большую каторгу.

– Но, чиф, она же... что же нам, просто забыть?..

– Именно, Сэмми, в самую точку. Ты об этом забудешь сразу, как только я выйду из допросной. – Глаза Ворона Короны становятся неприятно серьезными. – А если вдруг когда-нибудь ляпнешь хоть слово – окажешься на месте этого кучера. Тебе ясно?

Дознаватель ошарашено кивает. Марк уходит, не сделав даже попытки объяснить свое решение.

* * *

Во дворце Пера и Меча проживает около тысячи человек, еще не менее пятисот бывают здесь ежедневно.

Император Адриан Ингрид Элизабет стоит на верхушке пирамиды. Ступенью ниже – его нареченная невеста леди Минерва Стагфорт, генералы Серебряный Лис и Уильям Дейви, а также советники из высшей знати: графиня Нортвуд, герцог Фарвей, граф Шейланд. Ниже – восемь министров; за ними – шестнадцать старших чиновников на имперской службе, в их число входит и Марк. Ниже – имперская канцелярия: могучая машина, склепанная из десятков секретарей, счетоводов, надзирателей, управителей, эмиссаров. Хорошая половина постоянно находится в разъездах, контролируя дела в той или иной части Земель Короны, но вторая половина – здесь, во дворце, переписывает слова с бумаги на другую бумагу, а оттуда – на третью... Ступеньку под канцелярией занимает лазурная гвардия, на полголовы ниже стоит алая. Далее – жены, дети, братья и сестры, альтеры и альтессы всех, названных выше. Под ними лежит фундамент пирамиды – сотни слуг всех мастей: лакеи, конюхи, горничные, повара, привратники, прачки, садовники... Окинуть единым взглядом это грандиозное строение почти невозможно – сродни попытке сосчитать насекомых в муравейнике. Тем не менее, первейшая задача Марка – держать под наблюдением каждый отдельный кирпичик.

Он обедает в кухне южного крыла, вместе с челядью. Есть свои преимущества в простом происхождении. Будь Марк дворянином, не мог бы сесть за один стол с поварами и служанками... и лишился бы полезнейшей возможности слушать все, о чем болтает эта братия.

Марк ежедневно раздает несколько елен серебром многочисленным шептунам. У него имеются шпионы среди гвардейских оруженосцев и конюхов, среди писарей канцелярии, генеральских адъютантов и графских слуг, среди любовниц чиновников и горничных нареченной невесты. Марку удалось купить двух человек из свиты Фарвея и одного – из свиты Шейланда (этот почему-то обошелся особенно дорого)... Тем не менее, все платные шпионы вместе взятые приносят едва ли больше сведений, чем досужая болтовня слуг за обедом.

К тому же, в кухне южного крыла весьма вкусно кормят: как никак, объедки со стола самого владыки. Сегодня – салат из перепелиных яиц с маслинами и виноградом, форель в сливочном соусе, пироги с пряным шиммерийским сыром. Остальные девять блюд уже расхватали: Марк явился слишком поздно. Слуги давно покончили с обедом и закутились в вечерней кутерьме. Кухню наполняют запахи ванили и корицы, тертого яблока и яичного крема, мандариновой цедры, сахарной пудры и еще не пойми чего чертовски аппетитного. Готовится императорское чаепитие.

– Их величество изволят чаевничать наедине с госпожой, – сказала повариха Берта, выставляя на стол лакомства, которые приберегла для Марка. – А госпожа любит сладенькое, вот и стараемся. Уж она порадуются сегодня, пальчики оближут!

Марк улыбнулся в ответ:

– Не сомневаюсь в твоих талантах, Берта.

– А то! Ведь это, знаешь ли, не просто так, а дело чести. Сладости будут, каких госпожа у себя там на Севере в жизни не нюхали!

– Затронут авторитет Короны? – понимающе кивнул Марк, уплетая сырный пирог.

– Не только авторитет, дорогой мой, а и сердечный интерес, так то!

Берту несказанно радует мысль о том, что его величество наконец-то женится. Повариха вряд ли хоть раз видела леди Минерву Стагфорт, однако заочно обожает ее, называет не иначе как во множественном числе. Кого попало их величество не выбрали бы, так то.

– Приходи сюда к полуночи – ахнешь, какая вкуснятина будет!

– Благодарю за приглашение...

– Пф! Не «благодарю», а возьми и приди! И барышню приводи, если нашел... – Берта досадливо скривилась. – Хотя, какая у тебя барышня!.. От тебя не дождешься.

– Ммм... угу... – мурлыкнул Марк с набитым ртом. – Почему в полночь-то?.. Так поздно?

– Как у их величеств закончится – так у нас начнется.

– Ясное дело, но чаепитие начинается в девять. Думаешь, продлится долго?

Берта подмигнула:

– Так ведь они вдвоем с госпожой будут, без никого больше. Куда им спешить, коли они вдвоем, а?

Вот вам и выгода кухонных бесед! Даже от поварихи можно узнать полезное.

– Постой-ка, Берта. В протоколе значились еще приглашения для графини Нортвуд и генерала Дейви. Я его нынче утром своими глазами читал.

– Читал – перечитал, тоже мне!.. – фыркнула Берта. – Людей слушай, а не бумажки читай. Медведица отказалась, голова у нее. А генерал решил, что третьим быть не годится, и тоже, значит, извинился. Их величество ужинают наедине с госпожой.

Впервые, – отметил мысленно Марк. Что ж, леди Сибил знает свое дело: весьма вовремя у нее разболелась голова.

– Кстати, о чтении... Твой Рыжий вот это принес для тебя, – Берта подсунула ему пухлый конверт без надписей. – Ты ж не читай, пока не доешь, а то подавиться недолго! Засиделась я с тобой, побегу...

Повариха вернулась к делам, а Марк вскрыл конверт. Дневная сводка – заметки о том, что видели его многочисленные глаза. Большая часть – чушь: стараясь набить себе цену, некоторые шептуны доносили обо всем подряд; другие просто не могли отличить важное от неважного. Но встречались и жемчужины: чтобы распознать, нужно чутье. Марк жевал и скользил глазами по листам, с полувзгляда отбрасывая шелуху. Повздорили... подрались... разжился деньгами... переспали... пойман пьяным и высечен... украдкой читала письмо... поглядел на графиню искося... потерял бумагу из архива... сказал, что его величество...

В кухню ворвался капитан алой гвардии сир Кройдон Бэкфилд. Подлетел к столу, гремя шпорами, кольчугой и всем остальным, чем может греметь гвардеец в полной амуниции.

– Встань, мерзавец! Ты оскорбил мою честь, я требую удовлетворения!

Марк подвинул капитану блюдо с рыбой:

– Может, лучше вы сядете, сир? Форель вкусная, угощайтесь...

– Да как ты только!.. – Капитан чуть не задохнулся от гнева. – Чтобы я жрал объедки вместе с челядью?! Да за одно это тебя нужно...

– Ну, как хотите, – пожал плечами Марк. – Но если на то пошло, вы прибежали в кухню, чтобы вызвать на дуэль простолюдина. Ваше достоинство и так уже в дерьме. Съешьте форели – хуже не станет.

Бэкфилд схватился за меч и замер, выдвинув из ножен примерно на дюйм. Было заметно: капитан не знал, что делать дальше. Зарубить одного из доверенных людей владыки прямо во дворце – такой вариант отпадал, даже при всей его заманчивости. Вызвать на поединок? Незаконно в Землях Короны и, что важнее, весьма унижительно. Рыцарь не должен биться с простолюдином.

– Вот-вот, – примирительно сказал Марк, – лучше спрячьте оружие и объясните, в чем я провинился.

– Еще спрашиваешь! – снова взвился Бэкфилд. – Ты назвал свою собаку славным именем Праматери моего рода!

– Люсия?.. – округлил глаза Марк. – Собаку?

– Думаешь, это смешно?! Я проучу тебя за такие шутки!

– Смешно?.. – Марк хохотнул. – Да, таки забавно. Но я этого не делал. У меня и собаки-то нет...

– Твой Рыжий сказал...

– Он соврал.

– Соврал?!

– Да, сир. Он не дворянин, ему простительно.

– Скоморохи!.. – выплюнул капитан и повернулся, чтобы уйти.

– Погодите, сир. Позвольте спросить.

– С чего мне отвечать тебе?

– Вы хотя бы послушайте вопрос, а там может и будет желание ответить. Видите ли, в типографии случилось убийство.

– Мне-то что? Алая гвардия не охраняет типографию!

– Вы давеча заявили владыке, что протекция – бесполезная стая шакалов, ее стоит разогнать, а безопасность Короны всецело поручить заботам гвардии. Вы даже рвались делом доказать это мнение.

– Я так считаю! – выпятив подбородок, отчеканил капитан. – И что?

– Ну, я подумал, вдруг вы, сир, проявили инициативу и взяли под свою опеку такое ценное для Короны учреждение, как типография...

– Зачем бы это? Не было приказа, чтобы...

Бэкфилд осекся. До него внезапно дошла вся выгода подобной инициативы. Взять под охрану типографию, а затем невзначай доложить владыке: протекция, мол, не смогла уберечь Голос Короны от посягательств, допустила преступление, но все уже под контролем бравой алой гвардии! Ваше величество может не опасаться...

– Убийство, говоришь?

– Позапрошлой ночью.

– Кто убит?

– Не знаю. Рыжий должен выяснить.

– А мотив?

– Пока неизвестен...

Марк изобразил неосведомленность. Капитан Бэкфилд, как мог, скрыл интерес:

– Ладно, Ворон, это твое дело. Меня не касается.

Он ушел. Марк не сомневался, что уже завтра все гвардейцы роты Бэкфилда, не занятые в дворцовых караулах, будут рыскать коридорами типографии. Собственно, к этому результату Марк и стремился. Две выгоды: во-первых, если служащие типографии действительно пова-

дились продавать сведения, то каменные рожи гвардейцев отобьют у них такое желание; во-вторых, пусть лучше Бэкфилд следит за типографией, чем за Вороном Короны и его агентурой.

Проводив гвардейца, Марк вернулся к пирогу и записям. Он успел проглотить два куса и пробежать глазами полстраницы (герцог Фарвей прогнал секретаря... леди Катрин Катрин гуляла в саду вместе с...), когда его вновь отвлекли. Перед Марком возникли два старших дознавателя по делу герцога Альмера и принялись пересказывать то, что Ворон уже слышал в допросных камерах. Одни узники признались в соучастии, другие выдали третьих, четвертые сообщили массу сведений, порочащих герцога и его дочь... Марк вновь ощутил скуку и целиком отдался поглощению пищи. Однако встрепетнулся, услышав число:

– Шестьдесят пять человек?.. Что, правда?

– Верно, чиф. Кроме явных слуг и охранников герцога Альмера, схвачено уже шестьдесят пять его тайных агентов. И это еще не все. Надо полагать, человек двадцать осталось. Желаете увидеть список?

Марк пожелал. Пробежал глазами листы. Подумать только: какая многочисленная, ладно сплетенная сеть! Он ощутил уважение к мятежному герцогу. Шпионы Айдена в итоге сделали свое дело: кто-то из них вовремя предупредил хозяина об опасности, и тот успел бежать из Фаунтерры. Не будь шпионов, Айден Альмера и его великолепная дочь уже озаряли бы своим блеском пыточные камеры.

Марк вернул список дознавателям:

– Значит, так, парни. Есть задание на ночь. Перечитайте все материалы, собранные против этих шестидесяти пяти. Отберите всех, против кого улики недостаточно сильны. Используйте для оправдания любую зацепку: несвязный донос, неочевидные улики, нет конкретной сути преступления – что угодно. К утру всех, кого можно хоть как-то оправдать, – на свободу. А их список – мне.

– На свободу, чиф?..

– Конечно! Готовая сеть из полусотни человек, которые станут бесплатно шпионить хоть за родной матерью, лишь бы я не отдал их под суд! Разве не расточительство – гноить их в темнице?

– Понимаем, чиф.

– И чтобы ни в одной следственной бумажке не осталось ни слова об этих людях, ясно? Должен существовать лишь один список – тот, что утром окажется в моем столе.

– Так точно.

– Вы свободны, парни.

Он опустил глаза в сводку. Там было нечто... промелькнуло необычное, занятное. Крупица смысла. Из архива пропала бумага...

– Д...доброго вечера, сударь, – с легким заиканием сказал следующий посетитель.

* * *

Итан Гледис Норма, сутулый бледный дворянчик, пятый секретарь его величества – один из полезнейших агентов протекции. Его ценность – не в гибком уме, не в богатом запасе знаний или завидной исполнительности, хотя всем этим Итан наделен с лихвой. Подлинное преимущество заики – его пушистая, зефирная безобидность. Даже среди мальчиков-семинаристов едва ли сыщешь настолько неопасное создание. В силу этого качества никто из вельмож не принимает Итана всерьез. Однако, будучи дворянином и имперским секретарем, он вхож в их круг, может говорить с кем угодно и о чем угодно, не вызывая никаких подозрений. Леди Сибил Нортвуд и ее умница-дочь – далеко не единственные, кого обманула беззубая внешность Итана.

– В...вы вызывали меня, сударь.

– Ага.

– Жду в...ваших распоряжений.

Марк отмахнулся.

– Я не за этим... Это ты хотел со мной поговорить. Парни докладывали, что ты уже два дня рыщешь по моему следу, как голодный волк. Ну вот, теперь мои уши в твоём распоряжении.

– Ммм... сударь, я излагал письменно...

– Ага, ты передал мне три бумаженции, которые я сжег. Никогда не пиши такой ерунды. Это – готовая улика против тебя. Если есть желание городить чушь – городи вслух, не на бумаге.

– Сударь, так вы читали?..

– Читал, читал. У меня, знаешь ли, возник логичный вопрос: зачем?

– П...простите, сударь?

– Ну, зачем ты это написал, а? Какую цель преследуешь?

Итан глубоко вдохнул:

– Леди Глория Нортвуд в беде. Мы должны помочь ей.

– Повтори-ка еще раз.

– Мы должны спасти леди Глорию Нортвуд.

Марк отложил вилку, промокнул салфеткой губы, почесал подбородок. Внимательно поглядел в лицо секретарю: пушок на щеках, хмурые складки на переносице.

– То есть, ты с полной серьезностью?

– Да, сударь.

– Спасти леди Глорию от... ее собственной матери, верно? Каковой матерью является графиня Сибил Нортвуд – хозяйка половины Севера?

– Д...да сударь. В...видите ли, с леди Глорией приключилось нечто очень скверное. Когда вы навещали ее, она б...была тяжело больна, вы сами так сказали. Но на следующий день – внезапно, срочно, ни с кем не прощаясь! – леди Глория отправилась в монастырь, где останется, видимо, до конца своих дней. Перед этим она отправила лишь короткую записку леди Ребекке Литленд...

– А ты хотел, чтобы тебе? – усмехнулся Марк. – Причем длинную и про любовь, а на обороте – алое сердечко?

Итан промямлил:

– Я н...не о том, сударь.

– Чиф.

– Да, чиф. Эта записка – очень странная, как и все обстоятельства. Леди Глория никогда не была особо н...набожна, но вдруг исчезает в монастыре. Накануне в...вы сами видели и леди Глорию, и ее мать, но никто из них н...ни словом не обмолвился о намерении... В день, когда леди Глория и...исчезла, у них в гостях б...был приарх Галлард Альмера. Ч...что он там делал? Связан ли к...как-то с решением?..

Все это Марк слышал уже не раз: сперва от своей агентуры, затем – читал в записках самого же Итана. Однако он дал секретарю возможность выговориться.

– П...потом, прощальная записка, которую отправила леди Глория. Она скупа, безэмоциональна, холодна. Ни капли иронии, х...хотя вы же прекрасно знаете: у миледи отличное чувство юмора! Почерк леди Глории, но писала будто не она, а кто-то другой.

– Откуда знаешь?

– Леди Ребекка показала мне письмо...

– То есть, ты допрашивал Ребекку Литленд? Стало быть, Литленды знают, что ты копаешь под Нортвудов?

– С...сударь, я с...смотрю на это с другой точки зрения...

– Я прекрасно знаю, с какой. Юная леди страдает от самодурства матери. Томится, бедняжка, в монастыре, вдали от жизни, а ты – герой-избавитель – спасешь ее. После чего престелная леди, конечно, бросится тебе на шею и вспыхнет страстью. Верно излагаю?

– С...сударь...

– Помолчи. Теперь я выскажусь. Твоя расчудесная леди Глория, нежный северный цветок – прирожденная интриганка. Нашла способы разделаться с двумя великими лордами, скормила протекции первого советника Короны, обыграла в стратемы самого императора. При этом рученьки ее остались беленькими, чистенькими. С другой стороны, ее матушка – Леди-Медведица, воплощение харизмы, один из самых влиятельных феодалов Империи, посаженная теща владыки. Дорогой мой, ты действительно хочешь всунуться в склоку между этими двумя дамами?

– Н...но сударь...

– А еще южная очаровашка Ребекка. Как мило, что вы вместе разыскиваете ее подружку!.. Бекка – племянница герцога, помнишь об этом? А самого герцога Литленда ты часто видишь во дворце? Нет?.. Знаешь, почему? Потому, что северяне оттеснили южан в глубокую тень! А когда Литленд узнает от племянки какую-нибудь пакость о Нортвудах – по-твоему, как он поступит?

Лицо Итана покрылось пятнами, он давно уже не смотрел в глаза начальнику. Однако, выслушав, заговорил с прежней решимостью:

– С...сударь, я хочу всего лишь понять и разобраться. С леди Глорией случилось нечто странное и загадочное. Р...разве не вы сами говорили, что любая странность должна привлекать внимание? Первый признак опасности – необъяснимые поступки. Р...разве не вы учили меня?

– Четыре, – пожал плечами Ворон Короны.

– Четыре чего?

– Веских и вполне объяснимых причины для графини Сибил отправить дочку в монастырь. И это навскидку, а можно и еще найти. Первая: Глория пользовалась немалым успехом при дворе. Просто-таки вознеслась к зениту славы. Тем временем леди Сибил прочила за владыку свою протеже – Минерву Стагфорт. Сделать императрицей дочку она не могла: Глория не настолько высокородна. Но успех Глории вполне мог испортить всю игру и отвлечь внимание владыки от Минервы. Графине это ни к чему.

– Но п...почему тогда просто не отослать...

– Вторая причина, – перебил Марк. – Глория упряма. Она вела расследование заговора вопреки приказу матери. Ей даже удалось раскопать тайный союз самой леди Сибил с Эрвином Ориджином. Ни одна мать не придет в восторг от подобного непослушания дочки. Третья. Глория была тяжело больна, снадобья и лекари не помогали. Близкий друг леди Сибил – архиепископ Галлард – сказал: я буду молиться за нее. И молился, и Глория выздоровела. Тогда приарх заявил: коль боги помиловали девочку, теперь ее жизнь принадлежит им, правильно будет посвятить себя служению. За скобками, конечно, остается обида Галларда на северянку, отвергшую его сватовство... Ах, ты не знал?.. В твоём отчете за тот день значилось лишь то, что Глория на час опоздала на встречу. В этот час, да будет тебе известно, к ней сватался его светлость приарх Альмера. Глория отшила его и сбежала на свидание с тобой. Да, можешь потратить минутку на самодовольство, я подожду.

Итан залился краской, словно вареный рак. Марк с улыбкой добавил:

– Четыре. Глория Нортвуд манипуляцией заставила Айдена Альмера подготовить убийство герцога Лабелина. Чем-то ей этот жирдяй не понравился... да чего греха таить, мне он тоже не особо по душе. Но видишь, какая штука: графиня Сибил, полагаю, предпочла бы сохранить за собой исключительное право казнить и миловать врагов Дома Нортвуд. А когда сем-

надцатилетняя дочь вытворила такое за спиной у матери – это, знаешь ли, немного обидно. Самую малость.

Секретарь выглядел удрученным, но все еще не сломленным. Марк с расстановкой произнес:

– Есть и пятый вариант. Он, боюсь, тебя расстроит. Леди Глория умерла. Когда писала записку, она знала, что это неизбежно. Солгала про монастырь, чтобы пощадить чувства Бекки.

Итан вздрогнул.

Помедлил, сказал твердо:

– Н-нет, сударь. Этого не было. Графиня Сибил не выглядит как мать, потерявшая единственную дочку. Говорит о Глории почти без грусти.

– Постой-ка... – прежде разговор забавлял Марка, но сейчас он ощутил гнев. – Постой-ка, приятель. Хочешь сказать, ты расспрашивал об этом инциденте саму леди Сибил?

– Да, сударь. Сегодня. Я собирался вам доложить...

– Какова наша цель?

– Простите?..

– Назови главную задачу протекции.

– Безопасность императора.

– Еще раз!

– М...мы защищаем его величество Адриана!

– Ну и как, тьма тебя сожри, ссора с Великим Домом Нортвуд способствует безопасности императора?!

Итан выпучил глаза и не нашел ответа. Марк саркастично хмыкнул.

– Так я и знал. Тебе даже не хватило ума посмотреть с этой стороны. Ах, любовь... Согласно законам Империи, графиня Сибил в праве распоряжаться жизнью своей дочки любым способом, за исключением убийства. Если Медведица решила отправить Глорию в монастырь или выдать замуж за свинопаса, или сделать горничной, или отдать бродячему цирку – она может сделать это. Единственный в мире человек, кто может потребовать у нее отчета, – ее лорд-муж Элиас Нортвуд. Если ты или я, или сам владыка Адриан сунут нос в ее семейные дела, Медведица рассвирепеет – и будет права! Понятно?

– Д...да, сударь.

– Чиф.

– Да, чиф.

Марк подвинул ему утешительный кусок пирога. Парень влюблен, потому глуп... но его благородный порыв заслуживает если не уважения, то хотя бы сострадания.

– Давай-ка я отвлеку тебя. Твоим мыслям нужен предмет получше, чем любовные страдания. Прочти вот это и скажи, что думаешь.

Ворон Короны ткнул в сводку – тот ее абзац, где говорилось о бумаге, пропавшей из архива. Итан прочел, недоуменно глянул на Марка.

– П...простите, чиф, к...какое это имеет значение? Нумерация бумаг в архиве н... нередко нарушается. Служки бывают небрежны. Старший архивариус наказывает их, но...

– Прочти еще раз, внимательно.

Итан прочел, пересказал своими словами:

– С...служитель архива Грэм искал по просьбе одного дворянина из Надежды грамоту о пожаловании ленного владения. Такие бумаги пронумерованы и хранятся в ящиках согласно землям и датам. Просматривая нужный ящик, Грэм заметил, что пропущен один номер. За грамотой номер сто двенадцать от месяца апреля шла с...сто четырнадцатая. Грэм доложил старшему архивариусу Хэммилу, а тот – вам. П...простите, чиф, но сбой нумерации – ерунда. Я ч...часто видел такое. Просто сунули бумагу не в тот ящик.

– Ничто не настораживает?

– Нет, чиф.

– Старший архивариус Хэммил – самый дотошный и аккуратный человек на свете. Если он пожаловался нам, значит, прежде уже перерыл весь архив от стены до стены и нигде не нашел грамоту. Она не попала в другой ящик, она вовсе исчезла.

Итан молчал.

– Не понимаешь?.. Идем. Хочешь знать, куда? В архив, конечно... Благодарю, Берта! Все невероятно вкусно! – воскликнул Марк, выходя из кухни. Секретарь поспешил следом.

* * *

– Странности привлекают внимание, как ты и говорил. Я вижу четыре причины сослать Глорию Нортвуд в монастырь, но ни одной – чтобы украсть ленную грамоту из имперского архива, – пояснял Марк на ходу. – Если грамота касается твоего собственного лена, то у тебя имеется копия. Коли потерял копию, можешь заказать в архиве, чтобы восстановили. А если грамота о чужом владении, то зачем она тебе?

– Кто-то захватил чужую землю и выкрал документ, чтобы владелец земли не подал в суд, – предположил Итан.

– Ерунда. Уважающий себя лорд в такой ситуации не побежит в суд, а соберет воинов и задаст жару захватчику. А если не справится, то пойдет с жалобой к сюзерену. Сюзерену же вовсе не требуется сверяться с имперским архивом, чтобы вспомнить, где чья земля. Сюзерен хорошо знает, чем владеет каждый его вассал.

– Хм... – сказал Итан.

– Вот именно, хм, – подтвердил Марк.

Они вошли в Святилище Пера. Стояли уже сумерки, однако архив продолжал работу и после заката. Было немногочисленно: горстка посетителей из числа работников имперской канцелярии, несколько служителей архива. Старший архивариус встретил Марка с неожиданным воодушевлением, едва ли не с улыбкой на лице:

– Не ожидал, сударь, что вы среагируете так быстро! Думал, вы сочтете это мелочью...

– Для нас нет мелочей. Бдительность превыше всего, милейший! – гордо задрал подбородок Марк. Архивариус не уловил иронии.

– В ваших словах – святая истина, сударь. Я готов подписаться под каждой буквой! Если мы позволим себе не замечать мелочей, то погрузимся в умственную лень и превратимся в глиняных истуканов. Нет, сударь, порядок должен быть во всем: в каждой бумаге, фразе и слове. Это дисциплинирует разум, приучает его к прилежному труду.

– Да-да, и я о том же, – кивнул Марк. – Покажите ящик, о котором идет речь.

Хэммил повел гостей во внутренние залы Святилища. Но прежде Марк поймал за плечо одного из младших служителей:

– За полчаса собери здесь всех своих коллег. Всех до единого, кто есть во дворце.

Парень был новеньким. Недоуменно округлил глаза:

– Сударь, простите, кто вы?

– Карrrrrr! – гортанно выкрикнул Марк.

– Делай, что сказано, – потребовал Хэммил.

Парень отправился выполнять приказ. Марк и Итан в сопровождении архивариуса углубились в бумажную сокровищницу. Шагая между рядов полок, маркированных латунными табличками, Хэммил говорил:

– Вчера после полудня к нам пожаловал барон Рэдлейк из Надежды и запросил две апрельских ленных грамоты касательно рыцарских владений на границе графства Холливел и Пастушьих Лугов. Выполнять отправился Грэм. Согласно каталогу он определил ящик, в котором следует искать бумаги, а когда принялся проглядывать его содержимое, то нашел про-

бел в нумерации. Вынул все документы из ящика и тщательнейшим образом перепроверил. Убедился в том, сударь, что грамота за номером сто тринадцать исчезла.

Они сделали поворот, миновали арку, задрапированную тяжелыми бархатными шторами, вошли в новый зал. Потолки здесь были ниже, а воздух – прохладнее. Свернули в про-свет между стеллажами.

– Сто тринадцатая грамота была одной из тех, которые просил барон?

– Нет, сударь. Те, которые он запрашивал, присутствовали и были исправно ему доставлены. Грэм исполнил заказ, несмотря на замешательство. Любой мой подчиненный отлично знает: дело – прежде всего.

– Нельзя не согласиться. И Грэм доложил вам о пропаже?

– Да, сударь.

– А вы говорили кому-то?

– Кроме вас, сударь, никому. Более того: я и Грэму запретил говорить с кем бы то ни было. Знаете ли, если всякий начнет разглаживать о том, что в Святилище Пера пропадают бумаги...

– Полагаете, Грэм выполнил ваш приказ?

Седой Хэммил бросил на Марка удивленный взгляд и ничего не ответил. Миновав несколько рядов стеллажей, они нырнули в неприметный проход, также занавешенный бархатом. За шторой царили сумерки, лишь пара искровых ламп освещала новый зал.

– Вот здесь, – сделав новый поворот, Хэммил подвел гостей к стеллажу, маркированному «Исх. Пожал. 1752 – 1774», выдвинул ящичек «74-А». Марк заинтересовался:

– Что значит: «исх пожал»?

– Исходные документов о пожаловании, сударь.

– Почему на ящике значится семьдесят четыре – а?

– «А» обозначает весну. Чтобы проще ориентироваться.

– Ах, вот как... Здесь все грамоты о пожаловании ленов за означенный период?

– Конечно, нет! – сказал Хэммил как о чем-то само собой разумеющемся. – В данном шкафу только вольные западные графства и Юг, и только за последние годы. Земля Короны – слева от вас, Альмера и Надежда – у дальней стены, Север – вон тот ряд стеллажей. Как видите, сударь, у нас во всем полный порядок!

Марк усмехнулся.

– Что скажешь, Итан? Что следует из увиденного нами?

Имперский секретарь, нередко бывавший в архиве, лишь пожал плечами:

– З...здесь действительно полный порядок. Т...так что заметить отсутствие документа было...

Марк оборвал его:

– Порядок? Да здесь можно заблудиться и умереть с голоду прежде, чем найдешь нужную бумагу! Лишь опытные следопыты способны отыскать тропу в этом месте.

Губы Хэммила вздрогнули от обиды, а Итан улыбнулся с пониманием:

– Хотите сказать, если бы сюда даже проник посторонний, он не нашел бы нужный документ б...без помощи служителей?

– Именно. Что приводит нас к следующему вопросу: не мог ли сам Грэм украсть бумагу по заказу барона Рэдлейка?

– Ни в коем случае, сударь! – возмущенно отрезал Хэммил. – Грэм – хороший парнишка, весьма аккуратный и старательный. Он ни за что не пошел бы на такое! К тому же, барону Рэдлейку эта бумага без надобности.

– Откуда вы знаете?

– Барон бывает у нас регулярно, не реже, чем дважды в неделю. Он занят весьма благородным трудом: пишет книгу о географии и землеустройстве вольных графств. Весьма дос-

кональный труд, сударь! Мне довелось прочесть его черновики – поистине, талантливейший человек! Не жалея усилий, он провел глубочайший анализ перераспределения земель, вывел закономерности укрупнения феодальных владений...

– Какая тоска, – покачал головой Марк. – И вы считаете, сей графоман не мог похитить документ?

Хэммил скривил губы и отвернулся. Вместо него ответил Итан:

– В...вряд ли. Очевидно, барон Рэдлейк просто выписывает сведения из грамот в свой черновик. Зачем ему красть оригинал?..

– Пожалуй... Хэммил, что конкретно представляла собою похищенная бумага?

– Грамота о пожаловании двух поместий в Холливеле, общей площадью порядка семисот акров.

– Маленькие... Кому они были пожалованы?

– Малоизвестным рыцарям. Мне нужно будет свериться с записями, если желаете знать их имена.

– Позже пожелаю.

Марк выдвинул ящик, проглядел две грамоты, соседние с пропавшей. Обе представляли собою фрагмент карты графства Холливел, на которой штриховкой были отмечены небольшие владения. Ниже шло описание, какие именно земли передаются в ленное пользование, кому, за какие заслуги. Подпись ответственного секретаря, подпись его величества, печать имперской канцелярии.

– Скажите-ка, Хэммил, вы уверены, что эта грамота вообще появлялась здесь?

– В каком смысле, сударь? Не понимаю вас.

– Ну, самый простой способ украсть ее – вовсе не помещать в ящик. Изъять сразу, как только она попала в руки служителя.

– В каталоге имеется запись о помещении грамоты в архив.

– И что же? Служитель мог сделать запись в каталоге, но украсть сам документ.

– Сударь, в каталоге значится, что бумагу поместил сюда тот же Грэм, который и обнаружил пропажу! Зачем бы парнишке сперва красть документ, а потом самому же и докладывать о пропаже?

– Ясное дело: чтобы отвести от себя подозрения!

Хэммил не ответил, но его лицо хорошо передавало мысли старика о подобных обвинениях. Итан вмешался в беседу:

– С...сударь, ведь вы регистрируете всех посетителей? Кто, когда и какие бумаги запрашивал, верно?

– Конечно. Порядок должен быть во всем.

– К...кто-то запрашивал пропавший документ в последнее время?

– Никто. Ни одной записи нет, я лично просмотрел книги регистрации.

– Т...то есть, бумагу держал в руках только Грэм, а после него – похититель?

– Верно.

– Достаточно, – сказал Марк. – Давайте выбираться из этой пещеры.

В читальном зале уже собрался десяток служителей. Они перешептывались, сбившись в нестройную кучку. Лица выглядели тревожными – это хорошо. Двое вошли и присоединились к группе уже на глазах у Марка. Это плохо: согласно задумке Ворона, подозреваемые должны успеть поволноваться, понервничать в ожидании. Он решил потянуть время и попросил у Хэммила каталог архивных документов. Не торопясь, не обращая внимания на шепчущихся служителей, принялся листать массивный том. Страница за страницей – однообразные скупые записи: такого-то числа таким-то служителем внесен документ за номером таким-то. Почерк меняется от строки к строке. Вот апрельская запись сто тринадцать, сделанная Грэмом. «Пожал лен влад Холливел. 113 – 19-4-1774». Подпись.

Здесь имелась странность, Марк нахмурился.

– Хэммил, вы говорили, площадь владений – семьсот акров?

– Верно, сударь.

– Откуда вы знаете? В учетной книге это не сказано, а сам документ пропал.

Архивариус нимало не смутился:

– Достаточно просмотреть апрельский «Голос Короны». В нем печатаются все последние сведения о землевладениях.

«Голос Короны»... хм.

Ворон шумно захлопнул каталог, и когда все взгляды служителей обратились в его сторону, заговорил:

– Как вы уже поняли, господа, тайная стража его величества заинтересовалась вами. Хотите знать, почему?

Служители молчали, однако пожаловаться на нехватку внимания Марк не мог. Он медленно прошел вдоль группы туда и обратно, вглядываясь в лица. На них – растерянность, тревога. Это правильно – такими и должны быть лица невинных. Кто из них Грэм? Марк не знал и намеренно не спрашивал архивариуса. Он был почти уверен, что именно Грэм украл документ. Однако для проверки хотел взглянуть на служителей непредвзято, разглядеть виновного по одной лишь его реакции, которая неминуемо отразится на лице.

– Вы стоите и гадаете: в чем мы провинились? Зачем прилетел сюда Ворон Короны? Или, может быть, не гадаете? Возможно, кто-то уже рассказал остальным, что случилось?..

Речь Ворона лилась спокойно и вкрадчиво. Служители не шевелились. Кажется, даже боялись дышать. Еще бы: почти сотня придворных прямо сейчас ночует в темнице. Любой из тех, кто пока сохранил свободу, вздрогнет при одном слове «протекция».

– Я уверен, парни, что большинство из вас невиновны. Однако вы все равно не чувствуете себя в безопасности. Вы думаете: не ошибется ли Ворон? Не схватит ли меня, невинного? Будет ли спасение? Ведь тайная стража может вырвать признание у любого. Даже святая Глория Заступница дала бы показания, попади она в лапы протекции. Созналась бы в убийстве Ульяны Печальной, а заодно донесла бы на Янмэй и Агату. Верно говорю?..

– Сударь... – рискнул подать голос кто-то, и Марк рывкнул в ответ:

– Молчать! Предатели, продажные псы! Разве я позволял говорить?! Один из вас, гнилых шкур, работал на Айдена Альмера! Кто?!

Свирепо раздувая ноздри, Марк обвел взглядом служителей.

– Ты – шпион альмерской дряни? Или ты? Или, может быть, ты?!

Парни бледнели от страха и отводили глаза. Один, второй, третий... десятый. Все до единого боялись. Дрожали от мысли о камерах, дыбах, «спелых яблочках»... Плохо. Вор не должен был испугаться. Услыхав, что речь идет не о краже документа, вор испытал бы облегчение. Марк надеялся заметить эту эмоцию на чьем-то лице... но не замечал.

В эту минуту в зал влетел Рыжий, держа в руках пухлый сверток вошеной бумаги.

– Эскиз июльского «Голоса», как вы просили, чиф. Я проглядел: там, вроде, ничего такого, ради чего стоило бы...

Марк шикнул на него:

– Тьфу! Ты сорвал мне всю мизансцену.

– Простите...

– Ладно, неважно.

Ворон отозвал в сторону двух своих помощников и старшего архивариуса.

– Хэммил, здесь собрались все ваши люди?

– Четверых нет, сударь. Отсутствуют Бойл, Гаррет и Томсон – они живут в городе. И еще Ленард...

Нечто мелькнуло в глазах старика, и Марк повторил:

– Ленард?

– Да, Ленард. А в чем дело, сударь?

– Я просто хотел рассмотреть это выражение на вашем лице... да, вот это. Что не так с Ленардом?

Хэммил вздохнул:

– Сегодня была его смена, и он не явился.

– Что? То есть, он пропал?!

– Да не пропал он... – архивариус покачал головой. – У бедняги Ленарда жена захворала. Когда ей совсем худо, он остается с нею. Такое уже случалось...

Марк переспросил с металлом в голосе:

– Хотите сказать, прежде Ленард уже пропускал службу из-за того, что его жена больна? И вы не вышвырнули его, и даже не доложили мне?!

– Да где ваше сердце, сударь! – с презрением бросил Хэммил. – Кем надо быть, чтобы выгнать человека за такое? Он ни в чем не виноват! Разве что любовь к жене теперь считается преступлением!

Ворон Короны покачал головой.

– Знаете, за что Темный Идо любит добрых людей? У кого добрая душа, у того глаза незрячие! Вашему Ленарду отчаянно нужны деньги, понимаете? Настолько нужны, что он боится вас и даже меня меньше, чем лекаря, называющего цену за снадобья. Этот человек ненадежен! А теперь он исчез.

Марк повернулся к помощникам.

– Рыжий, возьми в картотеке портрет Ленарда и домашний адрес. Езжай, проведай хворую жену, спроси, где муж. Когда жена скажет, что не видела его пару суток, организуй розыск тела. Ищите на берегах реки, в канализационных стоках, в оврагах вдоль дорог. Словом, ты лучше меня знаешь, куда обычно деваются тела.

Хэммил ахнул, Марк не обратил внимания.

– Итан, а ты отправляйся в типографию.

– Так ведь там только что был я!.. – воскликнул Рыжий.

– Ты искал черновики «Голоса». А теперь меня интересует личность парня, которого нынче утром мы видели в канаве. Итан, один из сотрудников типографии был убит вчера. Твоя задача – узнать о нем все: как звали, чем занимался, с кем водился, когда в последний раз был на службе, что делал в тот день.

– Так точно, чиф. А в...вы думаете, есть связь?..

– Из архива пропала грамота о ленных владениях. Содержание таких документов дублируется в «Голосе Короны». Вчера убит человек из типографии. Предположительно, убийцы хотели узнать что-то о «Голосе Короны».

Итан задумался.

– Чиф, но г...грамота ведь апрельская. Апрельский «Голос Короны» давно отпечатан и распродан, его можно найти в любом богатом доме. Если вчерашнее у...убийство и связано с «Голосом», то с июльским. И в нем ничего нет о том апрельском документе.

– Хочешь сказать, связи нет?

– Я ее не вижу, чиф.

– Я тоже. Потому и говорю – копайте. Связь есть, найдите ее.

Он зашагал к выходу, не дожидаясь ответа. Через плечо бросил стайке служителей архива:

– Да, парни, чуть не забыл: вы все невиновны.

Итан Гледис Норма догнал Ворона Короны на улице. Схватил за плечи, заглянул в лицо.

– Чиф, вы действительно д...думаете, что эта ч...чертова бумага, это крохотное поместье за тысячу миль отсюда важнее судьбы л...леди Глории?

Марк покачал головой:

– Ты так ничего и не понял. Твоя леди Глория – прошлое. Скелет в шкафу Дома Нортвуд. Ее история окончена. Пропавший документ, мертвец в канаве, «Голос Короны» – это начало другой истории. И да, тьма тебя сожри, будущее всегда важнее прошлого!

Меч

Август 1774 г. от Сошествия

Герцогство Альмера

На свадьбе должен быть важный гость. Это – неотъемлемое условие, как цветы в гривах коней, испытания для жениха и обручальные браслеты. Святой отец из соседнего села, баронский писарь, старший лесничий, помощник судьи – кто-нибудь в таком роде. Странствующий монах или бригадир с рельсовой стройки тоже сгодится... На свадьбе мельничьего сына из Трех Тополей, что в землях Бонегана, был северный рыцарь.

Вот как вышло. Мельник Ходжис слыл скрягой по всей округе – от Валиента до Смолдена. Не так уж много в этих краях мельниц, потому к Ходжису ездили крестьяне даже за десять миль. Он смекнул, что находится в выгодном положении, какое городской купчина назвал бы «монополией», и принялся выжимать монету. Почитая себя человеком справедливым, Ходжис не делал скидок никому: ни своим кумовьям, ни одиноким вдовам, ни тем, кто день тащился по жаре, ни тем, кто поил его вишневой настойкой, ни даже тем, кто грозился поколотить. Цена едина для всех, как закон: агатка за мешок пшеницы.

Крестьяне ходили к барону жаловаться на мельника. До самого барона, конечно, не дошли – поговорили с кастеляном. Ходжис вовремя прознал о такой интриге, погрузил в телегу бочку пива и сам поехал к кастеляну – договорился. Позже мельника подловили в кабаке и как следует отлупили. Две недели он охал и почесывал синяки, уговорил священника прочесть проповедь о вреде насилия, но цену не скинул. Агатка за мешок – и все тут! Еще позже сельчане собрались толпой, вооружились вилами и подступили к мельнице. Однако переговоры с позиции силы провалились: на стороне Ходжиса оказались четыре крепких сына, пять немаленьких псов и арбалет. Крестьяне проклинали мельника, нарекли безбожником и прихвостнем Темного Идо, поклялись сжечь мельницу, освежевать псов, а арбалет запихать Ходжису в... скажем, отнюдь не за пазуху. Затем они отступили восвояси – и смирились. Крестьяне Альмеры – терпеливый народ.

Но с тех пор о Ходжисе пошла дурная слава. На беду для него, Три Тополя ничем не были примечательны, кроме, собственно, Ходжиса с его мельницей. Так что мельник-скряга стал чем-то вроде опознавательного знака. По всей округе, от Валиента до Смолдена, спроси кого хочешь: «Как проехать в город?» – и тебе скажут: «Езжай до Трех Тополей – это там, где скупердяй живет. Увидишь мельницу – плюнь на нее, а потом сверни налево и еще пять миль».

Ходжис, почитавший себя человеком суровым, но справедливым, терял сон от бессильной злобы. Думал в отместку повысить цену еще больше, но вовремя сообразил, что слухи от этого только ухудшатся. Понизить цену он не думал – не пришло в голову подобной мысли. Но вот второй сын мельника посватался к внучке старейшины, и Ходжис решил, что это – возможность все исправить. Отгулять свадьбу как следует, на широкую ногу, чтобы по всей округе загудело – и никто больше не посмеет назвать мельника скрягой! Тем более, что своих денег тратить не нужно: имеется невестино приданное. Говорят, у благородных принято наоборот – жених платит выкуп за невесту. Вот же странные люди!.. Ходжис толково поторговался со старейшиной, взял приданное вперед – шестнадцать елен, и целых четыре из них швырнул на устройство свадьбы. А позже, как стало не хватать, широким жестом докинул еще две. Теперь уж точно никто не скажет!..

Свадьба получилась на славу. Десять бочонков вина, двадцать – пива; восемь молочных поросят, две дюжины огромных пирогов с телятиной, а гуляша столько, что впору накормить целый полк! Столы накрыли во дворе – ни в одну избу такая трапеза не вместится. Гостей – без малого сотня! Есть певец с лютней и музыканты со свирельками. Цветами забросали всю дорогу от церкви до избы, гривы коней украсили шелковыми лентами, а на концах привязали

медные звездочки, чтобы звенело. Все отлично! Даже злостные недруги Ходжиса – и те подобрили. Но сам мельник сидел мрачнее тучи. Давеча он беседовал с баронским кастеляном, и тот обещал приехать на свадьбу.

– Ваше высокородие, вы только не позабудьте!

– Сказал же, что приеду.

– Вся будущая счастливая жизнь молодых – в руках вашего высокородия!

– Да отцепись уже. Буду!

Но в назначенный день вместо кастеляна прискакал его сквайр:

– Господин не может приехать. Отбыл в Валиент по срочному делу.

С листа зачитал поздравление, передал подарок – серебряный кубок. То был единственный случай на памяти Ходжиса, когда серебро не подняло ему настроения. Сыновья свадьба – без почетного гостя! Святые Праматери, как же теперь? Что делать-то?! Вот тогда мельник и убедился, что Праматери слышат молитвы простого люда, а не одних только дворян. Спасение явилось само собою! Верьте или нет – само!

На дороге показался рыцарь верхом на гнедой кобыле. Едва мельник увидел блеск кольчуги и шлема, как тут же послал навстречу всаднику двух младших сыновей, а следом и сам выбрался из-за стола.

– Добрый сир, здравия вам и доброго пожалования в Три Тополя!

– Приветствую, – обронил рыцарь, горделиво задирая подбородок.

Лицо у него было мужественное, хоть и молодое, плечи – широченные, а острая борода – прям как у императора на портретах. Сын лорда, никак не меньше!

– Вы, добрый сир, устали с дороги? Проголодались? Не изволите ли разделить праздничную трапезу?

Рыцарь поколебался – еще бы, ему зазорно, поди, с простыми крестьянами сесть за стол! Ай, да рыцарь! Как раз такой, как нужен! Ходжис надел на него с полной силой: упомянул кастеляна, что обещался приехать, перечислил все блюда, имевшиеся на столе, и добавил:

– Клянусь, добрый сир, много у нас есть такого, чего вы в северных землях и не пробовали!

Почему-то мельник решил, что рыцарь прибыл с Севера. Тот не возражал.

– Что ж, – сказал благородный воин, – видимо, придется мне задержаться, раз уж вы так настаиваете...

– Очень настаиваю, очень! Все будущее счастье молодых зависит!..

– Ладно уж, – рыцарь спешился. – Меня зовут Джоакин Ив Ханна с Печального Холма.

Его усадили на почетном месте между тестями и свекрами, а чтобы рыцарю не скучалось, присоседили вторую внучку старейшины – конопатую хохотушку Маргери. Мельник Ходжис, раздуваясь от гордости, объявил:

– Боги послали нам славного гостя! Нас посетил сир Джоакин Ив Ханна, сын лорда Печального Холма, что находится в...

Он шепотом уточнил у воина:

– Вы из Нортвуда или Ориджина?

– Ага, – буркнул рыцарь.

– ...что находится в самом сердце священной земли Ориджин!

Гости шумно выразили радость. Джоакин поздравил молодых – немногословно, как и подобает суровому воину. Маргери наполнила тарелку рыцаря, и тот принялся уплетать за обе щеки. Это было очень вежливо с его стороны – сделать вид, что крестьянская еда пришлась по вкусу дворянину. Все гости оценили и одобрительно зашептались.

Маргери, радуясь соседству с приезжим, стала щебетать:

– Сир Джоакин, а вы были на войне?

Рыцарь отвечал, закидывая в рот куски пирога:

– Еще бы. В этом году участвовал в паре стычек под Лабелином, прошлой осенью – в Мельничной войне на западе... А прежде столько всего было, что и не упомнишь.

– А как звать вашу кобылу?

– Леди.

– Ой, как мило!.. А ваш меч?

– Что – меч?

– В балладах у рыцарей мечи всегда носят имена! Как зовется ваш?

– Я... назову его имя только благородному воину.

– Ой, простите!.. А где ваш оруженосец? Ведь у всякого рыцаря есть оруженосец, правда?

– Он... я отправил его с письмом.

– Ой, как здорово! Писать умеете! Сир Джоакин, покажите, как пишется мое имя!

– А как тебя звать-то?

– Маргери.

Он показал – мазнул свинину соусом и кончиком ножа вывел буквы.

Старейшина строго вычитал внучке:

– Прекрати беспокоить гостя! Ему немного удовольствия от твоей болтовни!

– Ой, простите!.. – Маргери прижала к груди ладошки. Вытерпела молча не больше минуты, а потом снова начала:

– Сир Джоакин, вы какого рода? Ваша Праматерь кто была?

– Будто по мне не видно!.. – буркнул с недовольством рыцарь.

Девушка принялась перечислять всех Праматерей, кого вспомнила.

– Агата?.. Люсия?.. Елена? Глория? О! Глория-заступница, да?

Рыцарь кривился и не отвечал. Воину было неприятно, что деревенщина не может распознать на его лице славные родовые черты. Неловкую сцену прервало развлечение, перетянувшее внимание на себя. Начиналось испытание жениха.

Смысл действия состоял в том, чтобы жених доказал силу своей неугасимой любви к невесте, а заодно позабавил гостей. Помочь ему в этом должны были два друга, а задания ставили подружки невесты. Девушки сразу напустили на себя суровый вид, показывая, что не дадут слабины и выдумают испытания со всей строгостью.

Сперва жениху приказали выпить для храбрости. Разумеется, не просто так, а с преодолением трудностей. Друг жениха залез на стол и зажал между коленями бутылку с вином. Сын мельника сел на землю у стола и раскрыл рот, пытаясь поймать струю. Выглядело очень забавно, гости веселились от души, особенно когда подружка невесты принялась щекотать парня с бутылкой, и тот облил жениха с головы до ног. Вот только сир Джоакин отчего-то хмурился.

В качестве следующего задания сын мельника должен был забраться на яблоню с завязанными глазами и с высоты спеть невесте песню о любви. Друзья жениха подсказывали ему путь, а подружки невесты – сбивали и отпускали шуточки.

Сир Джоакин раздраженно бросил:

– Какая унижительная забава! Неужели обязательно так позорить парня?

– Это же весело!.. – смеясь, ответила Маргери.

– Разве невесте по душе, когда любимый так унижается?

– Но ведь он доказывает свою любовь! Конечно, ей в радость!..

– Один стыд, а не испытание, – процедил рыцарь. – Вот у нас, на Севере, если жених хочет завоевать сердце девушки, то должен скрестить мечи с воином невесты. Если она любит парня, то выставит бойца послабее, а если не слишком пылает, то выберет самого сильного из своих вассалов. Тогда жениху придется несладко.

– Так то среди благородных... – ответила Маргери, но внезапно мысль овладела ею: – Эй, женишок, когда спустишься – сразишься с сиром Джоакином!

Бедный парень чуть не грохнулся с яблони. Гости покатались со смеху.

– Да я пошутила! – хохотала Маргери. – Шуток не понимаешь?..

– Ни за что не стану жениться в Альмере, – проворчал рыцарь и помрачнел.

В качестве третьего испытания жениху предлагалось оседлать кабанчика и проехать кругом мельницы. Взнуздать свинью и взобраться верхом было несложно – помогли друзья. Но вот направить животное в нужную сторону – это оказалось непосильной задачей. Едва друзья жениха отпустили кабанчика, как он стартовал галопом, не хуже боевого жеребца, но понесся отнюдь не к мельнице, а в более привлекательном направлении – к огромной грязной луже. Жених изо всех сил принялся дергать поводья, колотить скотину ногами и орать. В какой-то миг кабанчик даже было заколебался и шатнулся в сторону, но затем вернулся к прежнему плану и со всего разгону влетел в лужу. Достигнув цели, он резко затормозил – и сын мельника не удержался в седле.

Надо же было случиться такому, что в самый разгар потехи, когда жених в сердцах колодил себя по бокам, пытаясь сбить грязь, а кабанчик радостно хрюкал, избавившись от груза, – как раз тогда на свадьбу пожаловали трое незваных гостей. Они спешили у ворот и, не сразу замеченные, приблизились к столу. На них были дорожные плащи и серые сапоги, на поясах болтались топоры и кинжалы. Внешностью чужаки мало отличались от разбойников, разве только немного почище.

– Простите, честные люди, что мы вынуждены прервать ваше веселье, – заявил один из них, двигаясь вдоль столов. – Но дело у нас такое, которое не терпит. Среди вас прячется преступник!

Гости ахнули, притихли.

– Государственный преступник, – веско отметил чужак. – Нам необходимо разыскать его.

– А вы кто такие будете? – спросил старейшина. – Вас шериф прислал?

– Бери выше, папаша, – развязно бросил другой парень. – У владыки есть три стражи: алая, лазурная и невидимая. Мы – из третьей.

Тишина стала гробовой. Старейшина и мельник вышли навстречу чужакам. Двое агентов приблизились к ним, третий продолжал расхаживать вдоль столов. Он внимательно осмотрел Джоакина и двинулся дальше, не сказав ни слова. Стало ясно, что искомый преступник – не рыцарь Печального Холма. Кто-то другой.

– Вы ошиблись, добрые господа, – нарушил молчание старейшина. – Среди нас нет злодеев. Мы – честные крестьяне, все друг друга знаем много лет. Единственный пришлый человек за этим столом – добрый рыцарь Джоакин Ив Ханна с Севера. Вы же не станете обвинять его!

– Речь не о нем, папаша... Преступника, которого мы ищем, нет за вашими столами.

Старейшина с облегчением вздохнул.

– Но, – продолжил агент протекции, – мы ясно видели его следы, ведущие в вашу деревню. Вывод один: вы укрыли злодея. А что полагается за укрывательство? Скажи им, Берк.

Агент, которого называли Берком, приобнял мельника со старейшиной, приблизил их головы к своей. Рожа у него была премерзкая: остроносая, хитрая, будто у хорька.

– Поймите вот что, ребята, – вполголоса сказал Берк, – мы ищем парня, который пособничал Айдену Альмера – изменнику и заговорщику. Таким людям полагается плаха, никак не меньше. Ну, а тем, кто укрывают изменников, – каторжные работы. Пять лет рудников. Соображаете?

Ходжис побледнел. Старейшина горячо зачастил:

– Да о чем вы, добрые господа? Нет здесь никаких преступников! Никого не прячем!

– Все так говорят. Правда, Берк?

- Еще бы!..
- Хотите – обыщите избу, убедитесь! Там никого, все здесь, за столами.
- Можно подумать!.. – Берк издал презрительный смешок.
- Село большое, – сказал другой агент. – В каждом дворе – изба, погреб, сарай... Неделя нужна, чтобы все обыскать. Мы знаем способ пошустрее. Ага, Берк?
- Ага.
- Хорек огляделся и указал на крытую сеном постройку:
- Там что у вас? Хлев?
- Да.
- Запирается?
- На засов. А что?..
- А то. Заберите оттуда скот – и пожалуйста внутрь.
- Простите, я не понял...
- Все ты понял, папаша! – рыкнул агент протекции. – Тебя вместе с кумом и молодыми, и всеми гостями мы запрем в хлеву до поры. По одному будем брать на допрос, покуда кто-то не сознается, где прячет злодея.
- Но вы не переживайте, – добавил Берк, – мы допрашиваем с толком, у нас любой мигом расколется. Дело пойдет быстро: посидите в хлеву денек-другой, не больше. Как найдем изменника, так пожалуйста, продолжайте гуляние. А сейчас...
- Он махнул рукой третьему, и тот закричал:
- Все встаем из-за столов! Строимся в ряд вон там, у сарая! Чего не ясно? Всем встать и построиться!
- Старейшина сунул руку в карман, нащупал и ткнул в ладонь Берку горсть монет.
- Взятка? Человеку императора?! – зашипел второй агент. – Да за одно это вас под суд!..
- А Берк мельком оглядел монеты, заметил среди звездочек и полтинок одну увесистую гладию.
- Знаешь, Фокс, я вот вспоминаю, как дело было... И нет уверенности, что следы вели именно в это село. Мы там развилку проходили, помнишь?
- Да какую развилку! Что ты плетешь?..
- Старейшина сунул Фоксу две глади.
- Хм... а может, ты и прав, Берк... в лесу тропинка раздвоилась. Хочешь сказать, мы ошиблись и не туда свернули?
- Ну, не факт, что ошиблись... – проворчал Берк, получивший на глади меньше. – Протекция редко ошибается. У нас острый нюх.
- Старейшина подбил локтем мельника Ходжиса:
- Давай, брат. Дай еще глади – и, глядишь, обойдется.
- Ходжис пощупал в кармане и, холодея, обнаружил там один золотой эфес. Целый эфес одной монетой – и больше ничего! Собирался подарить его молодятам на глазах у всей свадьбы... В нерешительности он глянул на Берка, боясь спросить, не будет ли у агента денег разменять золотой эфес?.. Берк нахмурился:
- По лицу твоему вижу, что мы не ошиблись. Точно укрываете злодея, никаких сомнений! Забираем их, Фокс!
- Мельник никак не мог вытащить руку из кармана – пальцы впились в монету мертвой хваткой и не желали разжиматься. Он проямлил:
- Позвольте, я это... в избу...
- В избе хранился ларец серебра, там точно была мелочь!
- Еще чего!.. Пойдешь злодея предупредить? Никакой избы, за мной!

Берк ухватил его под локоть и потащил к хлеву, Фокс тем же манером повел старейшину. Мельник Ходжис оглянулся и бросил отчаянный взгляд на Джоакина Ив Ханну. Рыцари же всегда защищают невинных! И денег за это не берут!..

Вряд ли воина убедила немая мольба в глазах мельника. Но вот шепоток девушки на ухо оказал влияние, а еще пуще – вкусный пирог, от которого рыцаря оторвали наглецы из тайной стражи. Джоакин встал и двинулся к третьему агенту, который как раз проходил неподалеку.

– По какому праву вы портите людям свадьбу?! – рявкнул рыцарь.

Агент открыл было рот для ответа, но не успел: молодецкий кулак воина угодил ему в челюсть. Агент повалился в пыль, рыцарь перешагнул его и пошел к двум остальным.

– Э, э, ты что это задумал!.. – закричал Фокс и нервно схватился за топор.

– Ты серьезно?! – хохотнул рыцарь. Меч вылетел из ножен, сверкнул на солнце. Жених и три его брата присоединились к воину.

Фокс и Берк переглянулись... и бросились бежать. Джоакин мог бы настичь их, но Фокс ловко опрокинул на землю мельника – прямо под ноги рыцарю. Тот споткнулся, сыпля проклятиями. Агенты во весь опор мчались к лошадям. Их догонял и третий – он быстро оклемався после удара. Вот они уже прыгали в седла.

– Пускай себе скачут, – сказал рыцарь. – Не будем марать руки.

Но жених подхватил дубовое полено и метнул точно в затылок Берку. Тот грохнулся с коня. Два остальных агента даже не оглянулись. Конь без седока тоже не сбавил ходу: повертев головой, усккал на луг. На диво, Берк остался в сознании: встал и метнулся в сторону, скрывшись за пресловутым хлевом.

– Не преследуйте! – приказал рыцарь. – У него топор, можете пострадать. Дайте я!

И решительно двинулся к хлеву. Жених с друзьями пошли было следом, но Джоакин грозно прикрикнул на них, и все замерли. Рыцарь свернул за хлев. Крестьяне с ужасом ждали звона железа, но до клинков не дошло. Вместо этого донеслись глухие удары кулаков и вопли Берка.

– Так и надо!.. – порадовался мельник. Крикнул погромче: – Деньги у него заберите, сир рыцарь!

Последовали новые удары, а стоны агента перешли в рыдание. Доброе сердце Маргери не выдержало:

– Пощадите его, сир Джоакин!.. Пускай идет!..

Рыцарь стукнул еще разок-другой и выполнил просьбу девушки. Из-за хлева выбежал Берк, прижав ладони к разбитому лицу. Сильно хромая, потрусил к опушке леса. Никто его не преследовал. Сир Джоакин вернул старейшине горсть монет. Округа огласилась криками восторга.

Каково было бы удивление старейшины и мельника, и всех гостей свадьбы, имея они возможность наблюдать события за хлевом! Произошло там следующее. Когда рыцарь Джоакин влетел в тень, Берк встретил его злым шепотом:

– Ты совсем ошалел, Джо?! Не узнал, что ли?

– Узнал, – ответил рыцарь, опуская меч. – Что мне с тобой, дубиной, делать? Отпущу – они поймут.

– А ты врежь мне, – посоветовал Берк, прижимаясь спиной к стене.

Джоакин врезал. Берк уклонился, кулак рыцаря впечатался в стену с такой силой, что дрогнула солома на крыше.

– Ааа, тьма!.. – застонал Джоакин, потирая костяшки. Берк тут же завопил во все горло, заглушив рыцарский стон.

– Давай еще!.. – сказал он, вдоволь накричавшись.

Джоакин ударил в стену осторожнее. Берк заорал.

– Так и надо!.. – донеслось издали. – Деньги у него заберите, сир рыцарь!
В промежутках между ударами Джоакин проговорил:
– Хорошо, что ты подвернулся. Есть дело.
– А у меня уже нет, твоими стараниями! – зло проскрипел агент. – Ааааа! Пощади, пощади!.. Какое?
– Завтра расскажу. На рассвете жди на опушке, за холмом.
– Ага. Ааааа! Смилуйся, умоляю!
– Пощадите его, сир Джоакин!.. Пускай идет!..
– Слово девушки – закон, – подмигнул Берк. – Мне пора.
– Стоп! – Джоакин еще раз ударил стену. – Деньги-то верни!
– Какие?
– Но-но!
Берк выудил горсть серебра и ткнул рыцарю:
– Ну, Джо...
Зажав лицо руками, он поковылял прочь.

* * *

Не сказать, что Джоакин явился на место встречи прямо таки к рассвету. На рассвете он еще видел сладкие сны на скирде соломы в обнимку с конопатой Мэри, или как там ее звали. Проснулся ближе к полудню и, понятно, захотел поесть. Отправился в избу, где собиралось уже новое застолье. Правильную свадьбу празднуют три дня – в честь трех Праматерей любви: Мириам, Эмилии и Софьи. Героя минувшего дня досыта накормили, приправляя трапезу всякими расспросами. Джоакин охотно рассказал, как служил в войске герцога Ориджина и весною отправился в Шейланд воином почетного эскорта при Северной Принцессе. А затем граф Виттор поручил Джоакину сопровождать чрезвычайно важный груз для герцога Южного Пути. В дороге на них трижды нападали, и Джоакин зарубил никак не меньше пятнадцати разбойников и четверых жеребцов. Когда груз, невзирая на все опасности, был доставлен, сюзерен в благодарность пожал руку Джоакину и подарил искровый кинжал – ага, вот этот самый, – дал денег и сказал: «Ты заслужил отдых, храбрый воин! Иди, развлекись, как следует!» И Джоакин отправился в путешествие, поскольку его душа – как ветер: не терпит покоя... Он бы еще много интересного припомнил, если б голова так не гудела с похмелья.

Но вот его желудок был полон, рассказ окончен, и Джоакин выступил в дорогу. Поклонился тестям и свекрам, пожелал огромной любви новобрачным и запрыгнул на коня – не так ловко, как ему хотелось бы. Спустя какие-то часов восемь после рассвета он выехал на опушку у подножья холма. Берк лежал на лужайке, голый по пояс, и жевал табак.

– Ты где был? Ждал, пока борода вырастет?

– Я задержался в пути, – ответил Джоакин и протянул приятелю буханку черного хлеба с куском ветчины.

– О, это дело!

Берк тут же накинулся на еду. Джоакин спешил, сел рядом.

– Ну, расскажи, как ты до такого докатился. Не просто сыщик, а фальшивый сыщик – ну и ну! Неужто нормальной службы для воина не нашлось?

– А то ты не знаешь!.. После Мельничной войны тут полная Альмера наемников. Кого Рантигар разогнал, все сюда хлынули, будто медом намазано. Нужен тебе головорез – найдешь любого на свой вкус: хоть мечника, хоть копейщика, хоть рыжего, хоть седого... И первым спросом, понятно, пользуются те, у кого морда мужественная. Обо мне, приятель, этого не скажешь.

Что правда, то правда: Берк с его заостренным носиком и лукавыми глазками напоминал скорей хорька, чем славного воина.

– И чем ты занялся?

– Ну, зиму мытарствовал... Весной встретил парней, мы с ними эээ... промышляли немного...

– Как промышляли?

– Оно тебе надо – знать-то? Негодовать начнешь, драться полезешь... А дело все равно уже прошлое. Летом мы с промыслом завязали и выдумали штуку получше. Как с его светлостью скандал случился, так мы и подумали: отчего бы не стать агентами тайной стражи? Протекцию все боятся, но никто толком не знает, как она выглядит. Рыцаря от мельника всякая собака отличит, а вот агента протекции – поди разбери, взаправду он агент или прикидывается.

Джоакин презрительно фыркнул.

– И что, неужели заработали на этом маскараде?

– А то! Берешь человека в оборот и нежно на ушко говоришь, что выбор у него: пойти с нами или выкатить монетку. Веришь: никто не выбирает первое. А свадьбы – так вообще раздолье. Свадьба, понимаешь, дело серебряное: и гости денежку несут, и невестино приданное в наличии. Легко можно елену-другую наварить.

– Пройдохи, – бросил Джоакин.

– Сам пройдоха! – отбил приятель. – Выгодное дело испортил. Парням теперь голодать придется. А с поломанными ребрами голодать, знаешь, особенно неприятно.

– И по делом. Нечего людей обманывать.

Берк покачал головой, запихнув в рот последний кусок хлеба.

– Тоже мне, проповедник... Ладно, по правде, оно и к лучшему, что так вышло. Ходят слухи, что тут настоящая протекция рыщет. Повстречаться с этими парнями было бы куда большее, чем с тобой... Так что считай, я тебя простил.

Джоакин хрюкнул, вложив в этот звук всю полноту негодования.

– А ты-то сам откуда и куда? – спросил Берк.

– Я вот... – Джоакин замялся. – Ну... есть один план, и я подумал, что ты мне пригодишься.

– Если запахнет монетой или хотя бы колбасой, то, пожалуй, пригожусь. А что делать нужно?

– Хочу наняться на службу к большому лорду. А чтобы он наверняка меня взял, скажусь благородным.

– Вроде как лорденышем?

– Именно.

– А я тебе зачем?

– Понимаешь, приятель, я вот подумал... Если по правде рассудить, то чем я не дворянин? Имя – как следует: Джоакин Ив Ханна. Вроде, звучит. Меч есть, кольчуга имеется, кобыла – что надо. Дерусь получше многих благородных. Один только изъян: сквайра у меня нет.

– Сквайра?..

– Ну, это вроде оруженосца, только пониже рангом. Боевой помощник рыцаря.

– Ага.

– И вот что я подумал: не станешь ли моим сквайром?

– Кормить будешь? – мигом спросил Берк.

– Если сам найду, что пожрать, то и с тобой поделюсь.

– Денег заплатишь?

– Четвертину от того, что мне даст лорд.

– Треть.

- Еще чего!
- Четвертину и еще восьмушку.
- Только четвертину.
- Какой из тебя лорденыш, Джо? Торгуешься, как последний купчина!
- Джоакин покраснел.
- Ладно, будь по-твоему... треть.
- А присягу нужно приносить?
- Да проку от твоей присяги, – отмахнулся воин, – ты же не благородный... Просто дай слово, что будешь служить, как следует.
- Берк усмехнулся:
- Имеешь в виду, что не брошу тебя в самом дерьме и не продам за пару монет? Будь спокоен, не продам. Ты меня знаешь.
- Джоакин знал.
- Что ж, тогда считай, приятель, что ты у меня на службе.
- Постой-постой, Джо. Еще один вопрос: к кому пойдем наниматься?
- Джоакин поднял подбородок и горделиво сверкнул глазом:
- К его светлости герцогу Айдену Альмера.
- Чего?! – вытаращился Берк.
- К лорду Альмера.
- Берк мотнул головой.
- Проходи, добрый путник, не задерживайся. Тебе в ту сторону, мне – в эту. Буду в храме, помолюсь за тебя.
- Ты чего? – не понял Джоакин.
- Да ты совсем свихнулся, Джо?! Или так упился, что все на свете позабыл?! Герцог Айден Альмера – изменник и интриган! Сам император его ненавидит, в столице против герцога суд готовится! А ты к нему на службу хочешь?!
- Хочу.
- И что, по-твоему, дальше будет? Владыка позлится немного, да и простит Айдена?! Головой своей чугунной поразмысли! Герцог – враг владыки! Рано или поздно за ним придут. И не какой-нибудь младший помощник четвертого шерифа, а имперская искровая гвардия! Ты хочешь в этот момент быть на стороне Айдена?
- Я не такой дурак, как ты думаешь, – бросил обиженно Джоакин.
- Да ну?! Тогда поясни-ка. Может, я чего не понял.
- Джоакин замялся. По правде, он представлял реализацию плана следующим образом: он является в Алеридан, с немалым трудом добивается приема у герцога или хотя бы кастеляна, долго спорит, убеждает, проходит какое-нибудь нелегкое испытание и, наконец, доказав свою доблесть, становится бойцом личной стражи леди Аланис Альмера. Что будет после – он не думал. Перспектива службы у леди Аланис сверкала так ярко, что слепила глаза. Рассмотреть более отдаленное будущее Джоакин не мог.
- Ну... суд будет еще нескоро... – выдавил он наконец.
- Месяц-другой всего остался! Держу пари, до своей свадьбы владыка покончит с герцогом.
- Джоакин промолчал. Берк лукаво сощурился.
- Постой-ка... Хочешь сказать, мы месяц пожрем за герцогский счет, возьмем оплату да и уберемся оттуда прежде, чем заявятся искровики?
- Джоакин буркнул нечто невразумительное.
- А ты и вправду не такой дурак! – Берк ухмыльнулся. – Хороший план. Я в деле. Когда выступаем?

* * *

Альмеру зовут в простонародье Красной Землей. Местные говорят: красная – значит, красивая. С ними сложно поспорить: города и поселки герцогства, даже самые крохотные, неизменно нарядны, вымыты, выкрашены, тщательно следят за собою, как дворянка средних лет. Мещанские домики так заманчиво опрятны, что хочется потрогать, а то и лизнуть – ни дать, ни взять, марципановые.

Приезжие говорят: прозвище пошло от карьеров. Холмистый центр Альмеры изобилует красной глиной. Кирпичные заводы, коих здесь десятки, обрастают карьерами. Изрытая земля становится неплодородной; овраги заполняются водой и превращаются в жутковатые бурые озера. А иные карьеры, напротив, высыхают, и ветер поднимает над ними вихри терракотовой пыли. Дороги среди холмов усыпаны ею. Идешь ты по грунту или булыжнику, под твоими подошвами все равно окажется тонкий слой красно-рыжего порошка. Местные хвалятся: наши дороги покрыты золотым песком! Приезжие бурчат: высохшей кровью.

В очередной раз отряхивая пыль с волос, Джоакин ворчал:

– Ну, и земля! Как только герцог допустил такое? Стыдно же такой землей править! Ему бы следовало закопать к чертям все карьеры, фабричников разогнать, а земли раздать добрым лордам. Тогда и порядок был бы, а не вот это... тьфу.

Он сплюнул, плевок окрасился в бурый цвет.

– Как увидим герцога, выскажешь ему замечание, – посоветовал Берк.

– Ну, а что, я не прав? Ни луга, ни рощицы. Коню пастись негде, да и смотреть по сторонам противно.

– Не вся Альмера такая. Скоро холмы кончатся, пойдут поля – там красивше. А потом в Алеридан въедем – так ты вообще ахнешь! Не был там? Нет?.. Вот чем хочешь клянусь: лучше города ты не видал.

Берк принялся описывать. С его слов выходило, что во всем Алеридане нет ни единого деревянного дома – все кирпичные или каменные. Десять лет назад герцог велел сравнять последнюю нищенскую улицу, а взамен выстроить кирпичные дома и раздать прежним жителям. Без денег, за так – чтобы деревянные развалюхи не уродовали собою город. С тех пор весь Алеридан – как квартал богачей: каменный, могучий, многоэтажный. Да-да, меньше трех этажей домов вовсе нету. А улицы вымощены кирпичом, а на каждом углу – фонтан или поилка для коней. И прямо сквозь город рельсы проложены: по главным улицам ходят маленькие поезда. Четверть агатки – и ты в другом конце города. А если денег нет, то становишься на подножку и едешь снаружи вагона – еще веселее!

Джоакин познакомился с Берком год назад, на борту корабля, что шел из Беломорья в Рейс. Шхуна была набита наемниками, надеявшимися заработать на Мельничной войне. Берк играл в карты с парнями и по необъяснимой милости богов все время выигрывал. Громила-копейщик, лишившись пары глорий, озверел и схватил Берка за руку. Рванул рубаху – посмотреть, что в рукаве спрятано. Вопреки ожиданиям, в рукаве оказался не крапленый туз, а стальное «перо». Мигом – вот буквально за мгновение ока – «перо» очутилось в ладони Берка, а кафтан на груди громилы распался лоскутьями крест-накрест. Так быстро, что никто не успел проследить движение: вот копейщик стоял одетый, а вот – голый по пояс. После Джоакин спросил Берка:

– Ты где служил раньше, приятель? В каком войске таким штукакам обучают?

– В войске?.. – Берк хохотнул. – Я что похож на служивого?..

– Зачем же ты теперь нанялся?

– Корабль хороший – далеко идет...

За плечами у Берка остался долгий шлейф городов, которые он покинул маршем скорее быстрым, чем праздничным. Фарвей, Уайтшед, Отмель, Лабелин, Серый Утес, Твинси, Беломорье – в любом из этих мест Берк предпочел бы не появляться даже ночью и в закрытой карете: слишком уж теплую память оставил он по себе у местных жителей. Так что теперь, слушая из его уст описание Альмерской столицы, Джоакин встревожился:

– Постой, приятель, ты что же, и в Алеридане наследил? Хорошим я буду рыцарем, если по моему сквайру темница плачет!

– Нет, Джо, будь спокоен. Алеридан – хорошее место, здесь я тихий и мирный. По нраву мне этот городишко. Другие города – чтобы зарабатывать деньги, Алеридан – чтобы жить. Непременно куплю здесь домишко, когда разбогатею.

Спустя день они увидели город, и Джоакин уважительно присвистнул.

– Хорош, да? – сказал Берк. – А я что говорил!

Город был хорош, с этим не поспоришь. Много красивее всех прочих, какие видал Джоакин. Однако молодой воин смотрел на замок.

Эвергард – цитадель герцогов Альмера – лежал на холме, подобно тому, как корона лежит на голове императора. Он не нуждался во рвах – крутые склоны сами по себе защищали крепость от осадных башен. Три кольца стен опоясывали холм: одна – у подножия, вторая – посередине, третья – под самой вершиной. Дорога вилась между стенами, обжатая ими с обеих сторон, и горе вражескому войску, что рискнуло бы вступить на эту дорогу. Подобно зубцам короны, башни усеивали вершушку. Двенадцать остроконечных сторожевых вышек горделиво взирали на склоны с захватывающей дух выси; тринадцатая башня – центральная – была подлинным исполином. Квадратная в сечении, она имела никак не меньше двухсот футов в высоту и пятидесяти – в ширину. Половину башенной стены занимала огромная фреска: рыцарь, преклонивший колени перед святой Агатой. Волосы и плащ Агаты, шлем и меч рыцаря пламенели золотом.

– Сколько же деньжищ пошло на эту штуковину!.. – воскликнул Берк. – Раз десятый вижу – а все поражаюсь: червонным золотом полбашни облепили! Будто некуда девать было...

– Эвергард невозможно захватить, – сказал Джоакин. – Он неприступен. Можно лишь увидеть, какие трофеи ждут тебя, рвануться на штурм – и сложить головы под стенами. Эта фреска – насмешка над врагами.

– Ага, и над бедняками тоже, – буркнул приятель. – Кстати, о бедняках, господин мой. Приезд в такое великое место неплохо бы отпраздновать. Не угостишь ли верного сквайра пивком? А где пиво – там и кабанья нога. А где наелся от пуза, там и до ночлега недолго... Словом, деньги у тебя есть?

– Пока – нет, – невозмутимо покачал головой Джоакин. – Потому сперва отправимся в замок.

Они спустились к речушке, что отделяла цитадель от города. По солидному каменному мосту пересекли ее, проехали полмили тенистой каштановой аллеей и приблизились к первым, нижним воротам. Ворота были закрыты, несмотря на полдень.

– Не очень-то они рады гостям, – заметил Берк, и оказался чертовски прав.

До ворот оставалось еще двадцать ярдов, когда в амбразурах надвратной башни показались арбалеты.

– Стойте, где стоите! – крикнул некто, невидимый в тени бойницы. – Кто такие, зачем явились?

– Я – Джоакин Ив Ханна с Печального Холма, а это – Берк, мой сквайр! – могуче проорал Джоакин. – Пришли наниматься на военную службу к его светлости!

– Проваливай, – ответила бойница.

Берк невпопад хохотнул. Джоакин свирепо зыркнул на него и прогудел:

– Желаем поговорить с капитаном гвардии!

– Еще чего, – бросили сверху. – Проваливай, говорю.

– А я говорю – позови капитана! – зарычал Джоакин. – Ты хоть знаешь, с кем имеешь дело?

– С голодранцем, – фыркнула бойница. – Для тебя тут службы нет, убирайся.

– Только капитан может принять решение: взять на службу или отказать, – не сдавался Джоакин.

– А я могу принять решение: угостить тебя болтом или нет. Клянусь, если не уберешься сейчас же, продаю тебе третий глаз.

– Эй, ты что творишь?.. Жить надоело?! – завопил Берк, поскольку Джоакин спрыгнул с коня, воткнул меч в землю, расставил руки в стороны и, безоружный, нагло зашагал к воротам.

– Слушай меня, ты там, на башне! – со злостью закричал молодой воин. – Ты, конечно, можешь пристрелить безоружного путника, с тебя станется. Но тогда ты убьешь человека, который мог бы верой и правдой служить ее светлости леди Аланис до конца своих дней!

Наверху послышалась какая-то возня, приглушенные голоса. Выстрела не последовало. Джоакин живым добрался до ворот, стукнул кулаком в доски. Спустя минуту открылась калитка. На пороге стоял не арбалетчик, но кольчужный рыцарь в белом плаще с гербом Альмеры. Рыцарь внимательно оглядел Джоакина, негромко хмыкнул.

– Сир Хамфри Эльза Карина, лейтенант гвардии его светлости. Командую привратным караулом.

– Я – Джоакин Ив Ханна с...

– Слышал, – кивнул сир Хамфри. – Ты, по всему, неплохой парень. И служил бы верно – я твою породу знаю.

– Благодарю вас, сир! – вскричал Джоакин, хватая лейтенанта за руку.

– Служил бы, – повторил лейтенант с ударением на «бы». – Замок переполнен, гарнизона вдвое больше, чем нужно. Не возьмем мы тебя – некуда.

– Но сир, нам не обязательно место в замке! – истово заговорил Джоакин. – Мы можем в городе квартироваться, а то и в поле ночевать – не в первой же. Просто на службу возьмите! Я – отличный мечник, вы не пожалеете! Хотите – прямо сейчас докажу. Любого поставьте против меня!

Лейтенант издал смешок и постучал кулаком по лбу:

– Совсем свихнулся... Не нужны нам воины, пойми ты! Ты – храбрый парень, но здесь тебе ловить нечего.

Сир Хамфри захлопнул калитку, и больше с Джоакином уже никто не говорил. Мрачнее тучи воин вернулся к своему приятелю.

– Ну, ты сделал, что мог, – утешительно сказал ему Берк. – Видать, им и вправду не нужны люди.

Джоакин угукнул и хмуро двинулся от замка. Берк поехал следом, приговаривая:

– Ничего, явимся в город – там найдем что-нибудь. Богачей в Алеридане много, кому-нибудь охрана да понадобится. Ты умеешь говорить веско, так что мы их живо убедим. Скажем: его светлость нынче в опале у его величества. А раз так, то времена грядут беспокойные. А в беспокойные времена всякого сброда на дорогах хватает, так что путешествовать без стражи – оно себе дороже будет. Уважаемый купец должен о сохранности товара заботиться, в этом деле лишний меч никогда не повредит...

При слове «купец» Джоакин дернулся.

– Ну, а что? – продолжил Берк. – Купцу знаешь, как хорошо служить! У него и денег-то поболее, чем у иного лорда, и кормежка вкусная – купцы в еде знают толк. И делишки непьющие. Лорды с другими лордами рубятся: меч против меча, рыцарь против рыцаря. А у купца враги – воры да карманники. Наймемся к торговцу – наши шкуры целее будут, вот что!

– Нет уж, благодарю, – буркнул Джоакин.

– Это чего же? Не понял всей выгоды? Едем в таверну, я тебе растолкую! Зуб даю: наняться к торговцу – отличная мысль! Даже не знаю, зачем мы на замок время тратили...

Вдруг дорога задрожала под ними. Топот копыт загрохотал в ушах, навстречу приятелям вдоль аллеи несясь отряд всадников. Передний кричал, надсадно перекрывая грохот:

– С доррроги! Дорррогу герцогине!

Сзади донесся скрип – замок открывал ворота, готовясь принять отряд. Берк вильнул на обочину, увлекая за собой Джоакина. Спустя пару вдохов мимо них пронесся отряд.

Первым летел золоченый рыцарь на роскошном вороном жеребце. А следом, отставая от лидера на два шага, ехала девушка.

Джоакин глядел на нее. Глядел, не мигая. Глядел, не дыша. Джоакин не знал, где находится, и что делает. От его тела остались одни глаза – остальное было без надобности. Миг, за который леди Аланис промчалась мимо, все длился и длился, и длился... Джоакин смотрел ей вслед, сквозь дорожную куреву и спины всадников, сквозь створки ворот, сомкнувшихся за отрядом... и был уверен, что все еще видит девушку.

Леди Аланис сопровождала дюжина рыцарей – Джоакин заметил их краешком глаза. Самый блеклый из этих рыцарей выглядел так, что Джоакин рядом с ним казался бы нищим прокаженным... но это не имело значения. Замок переполнен, гарнизону не нужны ни воины, ни конюхи, ни лакеи – но и это не имело значения. Спустя месяц имперская пехота осадит цитадель, и всем, кто останется внутри, придется жрать крыс и подметки с сапог. Эта мысль тоже утратила всякую важность.

– Ну что, Джо, двигаем? – спросил Берк, когда улеглась взбитая подковами пыль.

Молодой воин уставился на спутника, будто на умалишенного. Джоакин твердо знал: что бы ни случилось, чего бы ни стоило, он не уйдет от Эвергарда.

Стрела

Август 1774 г. от Сошествия

Первая Зима

Роберт Эмилия Герда рода Агаты, кузен молодого герцога Ориджина, являл собою отличное доказательство того, что люди не меняются с годами. Роберт Ориджин был фаталистом и в тридцать лет, и в двадцать, и в десять. Даже младенцем он был весьма фаталистичным – кто помнит, тот подтвердит. Всю свою жизнь Роберт свято верил, что все на свете – в руках Праматерей. Как они решили – так и будет; чему положено – то и случится. Человек не в силах изменить что-либо, как ни старайся. Даже если кажется, будто принимаешь решения, на что-то влияешь – это иллюзия. Ты всего лишь реализуешь то, что начертано Праматерями.

Такие убеждения вовсе не сделали Роберта смиренной овечкой. Подростком он начал службу грея, в шестнадцать получил красно-черный плащ, в девятнадцать командовал ротой, в двадцать три – батальоном. Будучи юношей, считал выигранные поединки, а когда перевалил за дюжину, сбился со счета и больше не давал себе труда. Ходил с лордом Десмондом в Шейланд и в Рейс, и в Закатный Берег. Турнирами пренебрегал – ерунда это. Лишь однажды в Нортвуде на спор принял участие и сделался чемпионом... Словом, кайр Роберт был обычным Ориджином, не хуже прочих.

Его мировоззрение выражалось в кромешном, непрошибаемом спокойствии при любой жизненной ситуации. Роберта невозможно было удивить или выбить из колеи. Что бы ни случилось, он принимал как должное и реагировал одним словом: «Ага». Или в крайнем случае: «Бывает». Кого-то убили – ага, кто-то тяжело хворал и выздоровел – бывает. Сошла лавина, снесла родовое имение – и такое бывает. За ночь выиграл в кости полсотни эфесов – ага. Роберт, вообще-то, был не азартен, но в ту ночь Праматери распорядились – он и сыграл. В Закатном Берегу оказался в безнадежной ситуации: с одной ротой, прижатый вражескими эскадрами к замковой стене, – ага. Прикинул: что угодно Светлой Агате? Ей угодно было, чтобы Роберт бросился на штурм. Он и полез – одною ротой. Замок пал. Позже герцог Десмонд хвалил его: «Ты – герой, племянник. Это легендарный успех». Роберт ответил: «Бывает, милорд». А днем позже скакал в чистом поле, конь угодил копытом в нору, и Роберт расшиб голову – так сильно, что всю зиму провалялся на грани смерти. Он и тут сказал бы: «Бывает», – да не смог, поскольку лежал без сознания.

А когда оклемался, старый герцог поручил ему дело.

– Очень важное дело, почетное, – сказал герцог, но замылся. Казалось, боялся унижить племянника.

– Ага, милорд.

– Наши денежные трудности растут из года в год. Ситуация становится плачевной. Я хочу поручить казну герцогства человеку, которому полностью доверяю, – одному из Ориджинов. Хочу, чтобы ты, Роберт, занялся этим.

Другой бы протестовал: что за дело для воина?! Убеждал бы: я выздоровел, рана зажила, готов к любому сражению! Намекнул бы осторожно: младший сын вашей светлости, Эрвин, справится намного лучше... А Роберт не спорил, даже ни о чем не спросил. Раз так случилось – значит, Праматерям угодно.

– Ага, милорд.

С тех пор шесть лет кайр Роберт заведовал всею казною Первой Зимы.

К этому делу подходил он добросовестно, как и к любому другому. Старательно изучал отчеты управителей, крупные суммы выдавал только под расписки, каковые складывал в сундуке под замком. Раз в месяц брал на себя труд лично просуммировать все доходы и вычесть расходы. Если деньги тратились на что-либо видимое глазу – ремонт крепостной стены, стро-

ительство моста или дороги – ездил проверить, как идут дела. При этом Роберт продолжал носить двцветный плащ и меч на поясе. Управители боялись его, как сизого мора. Если прежде кто-то воровал из герцогской казны, то теперь о краже не могло быть и речи.

Однако Великий Дом Ориджин продолжал беднеть. Кайр Роберт зорко следил за тем, куда расходуются деньги, но откуда они берутся – имел смутное представление. Конечно, Роберт знал: основной источник доходов – налоги с торговли, ремесленных цехов и вольных крестьян. Но какова должна быть сумма этих доходов?.. На нее влияла масса факторов: урожай или неурожай, овечий мор, текущие цены на шерсть, торговая политика Южного Пути, даже столичная мода! Роберт Ориджин не разбирался во всей этой чепухе, и не пытался. Он видел ситуацию так: доходы зависят от воли Праматерей. Если им будет угодно, доходы вырастут. Как правило, Праматерям было угодно обратное.

Каждый сезон кайр Роберт докладывал своему дяде:

– Милорд, доходы упали на десятину против минувшего года. Я смог сократить расходы лишь на пол-десятины, так что по итогу остались в убытке.

Герцог хмурился:

– Куда деваются чертовы деньги?..

Роберт принимался обстоятельно отвечать, герцог кривился, как от кислого вина. Роберт выкладывал на стол учетные книги и векселя. Герцог рычал:

– Хватит, довольно! Скажи коротко: в чем беда?

– Праматерям угодно, чтобы доходы упали, – невозмутимо сообщал Роберт.

– Холодная тьма... Что можно сделать?

– Будем надеяться, милорд, что в следующем году станет лучше, – советовал Роберт. Герцог следовал совету.

Был конец августа 1774 года. Жизнь повернула и двинулась другим путем. Великий Десмонд Ориджин тяжело захворал и отрекся от власти. Эрвин София Джессика – новый герцог – собирал войско.

Он вызвал Роберта для беседы наедине в шестой день своего правления. Разговор состоялся на вершине южной башни – Эрвин любил высокие места. Молодой герцог предложил выпить, Роберт не отказался. Поднял кубок за Светлую Агату, влил в себя залпом, не поморщившись. Эрвин едва пригубил.

– Ну, ты и дела затеял, кузен!.. – сказал Роберт, кивнув в сторону бойницы.

Снаружи блестело лазурью озеро, плавали утки, служанки со смехом стирали белье... А за озером долина пестрела шатрами и флагами, чадила сотнями костров, всхрапывала тысячами конских глоток. Двенадцать батальонов развернулись в долине, и она сразу сделалась тесной. Военный лагерь уперся флангами в подножья гор.

– Что ты об этом скажешь? – спросил Эрвин.

– Сильное войско, – уважительно ответил Роберт. – Славный выйдет поход, надолго запомнится.

Глубоко в душе Роберт полагал, что армия кузена будет с треском разбита. Имперские войска вдвое превосходят северян по численности и носят искровые копья. А Эрвин, ко всему, совсем неопытный полководец, так что его дело – пропащее. Однако Роберт не кривил душой: поход будет славный и памятный! Хотя и безнадежный.

– И ты не скажешь, что я совершаю самоубийство? – будто прочел его мысли Эрвин.

Роберт пожал плечами.

– Ты сказал, Агата говорила с тобой. Раз это ее воля – значит, быть посему.

– Я тоже так считаю, – с легкой улыбкой ответил герцог. – Загвоздка вот в чем: Светлая Праматерь не сказала мне, откуда взять денег для похода. Об этом я хотел побеседовать с тобой.

Роберт поднаторел в финансовых подсчетах и без труда прикинул вслух:

– У нас два батальона Первой Зимы. В каждом по четыреста кайров, каждый получает в месяц пять золотых. Добавим жалованья офицерам и походные затраты, выйдет общим счетом три тысячи девятьсот эфесов в месяц. Затем, ты призвал еще десять вассальных батальонов. Тамошним кайрам платят их лорды, но ты должен будешь оплатить продовольствие и фураж в походе, госпитали и снадобья, а также труд инженеров для осадных машин. Это станет тебе по двести пятьдесят эфесов на батальон, итого – шесть тысяч четыреста золотых в месяц...

– Еще не все, – покачал головой Эрвин. – Я ожидаю Флеминга и Уайта, и лордов Верхней Близняшки, и отзываю нашу горную стражу. Добавятся еще два батальона Ориджинов и шесть вассальных.

– Ага, – сказал Роберт и нахмурился, складывая в уме, – стало быть... одиннадцать тысяч восемьсот золотых за месяц похода. А если положить, что война не будет длиться меньше трех месяцев, то выходит...

– Пятьдесят девять тысяч эфесов, – опередил его Эрвин. – Мне понадобится не три месяца, а пять.

– Все в руках Праматерей, – согласился Роберт.

– Тут мы подходим к самому любопытному. Сколько есть у нас в казне?

Ни секунды не колеблясь, казначей сообщил:

– Сто девяносто эфесов серебром и восемьдесят шесть – золотом.

Ничтожная малость суммы не смущала Роберта. Он был уверен: дело казначея – в том, чтобы точно вести подсчет и не допускать воровства. А уж доходы – это в руках Праматерей, и от воли смертных не зависит.

Эрвин усмехнулся:

– И, я полагаю, эти баснословные богатства уже кому-нибудь обещаны?

– Точно, кузен. Твоя матушка велела выдать пятьдесят эфесов епископу и пятьдесят – госпиталю Глории-заступницы. Еще триста будут выплачены мастерам за укрепление моста через Створки Неба.

– Иными словами, я имею на сотню эфесов меньше, чем ничего?

– Бывает, – пожал плечами Роберт.

Молодой герцог сказал с улыбкой:

– Дорогой кузен, мне нужны деньги. Ты знаешь, сколько. Найди мне их.

Казначей глянул на лорда несколько озадаченно. Подобных дел ему прежде не поручали. Он привык повиноваться приказам и исполнять со всей тщательностью, но этот приказ был больно уж странным. Роберт попытался объяснить:

– Ты не понимаешь самую суть казначейского дела...

– Кузен, – добродушно подмигнул ему Эрвин, – я знаю, прошло совсем мало времени, ты не успел перестроиться... Никогда не говори герцогу Ориджину, что он чего-нибудь не понимает. Ага?

Казначей не оробел:

– Прости, я не хотел проявить неуважение. Тут нет ничего зазорного: ясное дело, герцог не понимает в финансах, ты же не купец. Но я, волею Праматерей, освоился в этой кухне, и хочу пояснить.

– Что ж, давай, – милостиво разрешил герцог.

– Видишь ли, главная задача казначея – всегда знать, сколько денег имеется в казне. Если лорд желает потратить деньги, он спрашивает о том, сколько есть в наличии, и из этой суммы исходит. Для того и ведется учет – чтобы знать, сколько можешь потратить. Безрассудные лорды тратят больше, чем имеют, и влезают в долги. Слишком осторожные тратят меньше, и в казне остается избыток, который крадут управители. Умный лорд потратит ровно столько, сколько нужно. Такова суть финансового дела.

– Извини мне глупый вопрос... а кто отвечает за наполнение казны?

Лицо Роберта прояснилось, он сказал с глубокой убежденностью:

– Это не зависит от воли смертных! Доходы – в руках Праматерей.

Герцог почему-то рассмеялся.

– Ах, как мало мы значим в этом мире! Ничтожные смертные!.. Ладно, спрошу более конкретно. Граф Шейланд оплатил выкуп за мою леди-сестру. Сколько?

– Двадцать тысяч золотых.

– Всего?!

– Двадцать тысяч сразу, и еще обязался платить по десять в год на протяжении будущих десяти лет. Общим счетом выйдет сто двадцать тысяч эфесов.

Эрвин присвистнул. Это была чудовищная сумма. Редкий император выплачивал такой выкуп семье своей невесты! Однако деньги нужны были сейчас, а не через десять лет.

– Я могу использовать хотя бы первые двадцать тысяч?

– Нет, кузен. Они давно потрачены.

– Кем? На что?

В этом Роберт был силен. Улыбка озарила суровое лицо кайра.

– Две тысячи двести пошли на устройство свадьбы Ионы. Тысячу пятьсот Иона забрала с собой в Шейланд, чтобы пожертвовать тамошним беднякам и больницам. Тысячу двести герцогиня София потратила на открытие театра в Лиде и шестьсот отдала епископу для новых фресок в Скальную Часовню...

Герцог вновь расхохотался:

– Ну и семейка! Хоть кто-нибудь здесь тратит деньги на что-то полезное?

– Оставшиеся четырнадцать тысяч пятьсот и еще двенадцать тысяч из нашей казны герцог Десмонд уплатил мастерским цехам задатком за сооружение подземной усыпальницы.

Смех Эрвина тут же оборвался.

– Мой отец зарыл в землю половину стоимости войны?!

– Неуместный сарказм, кузен. Подземная усыпальница – важное и дорогое строение.

Она...

– ...очень скоро пригодится мне, если я не найду денег на содержание войска!

– Бывает, – развел руками Роберт.

Герцог глубоко вдохнул, чтобы набраться терпения.

– Ладно, Роберт, я понимаю: задача непростая, творческая. Давай подумаем вместе: где взять денег? Вот, например. Отец заплатил цехам вперед... но ведь они не потратили эти деньги сразу! Не могли же! Таких деньжищ хватит на десять лет строительства. Можем ли мы забрать назад то, что цеха еще не истратили?

– Это против чести, кузен.

– Не силой забрать, а попросить. Пообещать цехам свободу от налогов на все время, пока мы не вернем задаток.

– Хм... Да, может сработать. Думаю, тысяч десять получим.

– А нужно шестьдесят. Где взять еще?

– Герцог Десмонд в таких случаях брал в долг...

– У Короны или Альмеры! Айден Альмера заперт в осаде, а император – наш противник!

– Есть Нортвуды...

– Сибил теперь подруга Адриана. Нортвуды ничего нам не дадут. Думай еще, кузен!

Вопреки ожиданиям, новая задача расшевелила Роберта. Найти денег – все равно, что придумать план кампании, только намного сложнее.

– Ха! Есть мысль, кузен! – казначея посетило озарение. – Говоришь, ты ждешь батальоны Флеминга и Уайта? Они опаздывают, и мы с тобой знаем, что это значит: эти люди ненадежны. Опасно вести в бой вассала, который колеблется прежде, чем выполнить твой приказ. Кузен, предложи Уайту и Флемингу внести откупную подать. Вместо военной службы пусть заплатят

Первой Зиме по десять тысяч эфесов. Мы получим деньги и избавимся от людей, которым не можем доверять – двойная выгода.

Эрвин уважительно кивнул.

– Действительно, отличная мысль. Ты меня радуешь, кузен. Жаль, что не могу последовать совету.

– Почему?

– Император выставит против меня десять батальонов рыцарей и двадцать – искровой пехоты. Мне нужен каждый воин Севера, который может держать оружие. Я не могу отказаться от войск Уайта и Флеминга.

– Что ж...

– Не говори свое «бывает»! Подумай еще, давай! У тебя хорошо получается.

Роберт сказал:

– Граф Шейланд может заплатить нам десять тысяч в счет будущего года... если Иона попросит его об этом.

– Иона не станет просить, – отрезал Эрвин. – Тем более, у своего мужа. Только не Иона.

– Понимаю, кузен.

– Но мысль неплоха... Сделаем вот как, Роберт: не сестра обратится к Шейланду, а ты.

– При всем уважении... куда больше шансов, что граф даст денег, если попросит Иона.

– Не бойся, даст и тебе. Он будет сговорчив и добр: я сделаю графу щедрый подарок.

– Какой?.. – любопытствовал Роберт.

– Предложу ему сбежать из Первой Зимы и переметнуться на сторону императора. Я уверен, банкир будет в восторге.

Роберт покачал головой, но не сказал ничего об умственных способностях кузена. Лишь развел руками:

– Бывает...

В дверь постучали, на пороге возник кайр Джеμισ Лиллидей:

– Милорд, вассалы собрались в большой трапезной. Ждут вас.

– Верно, пора. Идем, Роберт.

* * *

В замковом дворе раздавался звон мечей. Герцог и кайры остановились, глядя на группу воинов, окружившую двоих дерущихся.

– Поединок, милорд, – прокомментировал Джеμισ.

– А то я не вижу!..

Эрвин подошел посмотреть. Зрители расступились, пропуская. В центре круга рубились двое кайров.

Обычно кайровские поединки быстры и кровавы. Эрвин видал такие, что решались в два удара. Атака – неудачный блок – повторная атака. И все, один лежит, второй оттирает клинок. Собственно, на этом и строится кайровская тактика пешего боя: уложить противника за считанные секунды, пока не пришли на помощь другие. В мечевом бою кайр срабатывает, как взведенный арбалет: наносит один молниеносный и неотразимый удар, отточенный годами. Это позволяет разрушить строй, врубиться в глубину вражеских порядков, сокрушить значительный отряд небольшим числом воинов.

Однако сейчас бойцы были равны по мастерству. Один атаковал с такой скоростью, что клинок расплывался в воздухе блестящей дугой. Сыпал удары градом, зажимал противника в глухую защиту, не давая опомниться. Но тот, однако, успевал раз за разом парировать и смеялся так, чтобы зайти противнику в бок. Нападающий сильно рисковал: если он хоть на миг сбавит напор, вполне возможно, первая же контратака прикончит его. Но и жизнь защитника

висела на волоске: спасала лишь предельная концентрация внимания, раз моргнуть – и один из ливня ударов достигнет цели.

Джемис шепнул:

– Красиво!..

Его точку зрения разделяли многие: две дюжины воинов следили за поединком, затаив дыхание. В их числе были и часовые, охранявшие двери трапезной.

– Господа, – кашлянул Эрвин, – простите, что отвлекаю!

Зрители обернулись к нему, вскинули руки в салюте:

– Милорд! Милорд!

Бойцы не заметили, и Эрвину пришлось рявкнуть:

– Отставить!

Они опустили мечи. Ни на одном не было ни капли крови. Несколько минут такого поединка без единой царапины – признак высочайшего мастерства обоих бойцов.

– Хороши, – вполголоса сказал Джемис.

– Кто начал? – холодно спросил герцог Ориджин.

– Я, милорд, – сделал шаг вперед нападавший кайр. – Мое имя...

Эрвин пропустил мимо ушей.

– Зачем?

– Он оскорбил Светлую Праматерь Агату.

– Вот как?..

– Назвал ее просто Агатой, будто какую-нибудь служанку!

– Какой ужас!.. – покачал головой Эрвин.

– Да, милорд.

Герцог повысил голос:

– И ваша память, господа, не сохранила тот незначительный факт, что я запретил поединки?!

Бойцы молчали. Джемис сказал:

– Ваш отец, милорд, поощрял...

– Ах, мы так похожи, сложно заметить разницу... Открою тайну: я – не мой отец!

Эрвин указал на кайра-защитника:

– Месяц в подземелье. В сидячем мешке.

Кайр спал с лица. В обширной темнице Первой Зимы имелись камеры разных размеров. Некоторые отличались от гроба лишь тем, что заживо похороненный имел возможность сесть.

– Милорд, за что?.. Я ведь только защищался!

– Два месяца. Вы могли принести извинения, а не хвататься за меч.

Герцог перевел взгляд на часовых:

– Вы составите ему компанию. Следовало вмешаться, а не зевать.

Три меча со звоном легли на брусчатку.

– Теперь вы... – Эрвин подозвал зачинщика поединка. – Вы устроили бой у дверей трапезной, когда меня ждут внутри. Хотели произвести впечатление и выслужиться?

– Да, милорд, – без смущения ответил кайр. Он считал себя победителем и был уверен: его не коснется наказание.

– Я дам возможность послужить, – сказал Эрвин. – Идите со мною, займите место за обеденным столом. Когда подам знак, встаньте и выйдите из зала.

– Это все, милорд?

– Поверьте: этого довольно.

В сопровождении трех кайров Эрвин вступил в трапезную.

* * *

Здесь было жарко и тесно: казалось,ходишь в бочку, заполненную смолой. Зал переполнен: триста человек дышат пряными запахами яств, переговариваются, затапливая воздух гулом. Прим-вассалы – на помосте: сестра и мать, кастелян Хайрок и граф Лиллидей, бароны Стэтхем и Нойворт, полковники Хортон и Блекберри, кузен Деймон – брат Роберта. Здесь же и свояк – граф Виттор Шейланд. Секунд-вассалы – внизу, за общими столами: мелкие бароны, родовитые кайры, батальонные офицеры. Цвет герцогства, железный кулак Севера. Триста человек разом умолкли, обернувшись к Эрвину, и ему сделалось зябко.

В тишине он прошел на свое место между сестрой и кастеляном. Все, кто был в зале, поднялись и поклонились ему. Воздух громыхнул:

– Слава дому Ориджин!

Эрвин подумал: что вы запоете через десять минут, когда я скажу то, что собираюсь?.. Эти люди слышали, что сделал император. И привели свои войска в долину, и присягнули на верность молодому герцогу... Но они еще не слышали, что Эрвин собирается делать.

Иона подалась ближе к брату, он ощутил ее тепло. Со дня, как он вернулся в Первую Зиму, Иона всегда находилась около. Стояла за плечом, когда Эрвин принимал вассальные присяги; сидела рядом на совещаниях и обедах; читала книгу, пока Эрвин писал письма; с ним вместе ездила на прогулки, вместе смотрела на огонь в камине. Иона не требовала внимания: когда он был занят – а так случалось почти всегда – сестра не издавала ни звука. Но давала почувствовать: я – рядом. От этого становилось легче дышать.

Эрвин поднял кубок:

– Да славится Светлая Агата!

Вассалы выпили вместе с лордом. Он позволил им сесть, но сам не опустился на место.

– Господа, я хочу сразу сказать главное. Мы перейдем к трапезе после того, как поговорим о деле.

Зал притих. Голос лорда зазвенел в каменных стенах:

– Клянусь быть честным пред лицом сюзерена, не порочить его словом или делом, не совершать поступков, противных воле господина, как своими руками, так и руками людей, что будут служить мне. Знакомые строки?!

– Да, милорд.

– Клянусь чтить память Святых Прародителей, – чеканил Эрвин, – поступать согласно их заветам, свято соблюдать законы воинской чести. Клянусь поднимать меч в защиту слабых и невинных, беречь справедливость, уничтожать ростки зла и тьмы, проникшие в наш мир! ... А эти слова знакомы вам, воины?!

– Так точно, милорд!

– Эту присягу принес каждый из нас. Пришло время ее выполнить! Каждый в этом зале слышал, что произошло в Запределье. Каждый знает: человек, занимающий престол, поправ справедливость, растоптал воинскую честь, плюнул в лицо Праматерям! Адриан решил, что стоит выше заветов, что может призвать в мир тьму и поставить ее себе на службу. Праматери ему больше не указ. Он нашел себе нового союзника – Темного Идо. Вы готовы молча подчиниться этому человеку?! Готовы стать перед ним на колени и покорно склонить головы?!

Зал взорвался негодованием. Стены едва не дрожали от криков. Воины схватывались с мест, вздымали мечи над головами.

Эрвин дал им время, затем поднял руку, призывая к тишине.

– Буду честен с вами, воины. Я не обещаю легкой победы. Не обещаю звона золота и громких почестей. Не обещаю, что многие вернутся живыми. Вы привыкли к быстрым и победоносным сражениям, привыкли, что враг дрожит перед нами... но нынешний враг не таков!

Подобного врага никогда прежде не было. Потребуется все наши силы до последней капли – и все равно окажется мало. Будет трудно и жарко, на нашем пути вырастут железные стены, а земля станет гореть под ногами. Но если кто и сможет противостоять такому врагу, то это – мы, северяне. Никто другой! Ни одна сила в мире не рискнет обнажить меч, если мы не сделаем этого! Мы – последний оплот, мы – надежда Праматерей, и другой не будет! Мы родились на свет, чтобы вступить в эту войну. И я клянусь вам: это будет чертовски славная война!

Трапезная потонула в криках. Злость, азарт, предвкушение. Эрвин и не ждал другого. Убедить кайра сразиться за своего лорда против сильного врага ради славы и чести – не сложнее, чем уговорить пса броситься на волка... Нет, трудная часть – еще впереди.

Эрвин вынул из-за манжеты свернутый листок и подмигнул сестре. Она была рядом, когда он писал это, но не видела текста. Он попросил тишины и показал воинам письмо.

– Согласно древним законам чести, прежде чем начать войну, следует дать врагу шанс. Если он признает себя слабым и отступит без боя, благородный воин не должен его преследовать. Потому я намереваюсь отправить нашему врагу следующее письмо.

Он зачитал с листа:

– Адриан Ингрид Элизабет, сударь. Мне известно о страшных злодеяниях, творимых по вашему приказу в Запределье. Вы преступили законы людей и богов. Если хотя бы отзвуки чести присущи Вам, Вы сделаете то, чего я требую. Остановите святотатство; судите и казните тех, чьими руками творилось зло; освободите всех пленников и выплатите десять тысяч эфесов семьям безвинно погибших; принесите извинения Великому Дому Ориджин. Лишь тогда останусь Вашим верным вассалом. Эрвин София Джессика, герцог Ориджин.

На минуту повисла гробовая тишина. Ее прорезал чей-то возглас:

– Правильно! Пусть знает! Север воюет по чести!

Кто-то подхватил:

– Верно! Адриан может поджечь хвост и сбежать, если захочет!

– Дадим ему время подрожать от страха!

И следом понеслось:

– Да здравствует Ориджин! Слава Агате!..

Но верхний, господский стол хранил хмурое молчание. Кто смотрел с укором, кто – с разочарованием. Роберт обронил:

– Бывает...

– Милорд, – сказал Артур Хайрок, – это плохая идея.

– Худшая из тех, что можно придумать, – добавил полковник Блэкберри.

– Самоубийство, – ввернул Деймон Ориджин, брат Роберта.

Полковник Хортон растолковал Эрвину, будто несмысленному:

– Внезапность – наш козырь. Адриан не знает, что вы живы. Если выступим быстрым маршем, за месяц достигнем земель Короны. Возможно, Адриан не успеет сосредоточить войска, и мы разобьем их по частям. Но если предупредим, он подготовится и соберет армию. Против каждого нашего воина выйдут по два искровых копья! У нас не будет шансов!

– Учтите политическую обстановку, милорд, – взял слово граф Лиллидей. – Как только вы оповестите Адриана о мятеже, он тут же созовет своих вассалов. Можно не сомневаться, что на его стороне выступят Лабелин и Литленды, Альмера и Надежда. Это даст ему не меньше тридцати тысяч рыцарей! У Адриана будет пятикратный перевес в кавалерии! Как вы планируете победить, милорд?..

Эрвин громко кашлянул и заговорил на весь зал:

– Я хочу дать шанс не только Адриану. Здесь, среди нас, могут быть такие, кто не согласен со мною. Те, кто не готов подчиняться приказам, кто считает меня глупым и неопытным. Те,

кто не верит мне. Я даю вам возможность, но только одну: встаньте и уйдите прямо сейчас, и никогда не возвращайтесь. Я не стану преследовать – даю слово лорда.

Джемис аж присвистнул. По столам пробежал шепоток. Такого не ожидал никто. Разрешение на предательство?.. Как это?..

Некоторые лица выразили колебание. Некоторые предпочли бы не идти за неженкой в его самоубийственный поход, но не могли решиться подняться с мест. Было слишком похоже на издевку или жестокое испытание. Сложно поверить, что герцог говорил всерьез.

Эрвин нашел глазами кайра – зачинщика поединка, и чуть заметно кивнул. Тот побледнел, но встал. Растерянно развел руками.

– Милорд?..

– Ступайте, – сказал герцог.

Кайр пошел к выходу, то и дело оглядываясь. Эрвин буравил его взглядом, пока воин не оказался за порогом. Повернулся к залу:

– Кто еще? Кто еще не верит мне?

Поднялось несколько человек. Потом другие, и еще. Один за одним, двадцать три воина покинули зал. Больше, чем Эрвин хотел бы, но меньше, чем опасался.

Затем он окинул взглядом верхний стол: Хортон и Блэкберри, Лиллидей и Хайрок, бароны, два кузена, сестра и мать, граф Шейланд. Никто из них не изъявил желания встать. Многие опустили глаза.

– Я рад, что теперь меж нами полное взаимопонимание, – сказал Эрвин и взмахом руки велел начать трапезу.

Иона хотела сказать что-то, но Эрвин прижал палец к губам:

– Потом.

И через плечо сестры шепнул Виттору Шейланду:

– Граф, после обеда я хотел бы поговорить с вами наедине.

* * *

Эрвин плотно запер дверь кабинета и предложил свояку сесть. Тот отказался. Застыл в напряженной позе, готовый не то сражаться, не то оправдываться, не то отвесить поклон.

– Граф, почему вы не ушли?

– Простите?..

– Я предложил уйти всем, кто не хочет участвовать в моей безумной и безнадежной затее. Большинство северян остались – они сумасшедшие, как и я. Но вы-то, граф?..

– Ваша светлость... – Виттор Шейланд потер подбородок, опустил взгляд. – Вы не лучшего мнения обо мне. Я не первый день живу на свете, милорд... Понимаю: такие, как леди Иона, не выходят за таких, как я. Уже одного этого довольно для вашей немилости... Я – сын банкира и внук купца, это верно. Но и сын графини – тоже. Вы предложили уйти, и предатели ушли. Можете думать обо мне что угодно, милорд, но у меня есть достоинство. Я остался.

– Слово «предатель» неприменимо к тем, кто не связан клятвой. Вы не обязаны служить мне.

– Но я – ваш свояк, милорд.

Эрвин искривил губы в улыбке:

– Будьте верны Ионе – этого довольно.

Граф Шейланд прочистил горло:

– Милорд, неловко говорить... Не к лицу мне пафос и громкие слова. Не тот я зверь, чтобы рычать. Но... мне тоже не по душе то, что сделал Адриан.

Эрвин смерил его внимательным взглядом, будто увидел впервые.

– Хорошо сказано. Я рад это слышать... И тем не менее, буду просить вас, граф: уезжайте. Вернитесь в Уэймар. Доложите императору о том, что видели здесь.

Виттор дернулся:

– Вы принимаете меня за...

– За умного человека, граф. Тысяча ваших воинов не изменит ход войны. Они даже не удержат Уэймар, если император пошлет туда искровиков. Но если вы сделаете, как я прошу, то спасете себя... и мою сестру.

– Вы просите... постоять в стороне, пока вы сражаетесь со злодеем и тираном?

– Да. И защитить леди Иону.

Виттор поразмыслил – и покачал головой.

– Нет, милорд, простите. Я не сделаю этого.

– Имеются весомые причины, кроме уязвленной гордости?

– Даже две. Во-первых, леди Иона не согласится стоять в стороне. Ни за что.

– Я поговорю с нею.

– И она откажет вам, милорд. Увидите.

– Увидим. А во-вторых?

– Во-вторых, у меня есть идея. Вам ведь нужны союзники, верно?

Эрвин прищурился, склонил голову в сомнении.

– Хотите сказать, вы можете привести на мою сторону Великий Дом?

– Полагаю, да.

– Как?

Виттор медлил.

– Желаете плату за это?

– Да, милорд.

– Какую?

– Ваше доверие.

Герцог издал смешок:

– Всего-то?..

– Милорд, я женат на вашей сестре и знаю, чего стоит доверие Ориджина. Дороже всего, что я мог бы попросить.

Эрвин ответил:

– Ничего не обещаю вам. Лишь одно: я дам вам право выбрать сторону, и если по какой-то причине выберете мою – я приму вас.

Виттор слабо улыбнулся:

– Этого я и хотел, милорд. Моя идея – в следующем...

Полчаса спустя граф Шейланд покинул кабинет герцога. В приемном покое дожидались леди Иона и кайр Джемис. Они застали Эрвина в странном воодушевлении.

– Милорд, ваша радость скверно пахнет, – тут же заявил Джемис. – Вы имеете дурную привычку смеяться, стоя на пороге смерти.

– Сейчас – не тот случай, – возразил Эрвин. – Близость смерти наскучила и больше не забавляет. Я стал предельно осторожен.

– Неужели? – с сарказмом процедил кайр. – Из чистой осторожности вы предупреждаете императора о своем мятеже?

– Именно.

– Даете ему время подготовиться, собрать войска, встретить нас пятикратным перевесом?

– В кавалерии. И десятикратным – в пехоте.

– А изменникам в вашем войске милостиво позволяете предать вас?

- Точно так.
- Не объясните ли смысл ваших поступков, милорд?
- И не подумаю! – Эрвин буквально лучился самодовольством.
- А мне – объяснишь?.. – осторожно спросила Иона.
- И тебе – нет.

Лицо сестры посерело. Кайр Джеμισ сказал:

– Вы просили правду, милорд. Извольте: ваш поступок выглядит благородной глупостью. Очень благородной... и очень глупой.

- От всей души на это надеюсь! – Эрвин подмигнул кайру. – Вы можете идти, Джеμισ. Тот покачал головой и вышел. Брат и сестра остались одни.
- И тебе не объясню, милая Иона... но ты поймешь сама.

Иона повела тонкой бровью.

- Ты хотел избавиться от предателей сразу, еще до сражений?
- Верно. А зачем я злю Адриана?

В темных глазах сестры блеснули искорки:

– Ты хочешь, чтобы он прислал за тобой своих убийц с Перстами Вильгельма. Мы схватим их и покажем всему миру. Тогда Великие Дома выступят на нашей стороне!

Эрвин улыбнулся в ответ:

- Провокация, дорогая сестричка. Ее так легко принять за безрассудство противника.

Иона обняла его и шепнула на ухо:

- Знаешь, что я хочу сказать?
- Тебе достался чертовски хитрый брат.
- А еще?
- Ты гордишься мною.
- Это не все, – глаза леди Ионы были очень серьезны.

– Если Адриан разгадает мою маленькую хитрость, то решит сыграть на опережение. Захочет раздавить нас прежде, чем мы сплотим Великие Дома. Швырнет в бой каждого рыцаря, каждого искровика, каждого зверя с говорящим Предметом, который ему служит. Здесь, в долине, случится самая кровавая бойня, какую только видел Север. Земля станет цвета кайровских плащей, а от Первой Зимы не останется камня на камне. Ты об этом, сестрица?

– Да, – кивнула Иона. – Но мы все равно победим. Иначе просто не может быть. Мы – Ориджины. Мы разобьем его.

- Не мы... – тихо сказал Эрвин. – Я.
- Что?..

– Прошу тебя: уезжай. Отправляйся с мужем в Уэймар. Если они придут в Первую Зиму, хочу, чтобы тебя здесь не было.

Иона отстранилась. Обошла комнату, встала у окна. Долину накрывали сумерки, повсюду тлели искры костров.

- Как ты думаешь, милый: птицы умеют падать?
- Так же, как рыбы – тонуть...
- Если птица захочет умереть, что ей делать? Сложить крылья и рухнуть камнем вниз, на скалы... Хватит ли силы воли, чтобы не вспорхнуть в последний миг? Сможет ли заставить себя разбиться?..

Эрвин подошел ближе, а голос сестры стих до шороха.

– Я думала об этом, когда ты был... там. Стояла на башне меж зубцов, смотрела туда, где Запределье. Не видела тебя и думала о птицах... О себе. Я – не птица, мой дорогой Эрвин. Никаких крыльев, ни перышка. Мне было бы очень легко падать.

Брат развернул ее лицом к себе.

– Хочешь о смерти? Хорошо. Я вернулся из Запределья ради тебя. Проще было тысячу раз сдохнуть, чем вернуться... Так вот, не смей говорить мне про башни и перья, слышишь? Если сотворишь такое, я найду тебя на Звезде, притащу обратно на землю, а потом своими руками задушу.

– А ты не смей прогонять. Мое место – здесь!

– Иона, ты говоришь, как капризная девчонка. Вспомни, кто ты!

Северная Принцесса покачала головой с ледяной улыбкой на устах.

– Я хорошо помню, кто. А помнишь ли ты? Я – Ориджин. Ты – мой лорд, и я хочу служить тебе. У меня есть такое право.

– Сестрица, ты не...

– Прикажи! – оборвала Иона. – Прикажи что угодно, я сделаю. Тебе нужны деньги – сколько? Сто тысяч? Миллион? Я найду! Нужно командовать войском? Ты же знаешь, смогу и это! Искать союзников, договариваться, убеждать – кого угодно, хоть Темного Идо. Сидеть в засаде, ожидая, когда за тобой и мной придут всеильные убийцы? Я буду, если нужно. Только скажи!

Эрвин оторопел от этой вспышки и не находил слов. Иона продолжила:

– Но не приказывай уезжать. Не говори, что я снова должна оказаться в сотнях миль от тебя. Снова неделями не спать, снова дышать пеплом вместо воздуха. Чувствовать, как сердце леденеет в груди. Замерзать с каждой вестью, которую приносят голуби. Умирать вместе с тобой ночь за ночью, и делать вид, что живу... Не поступай так со мною, прошу. Я устала от смерти. Я знаю, как холоден мир без тебя.

Перо

Август 1774 г. от Сошествия

Фаунтерра

Три недели в столице – это много. Не сказать, что целая жизнь, но где-то около. Множество событий теснятся, скрешиваются, затеняя друг друга.

Его величество начал появляться на людях вместе с ее высочеством. Минерва Стагфорт взойшла на очередную ступеньку традиционной лестницы. В день помолвки она стала зваться «ее высочеством», наравне с принцессой крови. Первого августа обрела привилегии сопровождать владыку в светских делах и наполнять его кубок за столом. Шестнадцатого августа леди Минерва начнет носить фамильные цвета Династии, первого сентября получит место у трона во время больших приемов... Так, ступень за ступенью, она будет вживаться в новую роль, пока не сделает окончательный шаг: шестнадцатого октября корона императрицы ляжет на голову девушки.

Айден Альмера, обвиненный в измене, окопался в родовом замке Эвергард на окраине Алеридана. Пришли донесения: герцог удвоил гарнизон и набил склады припасами. Эвергард сможет продержаться до зимы против самого сильного войска. Герцог больше не покидает стен замка. А вот его дочь иногда выезжает в город под охраной рыцарского эскорта. Безрассудная смелость, или отчаянная глупость, или попытка доказать свою невиновность. А может, все вместе.

Архиепископ Галлард – брат герцога – отбыл из Фаунтерры в Алеридан, где собирает войско небогатых рыцарей и наемников. Едва суд лишит Айдена Альмера титула, как его брат тут же провозгласит себя правителем Красной Земли. Прежде это встревожило бы Корону: одиозный упрямец, собравший в своих руках и церковную власть, и военную мощь Альмеры... Однако со дня помолвки императора Галлард сделался шелковым: именем Праотцов благословил невесту, пожелал венценосной чете долгих лет счастья, осудил злодеяния брата, поклялся всеми силами бороться за справедливость. Ходят слухи, Галлард так увлекся, что даже сказал несколько слов о пользе рельсовых дорог! К сожалению, Марк не слышал этого лично.

Литлендский лорденыш заколол на дуэли дворцовую собачку – помощника почтового управителя. В тот же день бежал из Фаунтерры. Люди Марка нашли, догнали, вернули. Состоялся шумный процесс. Как ни старались судьи представить поединок преступлением против Короны, дуэль оказалась совершенно обычная: гордость, бахвальство, дамская честь и ни капли политики. Лорденыша лишили титула, сослали на Веселые острова. Дама подалась следом.

В Надежду протянули «волну», скоро состоится торжественное открытие. Линия, ведущая в Алеридан, работает уже несколько месяцев, но из-за неурядиц в Альмере никаких торжеств не было. А Надежда чиста перед Короной, так отчего бы не отпраздновать?.. Изначальное длинное название «голос-на-расстоянии» заменили простой и понятной «волной». Наглядное словечко: провода, по которым бежит искра, выгибаются дугой меж верхушек столбов – точно как гребень волны...

Марк читал обо всем этом в донесениях агентов. Мельком – за едой или в карете, или глубоко за полночь, когда глаза слипались. Иного времени не находилось: бесконечная череда допросов по делу Айдена Альмера подошла к концу, и теперь требовалось передать материалы суду. В деле имелись показания трехсот человек – свидетелей и обвиняемых. Общее число страниц перевалило за две тысячи. Марку следовало просмотреть их лично и внести необходимые правки.

Дело в том, что вина большинства подсудимых весьма сомнительна. Герцог Айден, конечно, поручил грязную работу двум-трем доверенным людям, а все прочие его слуги виновны лишь в том, что служили не тому господину. Однако суд не признает полутонов в подобных делах: человек либо виновен в измене – тогда его ждет топор или каторга, либо невинен – и прощен. И судьи не побоятся переусердствовать: лучше снести пару-другую лишних голов, чем выглядеть мягкотелыми в глазах владыки. Так что материалы дела следует представить суду в правильном свете: бросить на съедение тех, кто явно виновен, и по возможности обелить остальных. Суд – фарс, показуха для непосвященных. На деле судьбу обвиняемых решает Ворон Короны, вычеркивая и переставляя слова в протоколах допросов. Другой на его месте наслаждался бы своей невидимой властью... Марк сходил с ума от усталости и проклинал все на свете. Кто выдумал судебскую коллегия?.. В феодальных землях правосудие вершат лорды – выносят приговоры на основании собственной прихоти и сомнительного чувства справедливости. А в просвещенной столице дела обстоят намного лучше. Судьи трезво учитывают все нюансы дела: знатность обвиняемого, размер взяток, полученных от его родных, необходимость выслужиться перед императором, наконец, толщину протоколов. Протокол допроса невинного должен быть тонким. Если в отчете больше трех страниц, к чему трудиться и читать их все? И так понятно, что человек виновен...

Обиднее всего то, что канцелярская возня не оставляла времени для решения загадки, которая уже две недели беспокоила Марка. Он поручил своим помощникам пропавший документ и убийство в типографии, но вновь и вновь возвращался мыслями к этому делу. Вполне возможно, здесь нет и следа заговора против Короны. Убийство и кража – скверная штука, но обыденная. Такими делами занимается шериф и констебли, никак не тайная стража владыки... Но Марку не давал покоя вопрос: зачем? Какую цель преследовали злодеи?

Ленард, служитель архива, исчез без следа. В июле соседи видели, как дважды приезжали к нему некие господа в темной карете. На господах были широкополые шляпы – лиц не разглядеть. Уже шестнадцать дней Ленарда не видели ни в архиве, ни дома. Марк не сомневался: большей своей частью Ленард уже исчез в желудках крыс, а то, что осталось, невозможно будет опознать. Ясно и другое: именно Ленард взял из архива грамоту и продал тем самым господам в карете. Зачем?

Зачем кому-то понадобилась эта бумажка?

По требованию Марка воссоздали точную ее копию. Документ гласил: граф Холливел передает во владение двум своим рыцарям одноштитные деревни на краю Пастушьих Лугов в награду за верную службу; Корона заверяет передачу. Графство Холливел – одна из самых диких земель Империи. Мелкие рыцари в этой земле мало чем отличаются от разбойников. Такие люди ценят железо и золото, немногим меньше – слово. На бумаги им плевать. Наверняка они даже читать не умеют. Зачем этим парням документ из архива? Зачем собаке подкова?..

Ладно, предположим... За две недели Марк много чего успел предположить. Допустим, кто-то подал в суд на добрых рыцарей по поводу спорных земель. Документ из архива выкрал затем, чтобы у воинов не было доказательств. Глупо. Такие споры на Западе решаются мечами или словом сюзерена, но не судом. Честный рыцарь признает над собой только одну власть – своего лорда, никак не судебскую коллегия.

Может быть, именно лорда хотели убедить в чем-то? Украли грамоту только для того, чтобы ему показать?.. Новый абсурд. Холливелы – Великий Дом. Сам граф или любой его доверенный слуга мог законно получить доступ к любому документу архива. Зачем красть?..

Предположим – эту мысль подкинул Рыжий – документ украли по ошибке. Ленард должен был взять другую грамоту – более ценную, но ошибся и взял эту. Потому его и убили. Марк сказал, что Рыжий – дурак. Преступник вернул бы ошибочный документ и взял нужный. Для этого действия ему требуется Ленард. Так зачем убивать?..

И вот что странно – это сказал Итан – что странно: документ-то новый, всего три месяца как выписан. Обычно тяжбы случаются из-за старых земель: кто-то умер, что-то сгорело, лес разросся, ручей сменил русло, а то и просто забылось, где проходила межа. Но когда владение только что пожаловано, сложно найти зацепки, чтобы оспорить. Верно, – согласился Марк, – это странно. Но все же, зачем красть бумагу?..

Хорошо думается в разговоре с умным человеком. Из тех, кому Марк доверяет, самый смысленный – Итан.

– Начнем сначала, – сказал Ворон Короны. – Что мы знаем о преступниках?

– П...простите, чиф, но я к вам по делу... – Итан мямл в руках гербовый конверт.

– Всегда есть какое-нибудь дело! Подождет. Расскажите мне о злодеях.

– Н...ну, их двое. Одеты как мещане среднего достатка: рубахи, сюртуки, бриджи, башмаки. Ездят в темной карете, з...запряженной парой рысаков. Носят широкополые шляпы и стараются не показываться никому вблизи. Поэтому н...никто не помнит их лиц.

– А кто их вообще видел?

– Х...хворая жена Ленарда видела из окна, как муж сел к ним в экипаж. Л...лекарь, что приезжал к ней, тоже как-то видел эту карету – стояла недалеко от дома, двое сидели внутри, выглядывали. З...затем, этих же двоих видели у типографии...

– О типографии – предельно подробно, – потребовал Марк.

– Д...двадцать шестого июля печатный цех работал в ночь. На службе б...были семеро печатников, среди них – некто Джейк из Годвина, мещанин сорока лет. На рассвете охранник видел, как Д...джейк вышел из дверей типографии, неся в руках сверток бумаги. Он отошел ярдов на сорок и сел в к...карету, что ждала его дальше по улице. Темный экипаж, два м...мышастых рысака. Как и у дома архивариуса Ленарда. Карета укатила, с тех пор живым Джейка никто не видел. Его т...тело нашли констебли службы шерифа в канаве у рельсовой дороги. Там его и осмотрели вы с Рыжим.

– Что Джейк делал в ночную смену?

– Как и все: н...набирал июльский «Голос Короны».

– Что значит – набирал? Да-да, помню, ты уже рассказывал. Поясни-ка еще раз!

Итан пояснил. Чтобы изготовить одну страницу книги, сперва делается печатный барабан – труба, на поверхность которой рядками насажены металлические буквы, согласно тексту страницы. При печати барабан сперва прокатывается по красящей пластине, а затем – по странице. Краска перебивается на буквы барабана, а с них – на бумагу.

– То есть, бедняга Джейк всю ночь занимался тем, что цеплял бисерные буквы на этот самый барабан?

– Э...это не так уж сложно, чиф. Имеются приспособы, чтобы ускорить...

Итан рассказал, как буквы набираются на барабан. Марк попытался уследить за смыслом, но сбился. В чем-чем, а в машинерии никогда не был силен. Однако уловил одну деталь:

– Если я тебя правильно понял, после того, как Джейк ушел, на станке остался готовый печатный барабан?

– Тут есть странность, чиф. Обыкновенно п...печатник вполне успевает за ночь подготовить барабан. Но тот, что остался после Джейка, был готов лишь наполовину.

– Стало быть, полночи Джейк занимался чем-то другим?

– П...похоже на то.

– Чем именно?

– Пара свидетелей заявила, что Джейк заряжал барабан в станок и делал пробные страницы.

– Пробные страницы?

– Да, чиф. Закончив набор барабана, нужно напечатать пробную страницу, прочесть ее и проверить, не допустил ли ошибок. Н...на бумаге лучше видно, чем на барабане.

– И люди видели, как Джейк печатал пробные?

– М...мне кажется, они лгут, чиф. Во-первых, его барабан был не готов. Во-вторых, и пробных страниц мы не нашли. Р...разве что их сдуру выбросил кто-то или забрал какой-нибудь констебль. Там ведь побывало целое стадо...

– М-да...

Теперь Марк жалел, что некогда отправил в типографию и шерифа, и гвардейского капитана. Тогда дело не казалось ему интересным. Но теперь...

– Итак, Джейк из Годвина – совершенно обычный работник печатного цеха, ничем не примечательный, кроме одного: как-то он занял денег у своего коллеги, чтобы вернуть карточный долг. Это значилось в отчетах помощника шерифа.

– Верно, чиф.

– В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое Джейк набирал печатный барабан. Известно, окончил ли он дело: свидетели говорят за, улики – против. Так или иначе, на рассвете он покинул цех и сел в карету к людям, которые часом позже задушили его и выбросили тело в канаву.

– В...все точно, чиф.

– Можем ли мы утверждать наверняка, что парни, приезжавшие к архивариусу и к печатнику – одни и те же?

– Н...нет, чиф. Констебли и гвардейцы Бекфилда п...перевернули типографию вверх дном и допросили всех, включая м...мышей и сторожевых собак. Несколько человек видели карету, но никто не рассмотрел самих преступников. Известно, как они выглядят. Темная карета, шляпы, м...мышастые рысаки – вот все приметы.

– Но мы думаем, что и в архив, и в типографию наведались одни и те же ребята. Почему мы так считаем?

– Во-первых, там и там темная карета с парой мышастых коней. М...масть не такая редкая, но все же. Во-вторых, почерк злодеев похож в обоих случаях. Нашли человека, которому нужны деньги. Подкупили, он сделал работу, они увезли его и у...убили. В-третьих, на той странице, которую делал Джейк, речь шла о пожалованиях владений. Как и в украденной грамоте.

– Но в «Голосе Короны» речь о других владениях?

– Аб...солютно. Ничего общего с графством Холливел.

Марк щелкнул костяшками.

– Отлично. Подведем итог: мы ничегошеньки не знаем ни о преступниках, ни об их мотивах. Две недели расследования дали нам пару мышастых рысаков.

Итан потупился и вновь попытался сменить тему:

– И в...все же, чиф, у меня к вам дело... Приглашение...

Он протянул конверт, Марк нехотя взял.

– Что еще за новость?

– Вы п...приглашены на торжественное открытие «волны». Сегодня. У...уже и ехать пора.

Ворон скривился.

– Не люблю машинерию...

– Т...там будет его величество и ее высочество, нельзя отказываться.

Марк мельком проглядел бумагу – действительно, герб Династии. Однако...

– Здесь нет подписи Адриана. Владыке безразлично, явлюсь ли я. Это формальное приглашение, выписанное канцелярией. Наверняка, по ошибке: на такие собрания обычно зовут только высшую знать.

Тут он внимательно поглядел на Итана:

– Приятель, это не ты ли устроил? Зачем?

Секретарь потупился:

– Ч...чиф, вы выглядите очень ус...сталым. Вам нужно отвлечься от дел. На празднике будет весело, поверьте...

– Благодарю, Итан. Толпа благородных – как раз та компания, в которой мне хорошо отдыхается. Когда половина гостей смотрит на тебя с презрением, а вторая – со страхом, это так расслабляет!

Итан покраснел.

– Ладно, едем, – смирился Ворон. – В дороге хоть будет время поговорить.

Они покинули дворец в черной карете протекции. Итан уставился в окно, погрузившись в собственные мысли. Однако Марк не собирался оставлять его в покое.

– Мы остановились на сходствах двух дел. Сходств много, даже слишком. Попробуем зайти с другой стороны: в чем различия?

– Есть лишь одно. Т...тело печатника нашли на следующий день. Труп архивариуса так и не найден.

– Ага. О чем это говорит?

– Архивариуса убили раньше и тщательно спрятали тело. Печатник умер вторым, и п... преступники были небрежны. Н...наврное, им было уже нечего бояться.

– И почему?

– П...полагаю, убив печатника, они покинули столицу.

– Я тоже так полагаю. Выходит, они отправились восвояси, заполучив краденую грамоту и некий сверток, который вынес из типографии Джейк.

– Да, чиф.

– В типографии что-то пропало?

– Н...нет, ничего ценного.

– Но Джейк что-то вынес в своем свертке. Что?

– Возможно, бумагу... Может быть, черновики... Печатный цех завален пробными страницами.

Марк усмехнулся.

– Стало быть, преступники убили двух человек ради двух бесполезных бумаг. Одна бесполезней другой: документ на крохотное владение и пробная страница из книги новостей. Все упирается в один-единственный вопрос: зачем могут понадобиться эти две бумаги?

– Я не знаю, чиф, – покачал головой Итан. – П...простите, уже не раз об этом думал, но не смог понять.

– Что вообще можно сделать с бумагой? Если широко мыслить, без рамок.

Итан с недоумением воззрился на Марка:

– В каком смысле?

– Ну, например, можно продать кому-то, кто не умеет читать, – предположил Марк. – Сказать, что это – бумага на рыцарский титул. Найти неграмотного болвана с деньгами – и дело в шляпе.

– Н...ну, вряд ли...

– Показывать друзьям и хвалиться: у меня, мол, документ на владение леном, – продолжил Марк. – Правда, на чужое имя, но все равно ведь солидно, правда?

– Чиф, вы шутите!..

– Я строю версии. На грамоте есть имперский герб – опрятный такой, красненький... Если в избе стены голые, можно повесить посередине – сразу как-то живее станет.

– М...можно скомкать и поджечь – печку растопить, – вставил Итан.

– Сложить вчетверо, всунуть под ножку стола, чтобы не шатался, – добавил Марк.

– С оборота бумага чистая – можно цветочек нарисовать...
– Поплывать на чернила и потереть – пальцы посинеют. Тоже весело.
– «Г...голос Короны» не подойдет – там чернила не смываются. Только грамота из архива сгодится...

Марк хохотнул и на время умолк. Сложно было придумать еще более дурацкое применение документу...

Вдруг улыбка слетела с его губ.

– Стоп, Итан. Повтори-ка, что ты сказал?..

* * *

Дворцовый праздник – прекрасное событие, полное светлых чувств.

Сперва люди тратят состояния на шелка и жемчуга ради удовольствия глядеть с презрением на тех, кто потратил чуть меньше. Затем собираются в какой-нибудь зале и выстраиваются согласно иерархии. Иерархия – отличная штука, она сближает людей: тех, кто рядом с императором, роднит чувство превосходства, а тех, кто вдали, – зависть. Потом гостям позволяется разбиться на группки, чтобы обменяться слухами и сплетнями, отыскивая мишени для злословия. Насмешка над ближним весьма способствует дружбе между теми, кто смеется...

Сегодня дело происходит в саду Лилий, на большой поляне у пруда. Сюда вынесли машину: латунное чудовище громоздится на помосте, сверкая цилиндрами, щупальца проводов тянутся к зданию имперской почты. Стоит безлунная ночь, поляна освещена искровыми огнями. Лампы сияют так, что больно смотреть на них. Торжество науки над теменью... Что ж, это и вправду впечатляет. В избе, где вырос Марк, имелись два источника света: угли в печке и свеча. Топку закрывали заслонкой, свечу зажигали только по праздникам. Марк без труда мог бы сосчитать все светлые вечера, какие выпали на годы детства... Горячее вино из искровых самоваров – и вовсе нечто сказочное. Традиция пришла с Севера и мигом охватила всю столицу. Во многих знатных домах появились самовары, причем не в кухнях, а прямо в гостиных. Особый шик – разогреть вино самому, без помощи слуг. Никаких дров и углей, просто повернул рычаг – и готово! Здесь, в саду Лилий, тоже подают горячее вино. Ночь зябкая, пить приятно.

Гости располагаются на трех трибунах, построенных вокруг помоста. Центральную занимает владыка и его приближенные, Марк с Итаном сидят на той, что слева. Помост с машиной отсюда видно хуже, зато открывается недурной обзор на императорскую трибуну. Это и к лучшему: приемник «волны» вызывает у Марка сильное недоверие. Намного проще разобраться в человеческой душе, чем в устройстве этой штуковины.

Владыка Адриан сидит меж двумя прелестными дамами: леди Минервой и леди Сибил. Ее высочество – само очарование. Хрупкая и прекрасная, прямо северная азалия... или что там у них на Севере цветет? Не тербит владыку попусту, остерегается даже заговорить с ним, но сидит в позе чуткого внимания. Стоит Адриану шепнуть полслова – и девушка тут же среагирует. Конечно, ваше величество! Вы так добры. Что угодно для вашего величества!.. Графиня Нортвуд пышет красотой и здоровьем, как, впрочем, и всегда. Род Сьюзен, что ни говори. Выражение сияющего счастья не сходит с ее лица. Марк прежде не видел феодала, что так радовался бы прогрессу. Или дело не в прогрессе? Тогда в чем? Владыка погладил графиню по коленке?..

Сам же император спокоен и удовлетворен. Его головокружительный план сбывается. Несмотря на интриги, суды, убийства, протесты лордов... Несмотря ни на что, время идет тем путем, который указал Адриан. Сегодня – очередная веха. Сердце Света – древняя столица Надежды – соединилась с Фаунтеррой. Два города сплелись, как кони в упряжке. Сам герцог Надежды – Генри Фарвей – вчера отправился в Сердце Света сверхбыстрым поездом. Преодо-

лев триста сорок миль меньше, чем за сутки, он отправит «волной» сообщение в Фаунтерру, которое будет доставлено мгновенно. Герцогство Надежда превращается в окраину столицы.

Собственно, об этом и говорит сейчас во всеуслышание управитель церемоний:

– ...недаром Милосердная Янмэй завещала: «Стремитесь к единству, ибо в нем – величайшая сила. Те, кто близок друг с другом, всегда найдут общий язык и придут к согласию. Согласие придаст им твердости. Семья всегда прочнее города, город прочнее графства, графство крепче державы. Потому сильнейшая страна – та, что едина и сплочена, как одна семья». Именно такую державу строит его величество Адриан. И мы, господа, – свидетели того, как новый камень ложится в ее фундамент!

Он делает красноречивую паузу, и трибуны нестройно восклицают:

– Слава Янмэй Милосердной!

Марк не сводит глаз с Адриана. Тот хранит величавое спокойствие, но лампы светят ярко, а Ворон достаточно хорошо знает владыку, чтобы разглядеть скрытое торжество.

– Подходит время, – говорит управитель, – предоставить слово нашему почетному гостю: творению инженерной мысли, машине...

Кто-то дергает Марка за плечо, и, обернувшись, он видит капитана Бэкфилда. Гвардеец торжествует едва ли меньше, чем сам владыка... хотя и по иному поводу.

– Кого я вижу – сам Ворон Короны! Твое плачевное поражение в типографии заставляет хвататься за ниточку? Надеешься, теперь злодеи покусятся на приемник «волны», и ты их поймаешь на месте?

– Нет, капитан. По правде, я здесь из-за выпивки. Люблю, знаете, горячее вино...

– Не надейся, – ухмыляется Бэкфилд, – сад оцеплен моими людьми, у преступников никаких шансов. Я больше не допущу нападок на дело прогресса!

– Вы о чем, сир? Убийство картежника из типографии – полагаете, это попытка остановить прогресс?

– Фиглярствуй сколько угодно, однако я безошибочно установил мотив преступления. Именно я, а не хваленая тайная стража!

Марк издает тонкий присвист:

– Мотив? Спасите меня, сир! Дайте ниточку, пролейте лучик света. Зачем убили несчастного Джейка?

Управитель оканчивает речь словами: «...услышим голос из дали, переставшей быть далью», звучит новая «слава Янмэй», и голоса утихают. Машина урчит, на ее латунной груди загораются огоньки.

– Преступники украли пробные страницы из «Голоса Короны», – победоносно шепчет Бэкфилд, – чтобы подорвать доверие к имперским новостям! Они хотели показать: любой может проникнуть в печатный цех, а значит, не нужно верить «Голосу». Но теперь, моими стараниями, проникновение больше невозможно!

– Уверяю, сир, вы ошибаетесь, – воркует в ответ Ворон. – Мотив преступления куда более серьезный.

– Неужели!.. И в чем он, по-вашему?

– Преступники покусались на святое – неприкосновенность чернил! Знаете, если смочить палец в воде и потереть, то чернила сотрутся, а палец посинеет! Вы можете представить такое святотатство?!

Капитан вертит пальцем у виска и готовит колкость, но кто-то сзади шепчет:

– Судари, судари, прошу тишины...

Оба умолкают. Машина, озаренная всеобщим вниманием, урчит и выписывает слова. Управитель зачитывает их:

– ...да славится та мудрость, что уважает богов и людей. Да славится та сила, что покорна мудрости. Да славится то милосердие, что присуще силе...

Первый завет Праматери Янмэй, превратившийся с веками в молитву. Гимн Блистательной Династии. Вот какие слова выбрал герцог Фарвей, чтобы прокричать на триста сорок миль.

– ... Да славится разум, направляющий силу, и смирение, склоняющее голову перед силой и разумом. Да будет вознагражден труд смиренного...

Марк переводит взгляд на императора. На лице Адриана проскальзывает скука. Владыка – человек дела, его божество – результат. Долгие речи, даже самые приятные, вгоняют его в тоску. Адриан предпочел бы, чтобы Фарвей сообщил «волной» два слова: «Я доехал». Или: «Я долетел», что ближе к истине.

– ... да будет священна та слабость, перед которой преклоняется сила, и то безумие, что превосходит мудрость.

Нареченная невеста тоже скучает, но с пользой: ее ладонь касается руки Адриана. Кто из них прикоснулся первым?.. В любом случае, владыка не убрал руку. Почему-то в душе Марка рождается тревога.

– Лорд Генри Фарвей из Сердца Света. Послание завершено.

Трибуны взрываются аплодисментами. Кто-то встает на ноги, другие следуют примеру. Стоячие овации в адрес машины... Хм, – думает Марк и смотрит на леди Сибил. Она от души рукоплещет и цветет в улыбке. Кажется, это ее триумф, а не владыки...

Тогда Марк тычет Итана под ребро:

– Эй, приятель, ведь ты нарочно привел меня сюда. Хотел показать ее, ага?

– К...кого – ее?

– Не дури! Медведицу, кого еще! Дочь гниет в монастыре, а мать блаженствует? Ты об этом?

– Ч...чиф...

– И вывод – все тот же: ах, бедная леди Глория! Как ей тяжело без тебя! Да? Итан, я устал повторять: это не твое дело!

Итан говорит с неожиданным холодом:

– Т...тогда скажите: чему графиня радуется? Невеста владыки – не родич ей и не союзник. Взлет Минервы – не взлет Медведицы. «Волна» свяжет земли со столицей и ограничит власть феодалов. Чему радоваться-то?!

– Ну...

– И еще, – прерывает Итан, – зачем она отослала Вандена?

– Кого?..

– Рыцаря, что охранял леди Глорию.

– Куда отослала?

– Не знаю. В Нортвуд... или под землю.

– Итан, это немного странно, да, но даже если так...

– Не верите моему чутью – взгляните на ту, кому верите, – вновь перебивает секретарь и указывает кивком.

На правой трибуне, точно напротив Марка, сидит леди Катрин Катрин – советница владыки в светских делах, знаток сплетен и любовных историй. Игнорируя чудо-машину, она бурлит глазами невесту императора. Тревожный, неприязненный взгляд.

– Это не наше дело, – чеканит Марк. Но слышит шорох сомнения в собственных словах.

Он столкнулся с графиней Нортвуд, когда гости расходились с трибун. Преспокойно миновал все гвардейские кордоны и направился к императору вверх по ступеням. По неслучайной воле случая леди Сибил спускалась ему навстречу.

– Ах, графиня! Вы великолепны, я не могу отвести глаз!

Она благосклонно кивнула:

– А вы, как обычно, нахал! Кто вам позволил бросаться даме под ноги?

– Миледи, простите! Представился редкий шанс полюбоваться вами вблизи, и я его использовал. Понимаете, пока рядом нет ваших воинов...

Графиня улыбнулась и протянула руку для поцелуя. Марк поклонился, коснулся ее ладони.

– Как удачно сложилась встреча! Будь рядом ваш сир Ванден, он уже отшвырнул бы меня подальше.

Легкая тень по лицу графини, не более.

– А будь рядом ваш Итан, уже пытался бы учинить мне допрос. Марк, отзовите щенка. Я ведь терплю, но могу и разозлиться. Жалко будет мальчонку...

– Конечно, миледи. Любая ваша прихоть!.. Посажу Итана на цепь в самом дальнем углу дворца.

– Не забудьте подбрасывать косточки в его миску.

– Вы так великодушны, миледи! Приятно видеть вас в отменном настроении.

Леди Сибил подарила ему новую улыбку. Марк шепнул:

– Не откажите в любезности, передайте мое почтение леди Глории.

– Дочь в монастыре, – голос стал суше, – и вы об этом знаете.

– Знаю, миледи. Потому и прошу передать. Ведь ей будет приятно услышать, что свет помнит и ценит ее.

– Конечно.

Графиня двинулась с места, и Марк сказал ей вслед:

– Это из-за меня, верно?

– Вы о чем?

– Из-за меня вы сослали ее в обитель? Вам не понравилось, что дочь обменивается секретами с тайной стражей?

Леди Сибил расхохоталась:

– Вы так самонадеянны! Какая прелесть...

Она ушла. Марк подумал ей вслед: вы не умеете имитировать смех, миледи.

* * *

Хорошо думается в беседе с умным человеком. Иногда собеседник видит больше твоего. Бывает, он даже согласен поделиться.

– Я пришел за помощью, – говорит Ворон Короны.

Его собеседница – смуглая худая западница. Острый взгляд, тонкие губы; за плавностью движений скрыта хищная сила. Некоторые восторженные кавалеры сравнивают ее с рысью. Марк, хорошо знакомый с этой дамой, держит на уме другое сравнение: гадюка.

– Как мило, – отвечает Катрин Катрин. – Я знаю что-то, чего ты не знаешь?

– Надеюсь.

– Я люблю конфеты. У тебя найдется для меня?

– Какую конфету ты хочешь?

– Зависит от того, чего хочешь ты. Задавай свой вопрос.

Марк спрашивает:

– Твое мнение о браке владыки с Минервой Стагфорт?

Катрин Катрин отвечает без запинки, с интонацией светской мурлычущей вежливости:

– Ее высочество – достойнейшая леди. Она всецело заслуживает доверия владыки Адриана.

Марк качает головой:

– Видишь ли, существуют разные ступени искренности. Первая ступень – то, что ты скажешь за обеденным столом на большом празднике. Вторую шепнешь спутнику на прогулке,

желая показаться откровенной. Третья – деловой разговор с человеком, в ком ты очень заинтересована. Четвертая – то, что предназначается ушам твоего альтера, принца Шиммери. Пятая – только для его императорского величества. Так вот, Катрин, я хочу услышать шестую ступень.

Глаза женщины сужаются, губы уродует ухмылка:

– Такое будет стоить очень дорого. Я не уверена, что услуга тебе по карману.

– Ты же понимаешь, это – не моя прихоть. Я действую ради безопасности Короны.

– Дорогой мой, любая собака при дворе может пролаять эту фразу.

– У тебя, Катрин, лучший нюх изо всех придворных собак. Такой интуиции нет больше ни у кого, потому я и пришел...

Катрин кривится:

– Ах, милый Марк, как давно прошли времена, когда я реагировала на комплименты. Хочешь искренности – заинтересуй меня. Почему мне стоит откровенничать с тобой, а не с самим владыкой?

– Потому, любезная Катрин, что тебе нечего сказать владыке. Ни одного факта, ни одной конкретной улики – лишь интуиция. Ты не смеешь тревожить императорский слух такой ерундой... но и успокоиться не можешь. Ты бы посоветовалась с кем-нибудь, поделилась тревогой, если бы умела доверять хоть кому-то. Ну вот, сейчас – редкая возможность. Поделись со мной.

– Я тревожусь? – брови Катрин Катрин весьма натурально ползут на лоб. – С чего ты взял?

– Милая моя, я охотно с тобой поиграю в любые игры... в другой раз. А сейчас давай обойдемся без детских забавок. Если я ошибся, то нет смысла тратить время друг друга. Но если прав, и ты подозреваешь в чем-то ее высочество Минерву Стагфорт...

Катрин Катрин складывает ладони перед грудью, сжимает. Костяшки издают хруст.

– Сперва ты сам выложишь все карты на стол.

– Идет.

– И останешься должен конфету. Любую по моему вкусу.

– Идет.

– Начинай.

Марк откидывается на спинку кресла, прочищает горло.

– Я не нашел ничего против ее высочества. Хотя, видят боги, старался. Еще во время игр по заданию владыки выкопал все, что можно было. Минерва чиста. Единственное пятнышко – отец служил в алой гвардии во время Шутовского заговора, водился с Джоном Корвисом. Однако суд императора Телуриана его оправдал, а это о многом говорит. Тот суд рубил головы безо всякой пощады, и если даже он не нашел зацепки... Словом, Минерва Стагфорт чиста, ее родители чисты, любимая кошка ее горничной – тоже чиста.

– Тогда зачем ты пришел ко мне?

– Из-за леди Сибил. Я не понимаю кое-чего. Не связывается.

– А именно?

– Что получает графиня от брака Минервы с Адрианом? Со времени игр Медведица сияет, как новая агатка, прямо лучится гордостью. Это можно бы списать на ее успех и лестное внимание владыки. Как никак, графиня теперь частый гость в малой чайной, ей обещана почетная роль опекуны невесты во время свадебных торжеств... Вроде, все так. Но ведь Медведица – прагматичная дама. Тщеславная – да, но прагматичная – прежде всего. Она потратила массу усилий, чтобы защитить Минерву, привлечь к ней внимание, добиться поддержки у Великих Домов и, в итоге, выдать замуж за императора. Зачем? Ради одних лишь формальных почестей?... Минерва ей никто – не родственница, даже не вассал. Графиня ничего не просила у владыки, напротив, сама обещала ему поддержку в Палате. В чем же ее выгода?

– Угу. Что еще?

– Сюзерен Минервы – Виттор Шейланд. Он не участвовал в чудесном спасении девушки – это еще ладно. Куда более странно, что сейчас он уехал на Север, предоставив свою

подопечную заботам Медведицы. Все, кто так или иначе близок к ее высочеству, готовятся пожинать плоды... а ее сюзерен ни с того, ни с сего покидает столицу. Надо полагать, графиня чем-то отплатила ему за это «равнодушие». Может быть, именно она сумела устроить его сказочный брак с дочкой Ориджинов... не суть. Важно другое: зачем Медведице единоличная опека над Минервой? Ведь, повторюсь, она ничего не имеет от взлета девчонки.

Катрин Катрин подается вперед. Марку удалось вызвать ее интерес.

– А еще?

– Есть и еще. Герцог Айден Альмера – человек серьезный. Когда понадобилось убить кузена императора, Айден прикончил его прямо в столице, не возбудив подозрений. Тогда почему сорвалось покушение на Минерву? Люди герцога не справились с горсткой охранников северянки?... Я все чаще думаю, что нападение на девчонку, с которого началась вся канитель, – дело Медведицы, а не Айдена. Чтобы заполучить Минерву в свои руки, графине следовало убить ее отца. Допустим, она это и сделала... Что возвращает нас к вопросу: зачем? Убийство, опека, покровительство, договор с Шейландом – все ради чего?

– Хочу еще, – говорит Катрин.

– Последнее лакомство на сегодня. Глория Нортвуд, дочь графини, ныне послушница неведомого монастыря, – умница, каких мало. Проницательна, словно Светлая Агата. Забавы ради Глория расследовала убийства наследников престола. И вот, с тех пор, как Минерва прибыла в столицу, Глория ни разу не увиделась с нею. Не странно ли? Минерва – единственный свидетель, оставшийся в живых, но Глория ею не заинтересовалась.

Катрин пожимает плечами:

– Ну, если Глория знала, что ее мать замешана...

– Тогда бы она вовсе не расследовала ту историю! Допускаю, в самом конце Глория таки узнала о преступлении графини. Возможно, именно поэтому графиня спроводила ее в монастырь. Но это не дает ответов, которых я хочу. Почему Глория не повидалась с Минервой? И главное – зачем графине нужна Минерва на троне?

Похожая на рысь Катрин Катрин улыбается краем рта:

– Хорошо. Вкусно.

– Теперь – твоя очередь.

– Я думаю, владыка совершает ошибку. Ему не стоит жениться на Минерве.

– А подробнее?

– Чутье. Как ты говоришь, нюх. Ты... ты знаешь многих янмэйцев?

– Доводилось...

– Минерва на них не похожа.

– Ну и что? Родовые черты заметны далеко не у всех. Это скорее удача, чем закономерность.

– Я не о внешности. Минерва... воспитание, манеры – на уровне. Знает, о чем говорить и когда молчать. Умеет пошутить, если нужно. Когда время улыбнуться – улыбается, если время кланяться – делает реверанс. Правильная такая леди...

– И что же?

– Не торопи! – бросает Катрин. – Скажу, куда не денусь. У дворян рода Янмэй подо всеми манерами есть второй слой, а ниже – третий, а там еще четвертый. Эту глубину почти не видно и не слышно, ее прячут изо всех сил... Для янмэйцев дело чести – скрыть тот факт, что у них имеется душа.

Марк усмехается: отлично сказано, чего уж. Катрин добавляет после паузы:

– Ну, а ее высочество... Мне кажется, там нечего скрывать. Под ее манерами – пусто.

– Почему это тревожит тебя?

– Этот брак – неясная сделка. Владыка мог вытерпеть агатовскую суку и получить в награду влияние Альмеры. Мог взять дуру Грейсенд с торговыми богатствами Лабелина в придачу... Но сейчас непонятно, кого он берет в жены. Неизвестно, в чем подвох, но он имеется.

– Ты говорила с его величеством?

– Нет.

– Побоялась?

– Побоялась. Как и ты.

Марк не отводит взгляда.

– Одному из нас придется с ним поговорить.

– Да, Марк. Тебе.

– Мне?..

– Ты обещал конфету. Это она и есть.

– Больше похоже на пригоршню красного перца.

Катрин Катрин касается ладони Марка, лежащей на столе. Ее слова звучат, как утешение:

– Ты рискуешь меньше меня. У тебя – твоя агентура, которой не сможет управлять никто другой. К тому же, раскрытый заговор Айдена за плечами. А у меня никакой страховки. День, когда я расстрою владыку, станет последним.

– Твоя нежность наводит на скверные мысли. Это настолько рискованно?

– Адриан принес жертву. Сделал непростой выбор: связал себя с девушкой, которую вовсе не знает. Теперь он хочет слышать подтверждения: вы поступили правильно, владыка. Империя расцветет, история пойдет новым путем, потомки прославят вас в легендах... Да, Марк, я не хочу быть тем, кто скажет ему, что он ошибся.

– И почему возникает чувство, что ты мною манипулируешь?

– Возможно, потому, что я смотрела на Минерву тогда, на празднике. Ты видел, какими глазами я смотрю. А я знала, что ты видишь.

Ворон Короны невесело усмехается:

– Ладно. Кто-то из нас должен. Это буду я. Договорились.

– Удачи тебе, – говорит Катрин Катрин, поднимаясь.

Прежде, чем уйти, добавляет:

– Да, есть еще одна странность о Медведице. Ты проглядел. Умница Глория Нортвуд пробыла три года в пансионе Елены-у-Озера, потом мать забрала ее оттуда и привезла в Фаунтерру. Любопытно, зачем она это сделала, если обучение в пансионе длится четыре года? Зачем терять один год?

– Подумаю на досуге... если думалка останется на плечах. Благодарю, милейшая Катрин.

– Всегда к твоим услугам, дорогой.

* * *

Хорошо думается в беседе с умным человеком. Хочешь разобраться в чем-то – поговори с тем, кто не уступает тебе интеллектом. Беда в том, что умных людей мало. В особенности мало таких, кому можно доверять. Гибкий ум ищет себе применения: строит планы, лелеет амбиции, плетет интриги. Если не видишь человека насквозь, то не знаешь до конца, чего от него ожидать. А это всегда опасно.

Ворону Короны подчиняется более тысячи человек различных сословий: слуги, воины, секретари, торговцы, мещане, дворяне. Многие из них даже не знают Марка в лицо. Все они вместе служат славной цели – оберегают покой Короны. Ирония в том, что каждый в отдельности – ненадежен: малодушен, продажен, труслив. Благородные и смелые идут в гвардию. В тайной страже служат те, кто любит деньги, или те, кто замарался в какой-нибудь дряни. Секретарь Итан – один из очень немногих подданных Марка, кто служит за идею, по велению души.

Есть при дворе и еще один человек, кому Ворон доверяет безоговорочно и полностью – Адриан Ингрид Элизабет, император Полари. Марк имеет удовольствие беседовать с ним раз в неделю: в четверг после полудня, за чаем. Три года назад, придя к власти, Адриан потребовал, чтобы глава протекции отчитывался перед ним регулярно, лично и устно, чем тут же заслужил уважение Марка. Действительно важные слова нельзя доверять ни посредникам, ни бумаге – в этом Ворон был глубоко убежден.

В этот четверг Адриан сидел спиной к окну – признак скверного расположения духа. Будучи в хорошем настроении, владыка любит садом за окнами; в плохом – садится спиной к стеклу.

Лакеи внесли чай и сладости, быстро удалились, оставив Марка наедине с императором. Адриан кивнул, Марк наполнил его чашку. Повисло молчание: первое слово, как и последнее, принадлежит владыке, а владыка не спешил нарушить тишину. Он выглядел угрюмо сосредоточенным, погруженным в какой-то мысленный омут. Под вторым слоем всегда есть третий, а ниже – четвертый... Адриан пребывал на самом нижнем слое, и там, в глубине, было темно.

Марк подумал: хорошо бы сказать что-то ободряющее. Он понятия не имел, какими словами можно подбодрить императора – этикет не предполагал подобных действий. «Расслабьтесь, владыка, плюньте на всех и отдохните» – вряд ли подойдет. «А невеста у вас ничего, я вам по-доброму завидую» – звучит как-то сомнительно. Хлопнуть дружески по плечу, мол, выше нос, приятель... Тоже идея так себе, средненькая. Орджа бы ему налить... Но орджа на столе не было, только чай.

– Что скажете, Марк? – прервал, наконец, молчание император.

– Рад служить вашему величеству, – согласно этикету ответил Ворон. Губы Адриана отчего-то дернулись.

– Надеюсь, что рады... – со странным презрением обронил владыка. – Ладно, не будем терять времени. Слушаю ваш отчет.

Марк подобрался. Отодвинул чашку, прочистил горло. Отчет состоял из двух пунктов: неприятного и очень неприятного. Потому Марк начал с третьего – того, который мог хоть как-то порадовать Адриана. Дело герцога Альмера готово к передаче в суд. С полной уверенностью можно утверждать, что все шпионы и пособники изменника, состоявшие при дворе, найдены и выловлены. Сорок два человека в темнице ожидают суда. Пятьдесят восемь освобождены за малостью их участия в делах изменника, однако тщательно учтены. По первому слову вашего величества они будут изгнаны из дворца. Тридцать девять раскаялись и теперь служат безопасности Короны в качестве агентов протекции...

Адриан перебил его:

– Скажите мне, Марк: чем ваша паутина лучше Айденовой?

– Моя защищает Династию, ваше величество.

– Айден говорил то же самое.

– Герцог Альмера тайно вербовал своих шпионов. У меня же нет секретов от вашего величества. В любой момент я готов предоставить...

– Ладно, – махнул рукой Адриан, – это был риторический вопрос. Продолжайте отчет.

Марк помедлил в замешательстве. Возникло неприятное ощущение: император не просто мрачен, он мрачен именно из-за Марка. Гневается за что-то. Но все, что должно вызвать гнев Адриана, еще только предстоит сказать!..

– Ну, – поторопил владыка.

– Произошли скверные события в типографии, а также в имперском архиве, – Ворон начал с меньшего зла. – Из архива похищена грамота о пожаловании ленных владений...

Он рассказал о грамоте и «Голосе Короны». Владыка слушал без внимания, рассеянно ковыряя шпатель десертной вилкой.

– Не трудитесь, Марк. Эта история мне уже известна.

– Капитан Бэкфилд?..

Владыка помедлил.

– Ваше право задавать вопросы кажется мне сомнительным.

– Простите, ваше величество...

Марк оторопел. Уже давно его беседы с императором стали чем-то вроде доверительных совещаний: с вопросами и предложениями, откровенными словами, шутками. Откуда холод?

– Продолжайте.

– Ваше величество, я не знаю, какую трактовку придал событиям ваш... источник сведений. Потому позволю себе высказать свою.

– Любопытно, – бросил Адриан без малейшего интереса.

– Видите ли, всякий указ о пожаловании владения отражается в книге новостей. На соответствующих страницах «Голоса Короны» можно прочесть, кто получил какие земли за последний месяц. Я попытался увязать пропавшую грамоту с листом из «Голоса». Лист июльский, грамота – апрельская. На первый взгляд связи не было. Но затем я предположил: что, если грамота из архива нужна преступнику не сама по себе, а лишь как исходный материал?

– Поясните, – повел бровью владыка.

– На грамоте имеется имперская печать, подпись вашего величества и ответственного секретаря. Что, если именно эти детали важны, а вовсе не содержание грамоты? При помощи слабой кислоты преступник растворил и вывел чернила, и получил заготовку – бланк грамоты о пожаловании со всеми необходимыми подписями и печатями. Затем он вписал в нее другие сведения и заштриховал другие области на карте. Вышел полновесный документ на владение землей. Мы не знаем, какой именно. Возможно, огромной и ценной. Возможно, речь идет о сотнях тысяч акров! Такая игра стоит свеч, ради этого преступник и совершил два убийства.

Император не перебивал. Марк продолжил:

– Чтобы придать дополнительный вес поддельной грамоте, злодей также изготовил фальшивый выпуск «Голоса Короны». Зная, что в книге новостей печатаются все сведения о передачах землевладений, он подкупил сотрудника типографии, и тот изготовил подложную страницу. Набрал на печатном барабане другой текст, нужный преступнику. Сделал оттиск, а затем снял буквы с барабана, чтобы не оставить следов. Подложную страницу печатник передал нанимателю. Тот внимательно проверил содержание, задал ряд вопросов о том, все ли улики уничтожены, и как правильно вклеить в книгу подложную страницу. Когда с расспросами было покончено, он задушил печатника, тем самым оборвав цепочку следов. В тот же день злодей покинул столицу, имея на руках два документа, подтверждающих землевладение: грамоту о пожаловании и страницу из «Голоса Короны».

По мере своей речи Марк распалился, глаза начали блестеть. Адриан – любитель стратем, интеллектуальных игр, тонких умозаключений. Он должен оценить блестящий вывод, сделанный из двух бесполезных бумаг!

Помедлив, император спросил со скукой:

– Зачем это нужно преступнику?.. И, что важнее, зачем вы беспокоите этим меня? Кто-то пытается захватить чей-то лен – такое случается каждую неделю. Обычно используются мечи, теперь – печатный станок. Вы решили порадовать меня тем, что даже преступники идут в ногу с прогрессом?

Марк нахмурился.

– Ваше величество, злодей не пытается присвоить владение. Он изготовил подложные документы не для захвата земли, а для провокации. Бумага способна вызвать войну. Положим, некто мечтает о владении соседа. И вдруг получает почтой из Фаунтерры грамоту о пожаловании одного владения, да еще и «Голос Короны» в довесок. Уверенный теперь в своей правоте,

некто берет войско и вторгается в земли соседа. А тот, естественно, защищается, вспыхивает бойня. Полагаю, к такому результату и стремится преступник.

– Допустим, – согласился Адриан. – Что еще можете сообщить?

– Ваше величество, я... – Марк запнулся. В иное время он сказал бы «советую» или «рекомендую», или даже «мы должны»... – ...мне кажется, было бы милосердно и дальновидно, если бы Корона предотвратила войну.

– Согласен, – равнодушно кивнул император. – Пусть секретари подготовят опровержение поддельной грамоты. Я подпишу, вы отправите жертве провокации.

– Ваше величество, – Марк набрал воздуха, – я не знаю, кто это. Нам не удалось выяснить, кому отослан поддельный документ.

Адриан нахмурился:

– Тогда чего вы, собственно, ждете от меня? Вы не нашли ни преступника, ни жертву, и я должен помочь?

– Я прошу: отмените все июльские передачи владений. Разошлите общее опровержение всем феодалам, кто получает «Голос Короны». Так мы сможем остановить действие фальшивой грамоты и предотвратить побоище.

– Отменить? Марк, вы в своем уме? После летних игр было передано из рук в руки больше сотни владений. Это же месяц брачных договоров!.. Сотня лордов не получают законные владения – почему? Потому, что протекция не справляется со своей работой?

– Ваше величество, я прошу лишь временно приостановить действие... Клянусь, за месяц я найду преступника, после этого все владения вступят в силу! Но опровержение нужно немедленно: если война вспыхнет, ее уже будет не остановить.

– Очередная феодальная усобица, – Адриан покачал головой. – Обычное дело... Мой ответ – нет.

– Ваше величество, – сказал Ворон, – это не будет обычная усобица. Похищение и подделка – все сделано смело, умно, ловко. Я чувствую: человек, который стоит за этим, не стал бы тратить на мелкую рыбешку. А мишень провокации – из тех, кто привык доверять «Голосу Короны», то есть – из высшей знати. Думаю, эта война заденет кого-то из графов, а может, и герцогов.

– Марк, – медленно спросил император, – у вас все?

Скверно. Ох, до чего скверно. Ворон медлил, не зная, как поступить. Конечно, владыка не хочет злить лордов в преддверии голосования. Благодаря помолвке, примирению с приархом Галлардом и открытию «волны» Адриан сейчас на пике всеобщей любви. Палата проглотит с восторгом любой закон. Отобрать владения у сотни феодалов – значит, поднять бурю недовольства, столь неуместную сейчас... Однако Ворон ждал, что император доверится его чутью, как доверял прежде. Вышло иначе.

А теперь впереди второй вопрос, куда сложнее первого. Стоит ли вообще задевать его – без малейших-то шансов на согласие? Зачем? Для очистки совести? Или ради права с гордостью сказать впоследствии: «А я же говорил!..»

– У вас все? – рыкнул Адриан.

Хорошо было бы ответить: «Да, ваше величество». Заманчиво. Эх... Три, два, раз. И в омут головой.

– Ваше величество, я прошу разрешения поговорить с ее высочеством.

Зрочки императора сузились:

– Поговорить – значит, допросить, верно?

– Да, ваше величество. Наедине. От имени Короны.

– Допросить мою невесту от моего имени?

– Да, ваше величество.

– Знаете, Марк, – владыка недобро усмехнулся, – если вы не приведете никаких аргументов, я подумаю, что вы всего лишь сошли с ума. И, вполне возможно, для вас это будет лучше.

– К сожалению, ваше величество, у меня имеются аргументы. Есть причины не доверять графине Сибил Нортвуд. Перечислю их.

– А позвольте, я угадаю, – перебил его император. – Один: леди Сибил внезапно услала дочь в монастырь. Два: графиня всеми силами ратует за Минерву, которая не приходится ей ни родней, ни вассалом. Три: графиня ничего не просила за свою поддержку в Палате, хотя могла бы. Четыре: графиня цветет от счастья без ясных на то причин. Это вас смущает, верно?

– Ваше величество...

– Из этих странностей, сударь, вы сделали выводы и, в безграничной своей заботе обо мне, решили предупредить. О чем?.. Первое: вероятно, леди Сибил убила отца моей невесты, чтобы получить девушку в свое распоряжение. Второе: леди Глория Нортвуд в ходе своих поисков узнала о преступлении матери, потому и отправилась в ссылку. Третье: Минерва считает себя обязанной графине и потому, став владычицей, примется ратовать за интересы Севера. В частности, графиня Сибил со своим приятелем, а возможно, и любовником Эрвином Ориджином положили глаз на торговый флот Южного Пути... Я ничего не упустил?

Справляться с удивлением – чертовски важное умение. Кому нужен советник, похожий на сельского дурачка?.. Марк не справился. Сам почувствовал, как полезли на лоб его брови.

– Ваше величество, простите...

Адриан жестом заставил его молчать.

– В другой день, Марк, я бы умилился вашей заботе. Улыбнулся тому, как вы и Катрин Катрин упорно считаете себя умнее всех. Как с высоты своего всевидящего ума оберегаете меня – этакое безмозглое дитя в короне... Простите, но так уж вышло: не вы одни способны размышлять. Да, мне жаль бедного сира Клайва Стагфорта и несчастную леди Глорию, и я глубоко сочувствую Минерве, оставшейся сиротой. Но если сейчас отдать под суд леди Сибил, то графство Нортвуд окажется на стороне моих врагов. Сколько сирот клайвов тогда лягут в землю? Сколько бедных девочек станут сиротами?

– Ваше величество, – с рискованным упрямством произнес Марк, – леди Сибил ненадежна. Не стоит доверять ей.

– Ненадежна?.. Боги, а кто надежен? Может быть, вы с вашей паутиной? Может быть, именно вы убережете меня ото всех бурь и невзгод, удержите корону на моей макушке?..

Император сделал паузу. Ворон не рискнул ответить. Адриан с горечью покачал головой:

– Марк, этот разговор – шанс, который я дал вам. Я все ждал, когда же вы скажете то, что должны сказать. Думал: Ворон не мог пропустить такое. Кто угодно, но не Ворон. Раз он говорит о неважном, значит, видимо, собирается с духом. Боится расстроить меня этакой дрянью – вот что я думал. Рано или поздно Ворон вздохнет поглубже и выпалит... Но нет.

Император извлек из-за манжеты крохотную бумажную ленточку – такие использует голубиная почта. Развернул, показал Марку через стол. Тот смог различить лишь вензель – малюсенького нетопыря со стрелой в когтях.

– Последняя возможность. Что в этой бумаге? Знаете или нет?

Ворон глубоко вдохнул.

– Нет, ваше величество.

Император опустил ленту на стол. Она тут же свернулась в колечко, и щелчком пальца Адриан отправил ее Марку.

– Читайте.

Ворон прочел. В глазах потемнело. Очень уж мелкие буковки, расплываются, путаются. Наверное, от этого искажается смысл... Он перечел, поднес ленту к кончику носа. И снова. Выронил, бумага издала шорох, свернувшись колечком.

– Ваше величество... Прошу: скажите, что это? Чья-то шутка? Проверка? Я понятия не имел... Никто не докладывал...

– Это письмо, – отчеканил император, – доставлено птицей из Первой Зимы, получено нынешним утром. Эрвин Ориджин объявляет себя герцогом и ставит мне ультиматум.

Проверка. Должна быть проверка! Или провокация, или шутка – что угодно, но не правда! Благородные Ориджины – опора Династии на протяжении шести веков! Эрвин – умненький щенок, герцог Десмонд – несокрушимая скала. Щенок убил отца, чтобы поднять мятеж против Короны?!

Марк развернул ленту и снова прочел, хотя уже помнил наизусть каждое слово.

Адриан Ингрид Элизабет, сударь. Вам известно о страшных злодеяниях...

– Ваше величество... – выдохнул Марк. – Я не знал об этом... Клянусь, не знал!

Адриан проговорил медленно и тихо:

– Знаете, что любопытно в этом деле. Ведь я с самого начала не доверял графине Сибил – с того майского дня, как она явилась на аудиенцию вместе с дочкой. Это вы убедили меня поверить графине. И вы же, Марк, теперь стараетесь очернить ее. Я спрашиваю себя: почему? Я спрашиваю себя: почему вы так тщательно ничего не знаете об Эрвине Ориджине? Почему отвлекаете меня ерундой, вроде краденых грамот, вместо того, чтобы предупредить о мятеже сильнейшего Дома? И я вижу объяснение, Марк. Вы хотите моей размолвки с Нортвудами потому, что вашему новому другу Эрвину требуется сильный союзник.

– Ваше величество, клянусь, я не... – горячо начал Марк, и осекся. Не верьте ни словам, ни уликам, верьте только умозаключениям – это говорил он сам.

Император покачал головой.

– Да, вы правы, капитан Бэкфилд доложил мне об убийствах. Капитан недалек, потому мне ясен его мотив: попытка выслужиться. С вашими мотивами, Марк, куда сложнее... Дневники Янмэй Милосердной, третий том, глава пятая: «Мы не выбираем ни друзей, ни врагов. Враги всегда сильны и хитры, друзья – самодовольны и слепы. Будь осторожен: хитрого врага легко принять за слепого друга». Любого наследного принца Династии учат: делай, как завещала Янмэй, и не допустишь фатальных ошибок. Далее в той же главе есть и такие слова: «Другу, в котором ты усомнился, дай шанс: поручи трудное и опасное дело. Справится – прости и доверься ему. Не справится – не горюй о нем».

– Что угодно, ваше величество! – отчеканил Марк.

– Отправляйтесь в Первую Зиму, – сказал император.

Повисла тишина. Краска сбежала с лица Ворона.

– Формальный повод прост, – сказал Адриан, – представитель Короны заверяет законность передачи власти в герцогстве. А ваша истинная задача... полностью отвечает задачам протекции.

Находим тех, кто угрожает Короне, и устраняем их. Боги. Святые боги!

– Ваше величество, вы приказываете... я... я должен убить лорда Ориджина в Первой Зиме?

Адриан молча смотрел ему в глаза.

– Ваше величество... Три года я служил вам верой и правдой. Поверьте мне! Я разочаровал вас, не сумел раскрыть планы мятежников. Если моя глупость достойна наказания, то так тому и быть, отдайте под суд – но здесь, в столице! Ваше величество, проявите милосердие! Неужели я не заслужил хотя бы этого?..

– Я проявил милосердие, – ответил император, – и дал шанс заслужить прощение. Вы даже получаете возможность переметнуться к Ориджину. Вряд ли он простит вам провал с леди Сибил... но, пожалуй, вы сможете вымолить быструю смерть.

– Ваше величество, одумайтесь! Я предан вам. Пусть вы не верите, но допустите хоть возможность! Вы отдаете врагу в руки начальника вашей тайной стражи! Северяне получают все, что мне известно: имена агентов, пароли, координаторов сети...

– О, за это не волнуйтесь, – усмехнулся Адриан. – Вашей агентурой займется капитан Бэкфилд. Координаторы будут переназначены, пароли сменены. То, что вы успели сообщить Эрвину, завтра потеряет вес. ...Да, и вашему прихвостню Итану больше не место в имперском секретариате. Возьмите его с собою.

Адриан взмахнул рукой, веля Марку уйти.

Марк силился выдавить что-то. Найти слова. Оторвать язык от пересохшего неба. Отчаяние намертво свело челюсти. Что ни скажи, ничего не изменить.

Он встал, двинулся к двери. Кажется, ноги не дрожали.

– Постойте...

Марк резко обернулся. Не сумел скрыть вспышку безумной надежды, промелькнувшую на лице.

– Мне жаль, – сказал император.

Меч

1-2 сентября 1774 г. от Сошествия

Окрестности Алеридана

Вихря свела в могилу гнилая кровь. Худая смерть – долгая, мучительная. Не всякий воин вытерпит без стонов. А Вихрь был не воин, всего лишь крестьянин и конюх. Он и меча-то в руках не держал до того дня... Вихрь голосил двое суток подряд, пока не утих. Рыдала и Сара – дочурка, и даже Вихренок.

К счастью, Джоакин не слышал плача. Те двое суток он провалился без чувств. Сквозь рубленую рану на плече вытекло слишком много крови. Позже, придя в себя, увидел Луизу – она меняла ему повязку и тихо приговаривала:

– Хоть ты останься... Хоть ты. Помрешь – никогда не прощу...

Она не плакала, но лицо было серым, почти черным. Джоакин сообразил: кончился Вихрь...

А Джоакин остался. Когда смог ходить и думать, обоз был уже далеко от Лабелина. Ближе к морю, наверное: ветер дул прохладный и соленый. Он спросил о Полли. Луиза сказала: похоронили. А священник? Помолились, – сказала Луиза. За всех помолились... кроме этого. Этот сбежал, бросив два мертвых тела и прихватив все деньги до последней агатки.

Зато в телегах остался товар. Где-то в землях Грейсендов они нашли ярмарку. Джоакин помог Луизе распродать добро. Вышло недурно: без малого четыре эфеса. Луиза предложила:

– Поехали теперь в порт. Накупим с корабля всяких южных шелков, потом в Короне продадим. Хорошо будет.

Джоакин удивился:

– Это что же, ты хочешь продолжить дело торговца?

Она пожала плечами:

– Отчего нет? Я умею. Считаю быстро; знаю, как цену сбивать. А ты будешь с лордами говорить, если доведется; читать и писать письма. Мы с тобой хорошо поладим.

Он глянул на нее этак с подозрением, и Луиза фыркнула:

– Размечтался!.. Я тебе не руку предлагаю, а долю в деле. Смотри, затея выгодная. Хармон-торгаш делал до сорока эфесов в год. Мы, положим, не такие ловкие, но двадцать золотых выручим. Итого, по десять на брата. Ну?..

– Десять в год?.. Кайр полсотни за год службы получает.

Джоакин покачал головой и на лице изобразил презрение. Это было зря. Луиза потемнела:

– Дурак ты недобитый! Погибли три хороших мужика, а с ними – твоя любимая! Тебе же все нейдет, все не навоевался! Ну, так езжай к чертям в свою Первую Зиму! Чтоб тебе следующую дырку проделали во лбу, а не плече!

Она плюнула и ушла в фургон. Джоакин призадумался, помялся, да и пошел следом.

– Луиза... Луиза. Ты... прости меня, ладно? Ты меня выходила, я тебе жизнью обязан. Прости, не хотел обидеть.

– Только выходила, как обратно в могилу лезешь...

– Да не в могилу... Пойми: у меня есть мечта. Вот ты в детстве знала, кем станешь? Нет? А я знал. Сколько помню себя, всегда знал, что сделаюсь рыцарем. Буду служить великому лорду, прославлю свою семью и свою деревню. Будут говорить: Печальный Холм? Так это же то самое место, откуда Джоакин!.. Вот только прежде не знал, кому хочу служить. А теперь и это знаю. Не в Первую Зиму, мне в Алеридан нужно, понимаешь? Там моя слава!

Не факт, что Луиза поняла, но сердать перестала. Пожелала удачи, отдала половину выручки. Сказала писать в гостиницу в Излучине, если вдруг надобность. Джоакин сказал: так ты же читать не умеешь! А она в ответ: ну и что? К священнику схожу, он прочтет.

Следующим днем он помог ей нанять на рынке охранника – такого, что вызывал доверие. А затем распрощался.

Прошел месяц – и вот он в Алеридане.

Точнее, на лесистом бугре за городом, среди черных камней и обугленных балок. Когда-то здесь была мельница, потом сгорела, а холм зарос. Если влезть на камни, виден Эвергард: три кольца стен, тринадцать башен, Светлая Агата и воин, выложенные золотом. На шпилях башен полощутся флаги: верхний – герцогский, остальные двенадцать – гербы знатнейших рыцарей гарнизона. Один из них мог бы принадлежать Джоакину. Он давно уже знал, какой герб себе выберет: сердце, пронзенное мечом, а ниже – осадная машина, катапульта...

Деньги, доставшиеся от Луизы, исчезли без следа. Львиная доля ушла на новый меч взамен отцовского, утерянного в бою. Затем была дорога через Земли Короны и Альмеру, продовольствие, овес для Леди. Последняя агатка испарилась вчера: потрачена на пиво для Берка, чтобы убедить его проторчать еще один день среди развалин мельницы. Пятые сутки они здесь, и каждое утро Берк заводил одну и ту же песню:

– Милорд, а милорд... Скажи мне, как лорд: какого черта мы здесь торчим, а? Жратва кончается, с выпивкой вовсе печаль. Давай-ка наймемся к кому-нибудь!

Идея о том, что Джоакин Ив Ханна – как бы дворянин, а он, Берк, – как бы сквайр, сперва только позабавила прохожих. Но потом, осознав тот факт, что лорд обыкновенно платит за пиво и вино для сквайров, Берк понял все выгоды положения и теперь иначе, как милордом, Джоакина не звал. Правда, насмешливая нотка в голосе никуда не делась.

– Ну, что скажешь, господин? Давеча мы слыхали: архиепископ Галлард в городе собирает войско. Идем к нему наниматься!

– Не люблю святош, – уклончиво отвечал Джоакин.

– А кто их любит? Разве что монашки! Зато все любят деньги, а их у святоши полно. Чего, благородный Джо, не сказать о тебе.

Джоакин хорошо понимал, зачем приарх Галлард собирает войско. Вчера новомодной почтой – какой-то «волной» – в Алеридан прилетело известие: владыка начинает суд и велит герцогу Альмера явиться в столицу. В противном случае император лишит его титула и доставит в Фаунтерру силой, как беглого преступника. Ясно, что герцог и не подумает мчаться на плаху. Ясно, что император выполнит угрозу, и Айден Альмера лишится власти. Когда это произойдет, брат Айдена – Галлард – объявит себя новым герцогом и бросит войско на штурм Эвергарда. Ни за что в жизни не хотел бы Джоакин оказаться в той армии, что придет за головами Айдена Альмера и его дочери – леди Аланис. Ему противна была даже мысль.

Однако Берк посмеялся бы над этой романтикой, потому Джоакин приводил другие аргументы:

– Дружище, ты замок-то видишь? Думаешь, сладко придется, когда архиепископ пошлет нас на штурм? Иначе, как винтовой дорогой по склону холма, до верхушки не доберешься. А дорога обжата стенами с обеих сторон. Мы станем ползти по ней вверх, как черепахи, а нас будут поливать смолой и обсыпать булыжниками. Эвергард неприступен! Никаких шансов нет.

– Святоша – не дурак, – возражал Берк. – Он не полезет на штурм, коли замок неприступен. Возьмет в осаду. Всю осень, а то и зиму, мы будем жрать и пить в лагере, ничем не рискуя, да еще и монету получать. Потом гарнизон сдастся, мы заберем денежки и пойдем своей дорогой. А теперь, славный Джо, подумай, что будет, окажись мы внутри. Хотя нам и ясно сказали убираться прочь, но все же представь: твой чертов план сбылся, и нас таки взяли в гарнизон. Что из этого выйдет, а, милорд?

– Прославимся! – не раздумывая, сказал Джоакин.

– Ага. Станем славными пожирателями подметок, чемпионами по ловле крыс. Что мы есть-то будем в крепости, а?

– Имеются склады продовольствия.

– На осень хватит. Но потом-то запасы кончатся. Знаешь, приятель, я очень не хотел бы дожидаться того дня, когда рыцари начнут жрать своих сквайров. Накануне я предпочел бы слинять подальше из этой дыры... да только не выйдет, крепость-то в осаде! Как ты вообще планировал выбираться оттуда?

– Герцог что-нибудь придумает. Когда станет невтерпеж, он выведет людей. Наверняка есть подземный ход.

Берк хохотнул. Джоакин взаправду верил в существование туннеля, даже принимался его искать. Собственно, и холм этот выбрал для стоянки потому, что он выглядел очень уж подходящим местом для выхода из лаза. Деревца и мельничные камни маскируют макушку, можно выйти незаметно для осаждающих. Зато с высоких башен замка бугор хорошо просматривается, и можно заведомо отследить, есть ли враги у выхода из туннеля. День Джоакин убил на поиски. Идея была такова: обнаружить подземный ход, пробраться прямо в Эвергард, а там заявить: «Мы нашли уязвимое место вашей обороны! В награду возьмите нас на службу». С утра до ночи приятели ворочали камни и балки, испачкались в саже, как Темный Идо... Потом Берк осведомился:

– Скажи-ка, милорд, позволено ли сквайру называть лорда дубиной?

– Ни в коем случае.

– А пустоголовым дураком? Или безрогим бараном?

– Тоже нет.

– Ну, тогда я промолчу.

На том и закончили поиски подземного хода.

Шел пятый день стоянки на холме. Солнце клонилось к горизонту, закатывалось за башню Эвергарда – точь в точь как на родовом гербе леди Аланис... Берк хлопнул Джоакина по плечу и заявил:

– Вот что я тебе скажу, благородный лорд. Моего терпения хватит еще на один вечер – вот этот, что сейчас. План «торчим туточки и ждем погоды» был, конечно, хорош, но немного приелся. Если до утра не выдумаешь идею получше, я иду в город наниматься к архиепископу. С тобой или без тебя – все едино.

Он закинул в рот щепотку табака и завалился на плащ. Джоакин взобрался на камень и крепко призадумался, глядя на остроконечные башни цитадели.

Если по уму, то Берк прав. Не возьмут их в гарнизон. Замок и так переполнен людьми, а запасы пищи ограничены. Значит, нечего им тут делать, нужно уходить. Податься к другому лорду, выслужиться у него, получить рыцарство. Потом, уже в звании, вернуться сюда, попроситься к леди Аланис... Пройдут годы. Джоакин возмужает, на лице будут шрамы, в висках – седина. Слава о нем разлетится по стране. Он сможет тогда не кланяться, а гордо заявить:

– Меня, миледи, любой бы взял на службу. Вот только моя душа рвется к вам. Не откажите же ей!

Но уходить не хотелось. Даже больше – не могло. У него, Джоакина, может, и есть впереди годы... но у леди Аланис их может не быть! Она замешана в заговоре своего отца. Пусть и по незнанию, да кто на это посмотрит! Имперский суд не пощадит ее, войско приарха Галларда не выпустит из осажденной твердыни. Леди Аланис в западне, до конца года решится ее судьба. Если она у... ум... боги, даже мысленно Джоакин не мог произнести этого слова! Не умрет она! Он будет рядом, и она не умрет! Нельзя уходить.

Трижды они с Берком ездили в город. Один раз Джоакин снова увидел герцогиню: со своим блестящим эскортом она ездила в собор. Джоакин был потрясен – не одной лишь красо-

той девушки, но и отчаянной храбростью. Алеридан наводнен наемниками Галларда. Совершеннолетняя Аланис – помеха для дяди на пути к власти. Спусти священник псов – и они разорвут дюжину рыцарей герцогини. Джоакин знал: Аланис не зря пошла на такой риск. Она заявляла тем самым: «Я ничего не боюсь. Я невиновна, город – мой по праву». Мещане орали приветствия, смеялись от восторга. Герцогиня с нами, значит – все по-прежнему! Не будет войны, не будет смуты! Да здравствует Аланис Альмера! Джоакин тоже орал, его голос тонул в толпе, неслышный даже для соседей:

– Берегитесь, миледи! Прячьтесь в замке! Город опасен!

В дюжине тяжелых всадников мещане видели несокрушимую мощь. Стальные люди на стальных конях – что может их остановить?! Тем более, эти воины – лучшие из лучших, чемпионы турниров, герои битв!.. Джоакин знал, насколько уязвимы рыцари на узких улочках города. Один арбалетный болт из-за оконных ставен – и...

– Прячьтесь, миледи! Ваша жизнь на волоске!..

Она посетила собор, подарила Светлой Агате пригоршню золотых эфесов и вернулась в Эвергард. Живая... на этот раз.

Нет, Джоакин никак не мог уехать отсюда!

Но что делать?

Он глядел, как полощутся флаги в розовых закатных лучах... Затем солнце пропало, его место заняла луна... Искровые фонари вспыхнули на стенах, принялись шарить вокруг. Пятна света скользили по голой земле. Подступы к замку вырублены, вычищены от деревьев. Одна лишь каштановая аллея, ведущая к воротам. Если войско хлынет на штурм, его увидят издали. В лучах фонарей люди – как на ладони. Арбалетчики замка наспигуют их болтами, сотрут в кровавую пыль еще задолго до стен! Бедные, бедные наемники приарха! Эвергард неприступен... Эх.

Джоакин ничего не понимал в политике, но было ясно даже ему: император не простит герцога. Когда войско Галларда расшибется о стены замка, владыка пришлет свое. Искровая пехота – перед нею никто не устоит. Холодная тьма. Нельзя уезжать. Нужно думать.

Воин снова вспомнил герб, который выбрал для себя. Пронзенное мечом сердце – отличный символ: это и смерть врага, и любовь девушки. Ниже – катапульта. На гербе леди Аланис – крепостная башня, а у него будет осадная машина. Герцогиня неприступна, как сам Эвергард, но найдется тот, кто возьмет ее штурмом!.. Еще недавно эмблема наполняла его радостными мечтаниями, но теперь казалась злой насмешкой. Скоро здесь хватит катапульта и без Джоакина: будут и машины приарха, и самого императора... Чего не хватит – так это щитов, чтобы укрыть миледи от смертельной опасности. Сердце на щите – вот каков должен быть герб! И придет день, когда он будет трепыхаться на одной из башен Эвергарда!

Тех гербов, что сейчас украшали башни, уже было не видеть. Стояла ночь. Туча сглотнула луну. Лишь одна Звезда сияла в небе, да тревожные огни белесыми пятнами вспахивали землю. Громада замка тонула в черноте.

– Надо поспать, – сказал себе Джоакин. – Встану на рассвете, подумаю еще.

Он поднялся, чтобы прыгнуть с камня, бросил прощальный взгляд на крепость. Шепнул:

– Доброй ночи, миледи. Ничего не бойтесь: я рядом...

...и тогда увидел отряд.

* * *

Всадники возникли на каштановой аллее. Фонарь выхватил их из темноты и повел, больше не отпуская. Люди в легкой амуниции, почти без доспехов. Коня идут галопом. Десять, двадцать... примерно полсотни. Они скакали напрямик к воротам Эвергарда.

С башни что-то крикнули – в ночной тиши звуки летят далеко. Всадники не сбавили ходу. Дураки, сейчас их перебьют, – подумал Джоакин... Подумал бы, если б успел. Но кое-что случилось, и мысли в голове разом погасли.

Надвратная башенка треснула и развалилась.

Куски балок и кирпича – дождем на дорогу. Людские тела.

Всадники мчали, не сбавляя ходу, и двое передних вскинули руки, будто в рыцарском салюте. Теперь Джоакин успел заметить, как воздух вздрогнул перед их ладонями. Мерцающие сгустки метнулись к воротам, и те лопнули – будто пузырь, в который ткнули ножом! Щепки брызнули в стороны. Кто-то рванулся навстречу всадникам, и передний конь смял его. Отряд хлынул в замок.

Джоакин не понимал... и не пытался, и даже не воскликнул: «Что за чертова тьма?!» Он – соляная статуя, он – истукан с глазами. Стоял и смотрел, и не мог ничего другого, кроме смотреть.

На дороге между стен царил темень – фонарики не успели перенаправить свет. Вот они зашевелились, крутанули лампы, нацеливая лучи... и одна за другой фонарные башенки стали лопаться. Вспрыгивали на воздух, разваливались, сыпались градом обломков. Раскаленные внутренности ламп еще недолго мерцали искрами... Кто-то побежал по стенам, упруго сработал арбалет. В ответ полыхнул огонь. И снова. И снова. Истошные крики: живые факела падали на дорогу, под копыта. Вспыхнула галерея, за нею вторая...

А те, конные, скакали вихрем, поливая огнем стены. Вторые ворота – в щепки. Решетка – в пыль. Они неслись с такой скоростью, что полоса огня отставала от них! Пламя текло по стенам снизу вверх, охватывая десятки шагов за минуту... но конные шли быстрее. Балки, булыжники, головешки сыпались водопадом за их спинами. Всадники – огромный черный змей. Ворвался в замок и вспорол изнутри – будто двуручный меч в глотку.

Джоакин смотрел. На его глазах неприступный Эвергард превращался в факел.

Жутко, протяжно взывал сигнал тревоги. Падая, притихая, и снова взлетая, вымораживал жилы. Огненная река, текущая снизу вверх, долилась до верхнего замка и уперлась в бастион. Здесь, впервые, всадники сбавили ход. Извилистый путь замедлил их. Пятна света поймали голову отряда. Скачут, прижавшись к холкам, выставив вперед руки. Вдох – и лежат, никого живого из тех, кто оказался на свету. Кричит и бьется на земле лошадь. Остальные отпрянули, прячась за поворотом стены. Свет скользнул за ними, выхватил одного... Уже не человек – губка, истыканная стрелами.

В груди Джоакина мелькнул луч. Все, конец им! Кто бы ни были, им конец! Сзади подступает огонь, впереди – лютые стрелки герцога. Всадники сбились кучей в узком безопасном простенке. Рыцари замка уже бежали к ним по зубчатым верхушкам стен. Круглые камни посыпались с бастиона, покатались вниз по дороге, ломая ноги коням.

Но вдруг среди мертвецов зашевелился один. В нем сидела стрела или две, но он двинулся, перекатился за труп лошади. Положил руку на тушу, как ложе арбалета на упор. Выстрелил.

Прежде, во тьме, Джоакин не мог разглядеть, но теперь фонарь светил прямо на этого, полумертвого, и все виделось ясно.

Он выстрелил из руки.

Никакого оружия! Просто из кулака вырвался огненный шар и воспламенил ворота. Затем второй, тут же – третий. Стена, переполненная людьми, издала вопль. Вспыхнула башня, заметались огни. Люди сталкивались, обезумев от боли. Зажигали друг друга, сгорали заживо, прыгали со стен. А тот, за конской тушей, продолжал бить, обращая бастион в пекло. Одной голый рукой.

Вот тогда Джоакин заорал.

Сжимал голову ладонями, мотал из стороны в сторону, исступленно орал:

– Ааааа!.. Аааааааа!

Берк, что проснулся от воя, подскочил к нему:

– Заткнись, твою Праматерь!

Но увидел полыхающий Эвергард – и онемел.

Бастион выгорел дотла, выпали ворота. На стенах не осталось жизни. Всадники спешили и цепочкой вбежали в верхний замок. Где-то там – леди Аланис. Теперь беззащитная.

Джоакин бросился к лошади. Берк догнал его, развернул к себе и врезал кулаком по лицу. Воин упал, тут же выхватил кинжал, попытался ударить. Берк прыгнул, выбил нож, уселся на парня верхом:

– Да стой же ты! Дубина! Ничем не поможешь, сам подохнешь!

– Пусти! Убью! Пустииии!

– Не успеешь ты, дурак! Они уже в покоех! За пять минут всех вырежут, кто остался!

– Аааа!.. Пусти, гад! Ааааааа!

Джоакин метался, взрывая пальцами землю. Смотрел в небо – туча багровела от зарева. Берк сдерживал парня, приговаривая все тише:

– Ну, будет! Хватит уже!.. Успокойся... Как тебя заклинило, а...

Наконец, он утих.

Берк отпустил, Джоакин сел, привалившись спиной к камню. На замок он не смотрел. И так знал, что там: в небе плясали отсветы.

– Как же это... – прошептал воин. – Как они смогли... Это же... так не бывает! Не бывает!

– Да ладно, – пожал плечами Берк, – обычное колдунство. Император – потомок самой Янмэй. Он еще и не такое умеет!

– Император?.. – тупо повторил Джоакин. – Император?

– Кто же еще?! Он сказал, что притащит герцога на суд – вот и прислал за ним парней.

– Парней?..

О, нет, это и близко не парни! И не воины, и даже не кайры! Черные демоны на лошадях, крушащие стены одним взмахом руки!

– Ты проспал и не все увидел, – сказал Джоакин. – Наверное, не понял, что к чему. Они сражались, как Праотец Вильгельм! Смертные неспособны на такое!

Берк хмыкнул:

– Ну, тогда нам стоит помолиться. Умеешь?

В разговор вмешался странный звук – не то скрип, не то скрежет. Два камня провалились в землю. Вдавились и скрылись, оставив квадратную черную дыру. Из дыры возник человек с мечом, и еще один.

– О, подземный ход!.. – воскликнул Джоакин. – Я же говорил...

Рыцари двинулись к ним, в жутком молчании заноса клинки.

– Э, стойте, стойте! Мы свои!

Джоакин успел вскочить и поднять меч, а затем рыцарь обрушился на него. Удар, полный холодной ненависти. Парень отпрянул, с трудом устояв.

– Мы не враги!

Не говоря ни слова, рыцарь вновь атаковал. Сталь гремела и выбрасывала искры. Джоакин чуть не стонал от напряжения, парируя удары. Рыцарь бил слишком быстро, чтобы уклониться, и слишком мощно, чтобы блокировать. Каждая сшибка едва не выворачивала запястье. Клинки скрещивались у самой груди Джоакина. Противник сминал его оборону.

Второй воин тем временем накинудся на Берка. Тот успел парировать первый удар, но второй вышиб из рук топор и бросил Берка наземь. Он откатился, меч вспорол грунт в дюйме от уха. Берк пнул рыцаря в промежность, сам же взвыл, разбив стопу о латы. Увернулся от удара, перекатился, встал на четвереньки, пополз. Латник подбежал к нему и врезал ногой в бок. Берк

скрючился на земле, задыхаясь. Рыцарь взял меч в обе руки, неторопливо замахнулся, чтобы снести парню голову.

Джоакин отступал шаг за шагом под свирепым натиском врага. Он не мог улучшить ни секунды для атаки. Все силы и время уходили на оборону. Однако, отступая, он выманил противника из тени и сумел разглядеть.

– Сир Хамфри, я вам не враг!

Рыцарь промедлил полвдоха, Джоакин отпрыгнул назад и вогнал меч в землю:

– Хватит! Мы на вашей стороне!

Лейтенант Хамфри из гарнизона Эвергарда подступил к Джоакину, смерил взглядом:

– Ив Ханна?

– Я!

– Рольден, стой!

Клинок замер у шеи Берка.

– Какого лешего вы здесь?

– Мы видели штурм и пожар. Хотим помочь.

– Помочь?

– Вам нужна помощь, сир Хамфри?

Замешкавшись на секунду, рыцарь принял решение:

– Нужна. С нами раненый.

Он и Рольден вложили клинки в ножны. Берк поднялся, отряхиваясь и потирая бок.

– Сюда! Безопасно, – крикнул сир Хамфри.

Из туннеля показалась молодая женщина в одежде служанки, за нею двое парней с закрытыми носилками, следом – еще один рыцарь, замыкавший отряд.

– Простите, сир, но я не лекарь, – сказал Джоакин. – Не могу помочь с раненым.

– И не требуется. В миле отсюда охотничье угодье герцога. Пойдем туда, там есть лекарь. От вас нужна помощь в защите. Нас мало, а погоня возможна.

– Конечно, сир. Можете положиться на нас.

Лейтенант кивнул:

– Благодарю.

Махнул рукой замыкающему воину. Тот дернул что-то в недрах лаза, камни пришли в движение и встали на место, закрыв дыру.

– Простите, сир... – Джоакин прочистил пересохшее горло. – Ее светлость... она жива?

– Герцог погиб, – холодно отрезал лейтенант. – Лорд Альфред тоже. О лорде Альберте не знаю.

– А... леди Аланис?

Рыцарь медлил. На лице ясно читалось желание солгать.

– Прошу, сир Хамфри! Я же здесь ради нее!!

Тот мотнул головой в сторону носилок:

– Ее светлость ранена. Но шансы есть. Вперед!

Джоакин ловил воздух, пытаясь вдохнуть. Наконец, отмер. Прыгнул в седло и двинулся следом за уходящей горсткой людей.

* * *

В голове Джоакина царил черно-бело-красный хаос, похожий на гибнущий Эвергард. Черная растерянность, близкая к смятению. Мир стал другим: теперь в нем есть сила, неподвластная ни воинскому мастерству, ни законам чести. Опоры, на которых прежде стоял Джоакин, шатались и уходили из-под ног.

Красные вспышки – озарения, как пламенные шары. Герцог погиб вместе со старшим сыном. Леди Аланис бежала. Приарх Галлард объявит себя правителем Альмеры. Обыщет Эвергард, не найдет тела герцогини и пошлет погоню. Как скоро это случится?.. Кто были те всадники, кому служат? Они ринутся по следам, или другие?..

А белый цвет – это надежда, теплые манящие лучи. Леди Аланис потеряла отца и брата, получила тяжкое ранение. Нужно быть бессердечным человеком, чтобы радоваться этому. И Джоакин честно душил в себе предательское чувство... но все же радовался. Судьба дала шанс. Впереди дюжина дорог. Та, что ведет в лапы к наемникам архиепископа, и та, что на столичную плаху, и та, где ждут всемогущие всадники, и даже та, где леди Аланис вернет себе герцогство и взлетит обратно ввысь, бросив Джоакина ползать по земле... Но есть и такая дорога – одна-единственная – по которой Джоакин пронесет девушку на своих руках, спасет от всех опасностей, и в конце... Именно там, в конце той дороги и сиял неотразимо заманчивый белый свет.

Краем уха Джоакин слышал обрывки разговоров в отряде:

– ...около пятидесяти. Убили всего дюжину...

– ...размолотили, как гнилую тыкву!

– Предметы. Говорящие Предметы!

– Безнадёжно с самого начала...

– Персты Вильгельма... они нашлись!

– Приарх Галлард.

– Нет, император.

– Сам владыка?..

– А кто же еще?!

Берк приблизился и потряс Джоакина за плечо:

– Эй, милорд! Слышишь меня? Слышишь, говорю?!

– Что?.. Ага, слышу.

– Думаешь, у них есть с собой деньги?

– Деньги?..

– Деньги! Ты что оглох? Как только нам заплатят, сразу сваливать нужно.

– Это еще почему?

– Точно, оглох. Уши прочисти и слушай, о чем люди говорят! Леди Аланис – наследница герцогства. Едва святоша поймет, что она осталась жива, сразу отправит псов искать следы. Нам бы к тому моменту оказаться подальше от этих носилочек.

– Ага, носилки...

Джоакин нагнал парней, что несли раненую. То были воины, за их плечами висели мечи и щиты. Сир Хамфри, идущий впереди, задал безумный темп. Парни с носилками тяжело дышали, выбивались из сил.

– Вам помочь, друзья?

– Да как поможешь? Верхом раненую не понесешь!

– Могу отдать ей лошадь или взять к себе в седло.

– Ее светлость не сможет... она без чувств.

Точно: девушка лежала удивительно тихо. Была бы в сознании, стонала бы. Тревога ожила в сердце с новой силой.

– А рана сильная?

– Не позавидуешь...

– Какая?

– Ожог.

– Большой?

Сир Хамфри обернулся и прикрикнул:

– Сир Джоакин, отстань от них! Парням и так нелегко!

Он переключился с расспросами на лейтенанта:

– Что случилось с ее светлостью?

– Задело огненным шаром.

– О, боги! Страшный ожог?

– Я видал и хуже.

– Значит, есть надежда?

– Есть. Особенно если не болтать попусту, а идти быстрее.

– Так точно, сир.

Джоакин умолк было, но вскоре не удержался:

– А далеко еще до поместья?

– Тебе какое дело? Ты ж верховой. Ноги, поди, не ноют.

– Нет, сир, я о том... ну, как долго еще идти? Ведь ее светлость... она же без лекаря долго не сможет!

– Сир Джоакин, – рявкнул Хамфри, – закрой рот! Я все понял: ты очень хочешь служить герцогине! Оценил твоё рвение. А теперь – помолчи!

Джоакин сжал зубы.

К счастью, охотничье угодье уже показалось впереди. Немаленький двухэтажный дом на опушке леса, обнесенный бревенчатой стеной. Тропа упиралась в ворота. Одна створка покосилась и цепляла землю. Ее не смогли закрыть полностью, в щель пробивался факельный свет.

– Что за лодыри... – буркнул Рольден. – Герцог бы им уши оторвал.

Сир Хамфри сплюнул.

Отряд встал у ворот. Воины опустили носилки и принялись дышать. Рольден стукнул сапогом в створку. Берк шепнул Джоакину:

– Надо сразу с ними войти. А то запрутся, оставят нас здесь – и плакали денежки.

С этой целью он спешился и выдвинулся вперед, втерся между Рольденом и Хамфри.

«Здоровая» створка, скрипнув, отклонилась. Мужичок в плаще, с факелом в руке, мотнул головой:

– Здравья вам, рыцари. Проходите, добро пожаловать.

Рольден вошел первым, следом Хамфри, за спиной у лейтенанта во двор проскользнул Берк. Сир Хамфри смерил взглядом мужичка:

– Отчего не спрашиваешь, кто мы такие? А вдруг разбойники?

– Вижу ведь: башни на грудях, – резонно заметил факельщик. – Значит, люди его светлости.

– А ворота почему скособолены?

– Сегодня только телегой саданули, починить не успели...

– Телегой? Какой телегой?

– Да вон той – муку, значит, везли...

Сир Хамфри с недовольством оглядел двор. Заглянул и Джоакин. Действительно: левее ворот стояла телега с мешками. В глубине, ближе к усадьбе, свалены были полдюжины бочек. В кольцах на заборе торчали факела, трепетали огни.

– Дурачье, – процедил лейтенант. – Муку привезли и до сих пор не разгрузили! И бочки у главного входа – что за черт!

– Да хватит! – крикнул Рольден, он стоял уже на полпути к усадьбе. – Кончай выволочку, пускай заносят...

В этот миг на телеге, за мешками почудилось Джоакину какое-то едва заметное движение. Сир Хамфри рванулся с места, схватил мужика и закрылся его телом, будто щитом. Раздался свист. Мужик хрипнул, ловя стрелы. Джоакин шатнулся за створку. Рольден коряво выхаркнул:

– Гады... – и с грохотом рухнул наземь.

Не выпуская свой живой щит, сир Хамфри бросился к телеге. Берк – следом, прячась за спиной рыцаря. Снова свист. Стук, скрип. Стрела задела латы, но не пробила. Затем лязг – меч выскочил из ножен.

Замыкающий рыцарь – его звали Ланс – крикнул воинам с носилками:

– На помощь лейтенанту! Вперед!

Они рванулись в ворота. Один тут же вылетел назад с болтом в груди. Второй успел пробежать несколько шагов, потом свалился, плюясь кровью.

Из-за телеги раздались вопли: Хамфри с Берком рубили лучников, прятавшихся там. Но вторая группа стрелков скрывалась за бочками, держа на прицеле и телегу, и ворота. Стоит лейтенанту высунуться из-за телеги, как он – покойник. Пойдешь ему на помощь – получишь болт.

– Ты, – Ланс ткнул пальцем в Джоакина. – Я не оставляю миледи с тобой.

Конечно. Последний рыцарь будет стеречь носилки любой ценой. Джоакин вырвал у него щит:

– Это мне понадобится.

Прыгнул в седло, подъехал к воротам, прячась за закрытой створкой. Сунул щит в проем. Тум-тум! Два болта разом прошли его, один оцарапал руку. Джоакин прищипил кобылу и рванулся во двор. Если там остался третий со взведенным арбалетом – то конец.

Третий был. Встал из-за бочек, вскинул оружие, сверкнула дуга. Джоакин упал всем телом на холку Леди и швырнул щит навстречу стрелку. Тот пальнул. Болт свистнул над головой парня. А в следующий миг копыта Леди разнесли груды бочек, вминая арбалетчика в землю...

Их насчиталось восьмеро: один у ворот, трое за бочками, четверо у телеги. Большинство уже испустило дух, один шумно стонал. Стонал и Рольден. Лейтенант прочел молитву и нанес удар милосердия.

Стрелку, которому не повезло остаться в живых, сир Хамфри отрезал поочередно три пальца. Тот сразу сказал, что служит приарху Галларду, но все же следовало убедиться. Джоакин злорадно бросил Берку:

– Ты, говоришь, хотел наняться к святоше?..

Хамфри и Ланс внесли носилки во двор. За ними вошла служанка. Видимо, то была смелая девушка: она не издала ни звука, увидев дюжину мертвецов. А вот в доме не сдержалась и охнула. Вся прислуга поместья была в гостинной, аккуратно уложена в ряд на полу. Глотки перерезаны, кровь стеклась в одну огромную лужу. Кружились мухи.

– Лекарь здесь? – спросил Джоакин.

Сир Хамфри поочередно осветил лица мертвецов.

– Тьма сожри. Да, здесь.

– И как же теперь?..

– Софи, – лейтенант кивнул служанке, – найди лекарский инструмент, потом поможешь Лансу. Ланс, тебе же случалось штопать раны?

– Не такие, сир.

– А есть выбор?

– Сделаю, что могу.

– Отлично. Сир Джоакин, со мной. Внесем ее светлость.

Носилки положили на кухонный стол, подальше от мертвецкой гостинной. Софи принесла саквояж лекаря и бутылку вина. Ланс мыл руки в тазу.

– Сир Джоакин, идемте во двор. Не будем мешать.

Носилки так и стояли, накрытые завесой. Джоакин задержался в дверях, надеясь поймать момент, когда Ланс отбросит ткань. Взглянуть бы хоть одним глазом!.. Но сир Хамфри взял его за плечо и увел прочь.

Они вышли во двор, лейтенант подозвал Берка.

– Как видите, нас осталось четверо. Двое нас и двое вас. Ближайший вассал, которому наверняка можно доверять, – граф Блэкмор. До его замка почти сто миль пути. Мы с Лансом не справимся. Сир Джоакин, сквайр Берк, ее светлости герцогине Альмера требуется ваша служба.

– Ага, – буркнул Берк. – А какая оплата?..

Джоакин велел ему молчать. Встретил взгляд лейтенанта.

– Сир Хамфри, такое дело... Я не рыцарь, а Берк – не сквайр. Мы – просто два парня с оружием.

– И что? Ваши клинки нужны герцогине. Готовы служить?

– Так точно, сир, – ответил Джоакин.

Перо

1-3 сентября 1774 г. от Сошествия

Эльфорт (Южный Путь), пансион Елены-и-Озера (Ориджин)

В Эльфорте, что на севере Южного Пути, не доезжая двадцати миль до впадения Мудрой реки в Нижнюю Близняшку, двое мужчин сошли с дилижанса. Они накинули капюшоны плащей, поскольку моросил дождь, и поскорее убрались от станции, ища места, где можно согреться и перекусить. Однако ни первая, ни вторая, ни даже третья таверна не смогла соблазнить путников аппетитными запахами копченостей и заманчивыми пивными кружками на вывесках. Двое мужчин в плащах уходили все дальше от станции, пока не затерялись в лабиринте кривых, кособоких переулков. Достигнув самой глубины Эльфортской утробы, путники нырнули в мрачный погребок без окон. На обруче под потолком чадил три свечных огарка, в углах заведения царил могильная тень. Путников это полностью устраивало.

Они сделали заказ, дождались, пока хозяин принесет пару мисок бобов с телятиной и кувшин эля, и лишь после скинули капюшоны. Предосторожность была излишня: в радиусе ста миль не было ни единого человека, кто смог бы узнать в лицо бывшего начальника протекции или бывшего имперского секретаря.

– Мне думается, пришло время обсудить кое-что, – сказал Ворон Короны.

– Я с...согласен, чиф.

– Мое имя – Марк Фрида Стенли, – сказал Ворон. – Стенли – так звали моего отца в те давно забытые годы, когда он еще был жив. Как звали мою бабушку по матери – понятия не имею. Мама ее боялась, как огня, и никогда не поминала всуе, словно повелителя тьмы. Вышла замуж, лишь бы сбежать от нее.

– К чему вы это?

– К тому, приятель, что я – не дворянин. В высшей степени не дворянин, если можно так выразиться. Учти это, когда будешь слушать мое предложение. А предлагаю вот что: сейчас мы доедем, выйдем отсюда и свернем за угол: ты – направо, я – налево. Я поеду в Первую Зиму, а ты... куда угодно, но не туда, где правит Янмэй или Агата. Можешь в Нортвуд или на острова. Если хватит денег, сядь на корабль, что идет в Шиммери... И главное – не говори мне о том, куда собираешься. Просто уходи.

– А... а вы, чиф?

Марк ухмыльнулся:

– Устарел титул. Забудь о нем.

– Да, п...постараюсь... Так что же будет с вами? Вы тоже с...скроетесь?

– У меня есть дела на Севере, как ты знаешь. Я направлюсь туда. Но ты не обязан. Ты мне больше не подчиненный, и уж тем более – не вассал. У твоей дворянской чести нет ни единой зацепки, чтобы заставить тебя сунуть голову в петлю.

– П...приказ его величества, – ответил Итан.

– Владыка – человек результата. Ему важно, чтобы мятежник умер. И неважно, сколько из нас последуют за Ориджином на Звезду. А твое присутствие все равно не добавит мне шансов.

Итан покачал головой.

– Я давно вас знаю, сударь. У в...вас имеется для меня какая-то роль. Будь я так б...бесполезен, вы бы отослали меня без вопросов.

– Я даю тебе полное право убраться подальше и жить долго и счастливо, – сказал Марк. – Но если вдруг решишь остаться, то есть одно маленькое дельце... Ты можешь мне пригодиться в качестве знатока.

– Знатока ч...чего?

– Леди Глории Нортвуд, конечно. Ведь ты эксперт в данном вопросе?

– О-оо...

Итан поперхнулся. Марк стукнул его по спине:

– Ну-ну, спокойно. Я направляюсь в Первую Зиму... но не сказал, что сразу. Пансион Елены-у-Озера лежит в предгорьях Кристальных – считай, по пути. Наша милая дама проучилась там три года... из четырех необходимых. Хочу узнать, почему.

– Л...леди Сибил забрала дочь из пансиона в год императорской свадьбы...

– Да. А зачем? Чтобы Глория совала нос куда только можно, притягивала внимание протекции, сверкала при дворе, очаровывала императора и портила сватовство Минерве из Стагфорта? Что из этого на руку Медведице?..

– Н...ну, она могла не ожидать...

– От Глории? Помилуй, это же ее дочь! Медведица знала, чего ждать от девушки, и все же привезла в столицу. Понять бы логику этого поступка.

– И вы направляетесь в пансион Елены?

– Там полно народу, кто хорошо знаком с Глорией. Возможно, она откровенничала с кем-то. Может быть, что-то говорила о матери.

– Сударь, а з...зачем вам это? Вы считаете, это личные дела Нортвудов... так не все ли равно, почему да как?..

– Я намерен кое-что кое-кому доказать, – ответил Марк. – Дело чести, знаешь ли.

– Я с вами!

Ворон поскреб столешницу ножом, издав противный скрип.

– Видишь ли, какое дело. Елене-у-Озера покровительствуют Ориджины. Традиционно управительница пансиона на короткой ноге с герцогом. Мы ступим на порог, Эрвин узнает об этом через час – столько летит голубь до Первой Зимы. Может статься, пути обратно для нас не будет. Так что если в твоей голове осталась хоть унция мозгов – последуй моему совету: беги, куда глаза глядят. Сейчас.

– Н...нет, сударь. Я с вами.

– Ты же понимаешь, что Глория Нортвуд не оценит твоей жертвы? Просто потому, что никогда не узнает о ней.

– Понимаю, сударь.

– Что ж, дело твое.

Марк отнял нож от дерева. На столешнице осталось вырезанным вороново перо.

* * *

Они заночевали в Эльфорте, а следующим утром сели в другой дилижанс. За день проделали двадцать миль, пересекли бойкую речушку – нижнюю из двух Близняшек, задержались на пограничной станции. Забавное место... или тревожное – как посмотреть. Не остров, а лоскут суши между двух речек всего шагов пятьсот шириной. На севере искрится Верхняя Близняшка, на юге плещется Нижняя. Обе видны, как на ладони, обе перепоясаны бревенчатыми мостами. Мост, ведущий в Южный Путь, охраняет массивный форт: полощутся флаги, маячат на стенах стрелки, торчат мачтами в небо рычаги требушетов. Мост, ведущий в Ориджин, не охраняет никто. За Верхней Близняшкой – открытая дорога, что уходит в холмы. Где-то вдали белеют среди зелени крестьянские избушки, пасутся овечки. Идиллия: въезжай, любуйся... Ориджины не стерегут границу – незачем. Ни один лорд Южного Пути не рискнет потревожить покой северных овечек.

До пансиона оставалось несколько часов пути. Марк с Итаном провели ночь на постоялом дворе между Близняшек, а на рассвете пустились в дорогу. Нанятая бричка перевезла их через верхнюю речушку, по сторонам развернулись холмистые сочно-изумрудные луга.

– М...мне кажется, или стало холоднее? – спросил Итан.

– Вроде, нет, – сказал Марк и поежился.

Главная дорога уходила к Фейрису и Лиллидею, но возница свернул на северо-восток, минуя крохотные хутора, рассыпанные среди лугов. Холмы становились все круче, а на горизонте все яснее проступали вершины, увенчанные снежными коронами. Их очертания были резкими, угловатыми, гранеными, будто кристаллы хрусталя или соли. Порода искрилась на солнце, усиливая сходство.

– Впервые здесь?

– Да.

– Красиво?

– Б...будет красивее на обратной дороге.

Дорога пошла вверх, бричка забралась на седловину меж двух возвышенностей, оттуда и открылся вид на пансион.

Озеро, давшее имя пансиону, было малюсеньким – не то пруд, не то перекормленная лужа. Однако бросалось в глаза сразу, поскольку находилось на склоне каменистого холма, у самой вершины. Какой-то родник, пробиваясь сквозь толщу земли, избрал трудный путь и вскарабкался на высоту добрых семисот футов. За века он промыл среди утесов чашу и наполнил зеркальной, сапфировой водой. К чаше прильнули корпуса пансиона.

Зодчий постарался придать строениям самые ажурные контуры, привести в согласие с изяществом природы. Здания из белого камня были узки и высоки, словно дополняли, подтягивали к небу вершину скалы. Архитектурные излишества превращали пансион в картинку из детской сказки: стрельчатые окна, мансарды, шпили, декоративные стройные башенки, арочные мостики, соединившие корпуса... Все задумано так, чтобы постройка выглядела легкой, эфирной. Но в сравнении с крохотным озером пансион все равно казался тяжеловесным – будто седло, одетое на котенка.

Дорога привела на каменную площадку, где стоял гостевой дом и флигель охраны. Здесь, впервые в землях Ориджина, попались на глаза вооруженные люди. Двое молодых мечников прохаживались вдоль парапета – статные парни в блестящих кольчугах и белых плащах. Один из них встретил путников и провел в приемный покой. Небольшой, но очень уютный зал: темный мореный дуб, белый камень, прудик со смешными головастыми рыбками. Марк и Итан расположились в бархатных креслах, служанка предложила им кофе с печеньем и попросила ждать, пока леди Марта Валерия не выйдет к ним. Кофе оказался вкусным до чертовой тьмы.

– Послушай, приятель, – шепнул Марк, – давай-ка ты у нас будешь за главного.

– Я?..

– В таком местечке простолюдина, вроде меня, точно не примут за человека. Ты будешь дворянин, а я – твой секретарь. Уяснил?

Итан поправил кружевной воротничок, потеревил эфес шпаги.

– Вот-вот, – кивнул Марк.

– К...как думаете, что это за леди Марта Валерия?

– Мрачная грымза-гувернантка. В пансионах служат только старые перечницы, ты не знал? Их подбирают по внешности: если дама хоть немного краше клыкана, ее не возьмут.

Итан сдавленно хохотнул.

– Приветствую вас, господа. Надеюсь, дорога была легкой.

Гости подняли глаза на старую грымзу. Марк облизнул губы, Итан проглотил язык.

Леди Марта Валерия имела за плечами от силы двадцать два года и была сложена, как богиня спортивных игр. Строгое платье в пол, призванное замаскировать формы тела, совершенно не справлялось с задачей. Из-под тонких удивленно изогнутых бровей смотрели роскошные изумрудные глаза, присущие роду Люсии. Единственный изъян немного портил картину: крупное родимое пятно на шее. Ворон зацепился за него глазами и восстановил дар речи:

– Доброго здоровья, миледи! Меня зовут Марк.

– Мое имя – Марта Валерия Эдна, – с поклоном сказала дама. – Чем могу служить, господа?

– Итан Г...ледис Норма, – представился секретарь и оказался в тупике сразу, едва отзвучал последний слог его имени. – М...мы к вам по делу... э... которое можно назвать шшш... чекотливым... Я н...не знаю, с чего начать...

Марта Валерия созерцала его потуги с видом безграничного терпения.

– Позвольте мне, милорд, – вмешался в беседу Марк. – Видите ли, миледи, мой господин имеет честь служить в имперской канцелярии Фаунтерры. К несчастью, он рано осиротел, и его леди-сестра – прелестная Дженифер – оказалась целиком на попечении брата. Сейчас ей исполнилось тринадцать, и мой господин со всей дальновидностью задумался о будущем девочки.

Марта Валерия понимающе улыбнулась:

– О, господа, нет ни малейшей неловкости в этом вопросе. Совершенно справедливо, что вы решили сперва посетить заведение, куда хотите направить юную госпожу. Я с большим удовольствием покажу вам пансион и отвечу на любые вопросы. Или господа предпочтут прежде отобедать?

– П...ремного благодарю, мы не голодны! – вежливо отнекнулся Итан. Марк сглотнул слюну. Дама угадала его чувства и сказала:

– Я распоряжусь, чтобы для вас накрыли стол. Пока готовится, мы осмотрим корпуса и внутренний двор, а во время трапезы сможете задать вопросы.

– Благодарствую, миледи! – воскликнул Марк.

Леди Марта Валерия пригласила следовать за нею и повела путников сквозь гостевой дом. Вид сзади в эстетическом отношении ничуть не уступал виду спереди. Ворону стоило немалых усилий переключить внимание со «старой перечницы» на детали интерьера: портреты на стенах широкого коридора, бюсты и вазы на постаментах.

– Наш пансион основан в четырнадцатом веке, во время правления владыки Лексиана Второго, – начала рассказ леди Марта. – С тех пор, к сожалению, сохранилась лишь одна постройка – здание Сестринского корпуса. Мы размещаем в нем студентов первого года обучения с тем, чтобы они в полной мере ощутили дух нашей древней истории и славных традиций.

– В четырнадцатом веке? – чувственно ахнул Ворон. – Неужели еще до Лошадиных Войн?..

– Верно. Многие считают, что наш пансион был открыт Юлианой Великой, но это ошибочное мнение. Когда владычица Юлиана посетила нас, пансион уже пережил двухвековую историю. Владычицу привели в восторг наши взгляды на женское образование. Юлиана Великая высоко отозвалась о пансионе и пожертвовала тридцать тысяч эфесов на его развитие. Именно с тех пор начался наш подлинный расцвет.

– Сама Юлиана Великая!.. – в полном восхищении покачал головой Марк. – Подумать только!

– Со времен Юлианы, – с гордостью продолжала Марта Валерия, – у нас обучались четыре принцессы крови, семь инфант Блистательной Династии, три будущие императрицы, в их числе и покойная мать владыки Адриана.

– Прекрасно!..

– Не раз нашими студентками становились наследницы Великих Домов – вошедшие в историю графини и герцогини. Портреты самых родовитых выпускниц собраны в нашем зале славы. Среди них была...

Марта Валерия назвала имя, Ворон округлил глаза.

– ...а также...

Ворон присвистнул.

– ...и даже сама...

Ворон воскликнул:

– Невероятно!

– Среди наших недавних выпускниц – леди Аланис Аделия Абигаиль, наследная герцогиня Альмера, и леди Иона София Джессика, Северная Принцесса, графиня Шейланд. Также и единственная дочь графини Нортвуд – Глория – проучилась у нас три года.

– Блестящее общество!

– Более чем. Возможность провести годы в подобном обществе, обзавестись знакомствами в кругу высшей знати, весьма заманчива для всякой молодой леди.

– Конечно, миледи! Юная госпожа будет в полном восторге, когда я перескажу ей ваши слова! Да что и говорить – мы сами в полном восторге. Правда, милорд?

Итан выдавил:

– Д...да. К...конечно.

Выйдя с тыльной стороны дома, они попали на ступени широкой лестницы, ведущей вверх по склону холма. Миновав арку, покрытую каллиграфическими письменами, вошли во внутренний двор пансиона. С трех сторон над двориком возвышались корпуса: те самые сказочные замки, соединенные мостиками. Четвертая сторона была свободна от построек, ее занимало сапфировое озерцо и беседка со скульптурой. Мраморная девушка держала воду в ладонях, сложенных лодочкой, и смотрела на свое отражение. Капли сочились меж пальцев.

К скульптуре и направилась леди Марта Валерия.

– Наш пансион построен в том самом месте, где Праматерь Елена, согласно преданию... Впрочем, вряд ли мне стоит занимать ваше время легендами.

– Расскажите, миледи! Нам очень любопытно! – горячо заверил Ворон.

Леди Марта поведала легенду. Гости слушали с величайшим вниманием, не отводя глаз от рассказчицы.

– Но не стоит думать, что заветы одной лишь Святой Елены легли в основу наших принципов, – вернулась из прошлого леди Марта.

– Что вы, мы и не думали!..

– Дневники Праматери Янмэй, «Записки о природе власти» Вильгельма Великого и «Мгновения» Светлой Агаты – настольные книги наших студенток, наравне с «Людьми и землями» Елены. Мы полагаем, что именно эти труды дают наилучшее понимание того, в чем сущность власти, и как она реализуется.

– Власти, миледи?..

– Господа, наш пансион построен на особых принципах. Миссия лорда – осуществлять власть. Миссия леди – быть соратницей и помощницей лорду. Не светские манеры и знание искусств создают истинную леди, а понимание природы власти и умение править людьми.

«Природу власти» леди Марта Валерия произнесла с таким волевым нажимом, что Ворон не сумел сдержать в узде свое воображение и покраснел.

– Эээ... а... как... как на это смотрят мужья ваших выпускниц?

– Любой лорд Империи счастлив получить в жены нашу выпускницу, если только он не отчаянно глуп. Мы добиваемся того, чтобы девушки в совершенстве овладели навыками политики, дипломатии, управления землями и финансами, а также основами военной стратегии и феодального права. Взяв такую невесту, лорд получит надежную и верную соратницу, прекрасную собеседницу, советчицу, помощницу. Ни один вассал не сравнится с нею в этих качествах. Поверьте, большинство секунд-вассалов Империи – глупцы и невежды в сравнении с нашими девушками.

– Охотно верю... – мурлыкнул Марк.

– Р...разве для мужчины не унизительно уступать в познаниях жене? – спросил Итан.

Впервые леди Марта Валерия позволила себе улыбнуться.

– Мужчины, не вполне уверенные в себе, не получают в жены выпускниц пансиона. Такого просто не случается. Наши девушки становятся невестами первых лордов государства.

Итан смущенно потупился, и леди Марта Валерия добавила мягче:

– Кроме того, существуют вопросы, разбираться в которых зазорно для лорда, но не зазорно для леди. Всякий лорд будет благодарен, если его леди возьмет на себя, к примеру, управление финансами.

– В...вы учите аристократок считать деньги? – удивился Итан.

– Конечно. Однако это ничуть не портит их манер. Позвольте, я покажу.

Две студентки в одинаковых синих платьях проходили по двору, леди Марта Валерия подозвала их. Девушки сделали реверанс:

– Миледи... милорды...

Одна явно принадлежала к агатовской породе, вторую угадать было сложнее – возможно, Глория северной ветви.

– Ответьте мне, – задала вопрос леди Марта, – как следует поступить лорду, если его имение приносит от пятидесяти до восьмидесяти эфесов дохода ежемесячно, а сосед просит четыреста эфесов за ценную политическую уступку?

– Есть ли накопления в казне? – спросила девушка рода Глории.

– Нет, но некий банкир предлагает в долг пятьсот золотых под годовую четвертину. Брать ли лорду ссуду?

– А кто спрашивает меня об этом? – уточнила агатовка.

– Допустим, подруга.

Агатовка округлила глаза и мило хихикнула, прижав ладони к губам:

– Ох, дорогая, что за вздор! Разве я торговка, чтобы считать деньги? Они у меня имеются – вот все, что я знаю о деньгах.

– А если спрашивает ваш лорд-отец?

– При тех доходах, что вы назвали, – ответила девушка рода Глории, – никаких шансов возместить ссуду меньше, чем за пять лет. Таким образом, милорд, вы покупаете уступку у соседа, но сами попадаете под влияние банкира, который станет помыкать вами при помощи кредита. Это нецелесообразно, милорд.

– Благодарю, можете идти, – кивнула леди Марта.

Девушки ушли, Итан пробормотал:

– В...печатляюще...

– Ваша леди-сестра после трех лет учебы ничем не будет уступать им, – заверила леди Марта Валерия. – Синие платья носят студентки четвертого года. Девушек разных курсов мы одеваем в разные цвета и селим в разных корпусах. Они питаются в разное время, так же и молятся, и выходят на прогулки. Лишь несколько раз в год пересекаются друг с другом. Нехорошо, чтобы старшие студентки знакомились с младшими и давали какие-либо советы. После курса дипломатии девушки становятся хитры и склонны искать лазейки в нашей экзаменационной системе.

– Стало быть, леди Аланис, Иона и Глория почти не общались друг с другом?

– Леди Альмера и Северная Принцесса учились на одном курсе и сблизились. Леди Аланис особенно преуспевала в управлении городами, леди Иона – в дипломатии и искусствах. Что же касается леди Глории, то она пришла к нам тремя годами позже и сталкивалась с Северной Принцессой пару раз, не более.

– А что представляет собой полный курс обучения?

– Первый год посвящается светским навыкам и дипломатии, второй – истории, географии и искусствам, третий – экономике и праву, четвертый – феодальной политике и основам военной стратегии. Курс управления поместьями, городами и землями проходит сквозь все четыре года обучения.

– В...военная стратегия?.. Вы шутите, миледи!

– Отнюдь. Война – главное дело жизни многих лордов. Плоха та жена, которая ничего не знает о жизни супруга.

– Н...но битвы, мечи, кровь... к...как можно впутывать в это девушек?

– Вы не станете отрицать, милорд, что женщина способна размышлять? А война – это, прежде всего, работа ума. Мечи бойцов – только отзвук мысли полководца. Такие соображения высказал сам герцог Десмонд Ориджин, когда посетил нас три года назад.

Итан хмуρο качал головой. Сказанное претило самому естеству его галантной натуры. Марк перевел беседу в другое русло:

– Как девушки успевают овладеть такой горой знаний?.. Всего-то за четыре года?

– Образование требует труда, – с оттенком гордости сообщила леди Марта. – Каждый день, кроме воскресенья, четыре часа отводятся на лекции, четыре – на практические занятия, три – на самостоятельную работу и чтение. Не менее часа в день посвящается спортивным играм и телесным упражнениям, полчаса – молитвам.

– Б...боги, когда же они спят?! – вырвалось у Итана.

– Шести часов сна в сутки вполне достаточно при правильном режиме. В ночь с субботы на воскресенье позволяется семь часов.

– М...моя сестричка не справится с этим!..

– Поверьте, милорд: вы ее недооцениваете. Это обычная ошибка отцов и старших братьев. Юная леди умней и выносливей, чем вы полагаете.

Итан вздохнул:

– Ах, если бы...

– Однако, милорд, – отметила леди Марта, – некоторая исходная подготовка потребуется от вашей леди-сестры, и будет проверена при поступлении. Беглое чтение и письмо, свободный счет в уме, общая география земель, начала этикета, геральдика Великих Домов – надеюсь, все это не составит трудностей для леди?

– М...моя малютка Джанин – умная девушка, но...

Ворон чуть не застонал. Леди Марта Валерия повела бровью:

– Разве вашу сестру зовут не Дженифер, милорд?

– Н...нет... то есть, да... – Итан смешался. – Я х...хотел сказать...

– Кто вы, господа? Зачем сюда прибыли?

Марк виновато развел руками:

– Простите нам этот маленький обман, милая леди Марта. Мы действительно прибыли из Фаунтерры, состоим на службе его величества...

– Это не вызывает сомнений: ваш акцент, одежда, форма шпажных эфесов. Но какова цель визита?

Из-за спин гостей раздался скрипучий женский голос:

– Я отвечу на ваш вопрос, Марта. Перед вами некто Ворон Короны – глава имперской тайной службы. С ним, полагаю, один из агентов протекции. Задача этих господ очевидна: шпионство и допросы.

Они обернулись. Обладательница скрипучего голоса соответствовала всем представлениям о пансионных дамах: тощая, суровая, желтолицая мегера лет шестидесяти от роду. Леди Теодора Азалия Берта – управительница пансиона, встречи с которой Марк всей душою надеялся избежать.

– Дорогая леди Теодора, я счастлив видеть вас в добром здравии! – Ворон отвесил ей поклон.

– Вам следует немедленно покинуть пансион, – отрезала управительница.

Леди Марта Валерия, кажется, не была согласна: ее лицо выражало живой интерес. Однако она предпочитала молчать.

– М...мы здесь по приказу императора, – сообщил Итан, – и в целях б...безопасности Короны...

– Пансион является феодальным субъектом, и, как таковой, находится под сеньоратом Дома Ориджин. Император желает учинить расследование? Пусть заявит об этом герцогу Эрвину. Лишь с позволения последнего вы сможете находиться здесь.

– Экая незадача... – обронил Марк. – Послушайте, миледи, давайте не будем заострять попусту. Наше расследование никак не касается пансиона. Вас ни в чем не подозревают, мы лишь собираем сведения об одной из ваших выпускниц...

– Тем хуже! – фыркнула Теодора. – Тайны девушек мы храним более свято, чем собственные. Покиньте нас, господа.

– Од...ну минуту, миледи, – взмолился Итан. – П...прошу, выслушайте! Ваша студентка, Глория Нортвуд, попала в беду! Она стала жертвой заговора, ее жизнь висит на волоске! Мы пытаемся спасти ее. Любые сведения, любое ваше слово может помочь! Н...не лишайте ее шанса!

– Глория Нортвуд?... – удивилась леди Марта. – Как вы с нею связаны, сударь?

– Я... я... – Итан покраснел.

– Никакого значения, – бросила желтушная Теодора. – Уходите, или я попрошу охрану помочь вам.

Марк одарил управительницу милой улыбкой:

– Как на счет сделки, леди Теодора? Выгода вам – выгода мне. Вы же учите дамочек считать барыши.

Старуху буквально перекосило:

– Предлагаете мне взятку?!

– Да, миледи. Но очень особого свойства. Вам придется по нраву! Три часа в день – практические занятия, так? На четвертом году учебы преподают политику, да? Предлагаю уникальное занятие для студенток последнего года: политическая разведка. Как узнать всю подноготную в ходе приятной застольной беседы. Как допросить человека, чтобы он даже не заметил этого. Как сказать все – и не сказать ничего. Преподаватель – лучший мастер допросов во всей Империи, сам Ворон Короны. Что скажете, леди Теодора?

Старая карга нахмурилась – морщины на переносице превратились в черные рытвины.

– Подумайте вот о чем, миледи, – убеждал Марк, – после занятия каждая студентка напишет своим чертовски знатным родителям, что начальник тайной стражи по вашей просьбе провел занятие. Выйдет, что жуткая протекция, устрашающая великих лордов, для вас – нечто вроде гувернантки. Представьте славу, которая пойдет о пансионе!

Управительница покосилась на Марту Валерию, та сказала:

– Весьма полезное занятие. Звучит заманчиво, миледи. Девушки с радостью послушают...

– Не припомню, чтобы я тебя спрашивала, – скрипнула Теодора. Вперила взгляд в Марка: – Не сомневаюсь, у вас немалый опыт в данном вопросе. Но ваша хитрость не работает. Недопустимо, чтобы вы опрашивали девушек, даже в ходе учебного занятия.

– А что, если они допросят меня? – заявил Марк. – Я – свидетель, они – дознаватели. Они спрашивают, я отвечаю и показываю, как выкрутиться. В таком виде занятие устроит вас, миледи?

– Противоречит уставу. Преподаватель – мужчина...

– Иногда мужчины проводили у вас единичные занятия. К примеру, три года назад Десмонд Ориджин, будучи здесь, поделился мыслями о военном деле.

– Пф!.. – одним звуком леди Теодора выразила всю глубину пропасти между великим герцогом и Вороном Короны.

– Тем не менее, он – признанный мастер своего дела, а я – своего. С точки зрения науки, не вижу разницы.

– В чем ваша выгода? Что получите от этого занятия?

– Удовольствие, – улыбнулся Ворон. – Потом, леди Марта обещала обед, а вы пообещаете еще и ужин. Не сомневаюсь, харчи у вас превосходные! А если сама леди Марта составит нам компанию...

– Чушь какая-то.

– И еще...

– Что?

– Тему для допроса выберу я.

– То есть, – леди Теодора недоверчиво прищурилась, – вы хотите, чтобы девушки спрашивали вас о ком-то из выпускниц?

– Да, миледи.

– Зачем вам это?

– Люблю отвечать на вопросы, миледи. Особенно когда их задают юные девушки. Мое мужское самолюбие блаженствует!

– Фигляр... – бросила управительница и пошла прочь.

Леди Марта Валерия догнала ее:

– Прошу, миледи, позвольте мероприятие! Ведь это исключительная возможность. Настоящие агенты тайной стражи...

– Ты невнимательна! – оборвала Теодора. – Я уже дала позволение. Оповести студенток.

* * *

Девятнадцать молодых леди. Одинаковые синие платья с белыми манжетами и воротничками. Лица – как на подбор: здесь Агата и Софья, Люсия и Вивиан, Елена и Сьюзен; здесь остроглазый Запад и смуглый Юг, скуластый Север и утонченная Фаунтерра, курносая Надежда, миниатюрный Дарквотер... Соцветье! Кой черт понес их в политику? Как додумались отцы взвалить на дочек всю мерзость государственной власти? Любились бы, плясали на балах, детей рожали. Да уж... Марк с удивлением замечает любопытство на лицах студенток. Четыре года Елены-у-Озера испортили девиц достаточно, чтобы методы протекции заинтересовали их! Бедняжки...

Ладно, дорогие мои. Желаете большой политики? Добро пожаловать!

Ворон Короны кашляет, прочищая горло, и говорит:

– Глория Нортвуд умерла.

Комната утихает, лица каменеют.

– Простите, милые дамы, я перепутал время. Будущее, а не прошлое. Глория Нортвуд умрет. Мы здесь для того, чтобы помешать этому событию. А теперь – прошлое: я обманул вашу управительницу, леди Теодору. Я солгал, будто намерен провести занятие. Но мое желание иное: спасти вашу бывшую сокурсницу. Простите меня.

Леди Марта Валерия, призванная наблюдать за занятием, в негодовании открывает рот. Ворон не дает ей вымолвить слова.

– Размышляете, как поступить? Позвать охрану, вышвырнуть меня прочь? Боги, какой скандал! Девятнадцать великих лордов узнают об этом! Запад и Юг, Фаунтерра и Надежда... Стыд! У меня имеется иное предложение. – Он обводит взглядом девушек в синих платьях. – Я обещал занятие? Давайте вместе превратим это в занятие. Три часа на то, чтобы раскрыть будущее убийство. Я обещал, что не стану допрашивать? И не стану. Вы ставите вопросы. Я даю ответы – те, которые знаю. Вы заполните пустоты своими знаниями. Вместе найдем убийцу.

Леди Марта Валерия поднимается:

– Мне нужно поговорить с управительницей...

– Прошу вас, миледи, не нужно! – восклицает утренняя агатовка – та, что решала задачку.

Девушка из первого ряда – западница – добавляет хрипловатым голосом:

– Позвольте ему, миледи. Нам любопытно.

– Да, просим вас, – вторит курносенькая Надежда.

Видимо, эти три девушки – инфанты весьма знатных родов. Марта Валерия в растерянности медлит.

– Присядьте, миледи, – просит Марк. – Едва начнется хоть что-то, по вашему мнению, неподобающее, вы взмахнете рукой, и мы умолкнем.

Леди Марта медленно кивает.

Западница спрашивает:

– Хотите сказать, вы прибыли из Фаунтерры сюда, за пятьсот миль, чтобы защитить Глорию Нортвуд?..

Марк качает головой:

– Ради надежды найти сведения, которые помогут защитить ее. Так будет точнее.

Он идет вдоль рядов, заглядывая в лица девушек, и неторопливо рассказывает:

– Факты таковы. Глория Сибил Дорина, дочь графини Нортвуд, училась с вами вместе три года. Этой зимой она почему-то покинула пансион и вернулась в Клык Медведя, откуда очень вскоре отправилась вместе с матерью в столицу. Там Глория сделала блестящую придворную карьеру, что, впрочем, мало относится к делу. Важнее то, что Глория занялась расследованием громких убийств наследников престола – вы, конечно, читали об этих злодеяниях.

– Заговор Айдена Альмера, – вставляет блондинка рода Софьи.

– Он самый. Глория сумела обнаружить несколько очень ценных фактов. Заговор был раскрыт в значительной степени благодаря ее помощи.

Несколько девушек недоверчиво ухмыляются.

– Вы хотите о чем-то спросить, миледи? – Марк смотрит на них.

– Глория помогла раскрыть заговор, сударь? Вы не ошиблись?

– Ни в коей мере.

– Как она это сделала? Случайно? Подслушала под дверь?..

Это говорит агатовка, ее соседки смеются.

– Путем логических размышлений вычислила мотив убийств и планы заговорщиков. Исходя из этого, смогла понять, кто виновник. Затем нашла против него доказательства.

– Логические размышления? Глория Нортвуд?..

Новые смешки. Западница спрашивает:

– Вам не показалось, сударь, что Глория немного... эээ... недостаточно прозорлива?

– Она показалась мне чертовски умной леди, – честно отвечает Марк.

Девушки озадаченно молчат.

– Что было дальше? – спрашивает ажурная леди из Дарквотера.

– Под конец расследования Глория тяжело заболела – печеночная хворь. Затем, если верить ее матери, пошла на поправку. Но едва здоровье стало возвращаться, как мать отослала Глорию в монастырь, где она и находится сейчас.

– Почему вы думаете, что ее убьют?

– Потому, милые леди, что монастырь – полумера. Хочешь надежно избавиться от человека – отправь на Звезду. А монастырь – не Звезда, оттуда возвращаются.

Долгая пауза.

Западница:

– Хотите сказать, вы подозреваете леди Сибил в покушении на свою дочь? Это абсурд, сударь. Она обожает Глорию. Медве... графиня часто приезжала к дочери, и мы видели, как они нежничали.

– Да... верно, – поддакивают другие.

– Не обязательно Медве... Сибил. Она злилась на дочку и отослала в обитель, но подбросить такую мысль мог кто-то другой. Есть минимум два человека, подозреваемых в связях с графиней: архиепископ Альмера и младший лорд Ориджин. Любой мог подкинуть графине мысль о монастыре. Также альтер графини Кларенс, но он был убит на дуэли еще в июне, так что альтер отпадает.

Западница:

– То есть, кто-то рассорил графиню с дочерью, убедил отправить Глорию в монастырь, а теперь намеревается убить? Почему было сразу не убить?

– На этот вопрос я не знаю ответа.

– А зачем вообще от нее избавляться? Заговор Айдена уже все равно раскрыт!

– Полагаю, затем, что заговор Айдена – не единственный. Злосчастный первый советник послужил ширмой другим интриганам, более изощренным. И их план сейчас набирает обороты.

– Почему вы так считаете?

– Это я оставляю при себе, миледи. Но скажу так: есть серьезные причины думать, что кое-кто сейчас манипулирует владыкой. А кто-то другой угрожает ему и ставит ультиматумы.

Блондинка-софиевка:

– Вы не очень-то откровенны, сударь! Кое-кто, кое-кто еще...

– Говорю, что могу, миледи.

– Как Глория связана с новым заговором?

– Не уверен в этом, но думаю так: она узнала что-то о заговорщиках, и те устранили ее.

Агатовка:

– Так может быть... что, если она уже мертва? Возможно, ее убили, а не сослали в обитель?

– Не думаю.

– Вы навещали ее в монастыре?

– Я не знаю названия монастыря.

– Тогда почему уверены?

– Глория написала записку подруге, Ребекке Литленд, перед отъездом в обитель.

– Покажите!

– У меня ее нет... Но написано хладнокровно, твердой рукой. Не думаю, что Глория писала под угрозой смерти.

– Глория? Хладнокровно?... Вот уж жаль, что вы не сохранили записку! Мы бы посмотрели!

Несколько усмешек.

– Добавлю еще вот что, – говорит Марк. – Мне кажется очень странным, что мать забрала Глорию из пансиона после третьего года. Ведь самое вкусное, по меркам графини Сибил, преподают на четвертом курсе – феодальную политику.

– Ничего странного, сударь, – уверенно отвечает западница, и другие кивают. – Сибил хотела привезти дочь ко двору в год свадьбы владыки.

– Да, да, Глория так и говорила!... – подтверждают многие. – Она и сама мечтала на адрианову свадьбу. Будто ей что-то светило!..

Смешки.

– Думаете, Сибил везла ее на свадьбу императора?... Но тьма, зачем?... – спрашивает Марк. – И почему отослала, не дождавшись свадьбы?..

– Нарушаете правила, сударь, – подмигивает ему ажурная Дарквотер. – Вы же не ставите вопросов.

– Да, простите...

– Вы сказали, – задумчиво клонит голову западница, – Глория болела во время заговора Айдена?

– Да, верно.

– А что, если она не болела? Может, ее пытались отравить?

– Точно!.. Яд – оружие заговорщиков! – восклицает блондинка, и агатовка добавляет:

– Хотели убить прежде, чем она раскроет Айдена!

Марк озадаченно чешет затылок:

– Очко в вашу пользу, милые леди. Я не думал о такой версии.

– Так подумайте!

– ...И не думал я потому, что болела Глория долго. Стало быть, травили регулярно, методично. Так часто могли подсыпать яд только самые близкие люди: Ребекка Литленд и ... родная мать.

– Это не Сибил, – заявляет западница, но агатовка возражает:

– И не Лошадница. Зачем ей? Литленды не друзья Айдену Альмера, так зачем им его спасать?

– Хочешь сказать, матушка отравила свою дочь?

– Как будто такого никогда не случалось! Вспомни историю Династии!..

– Ну, хорошо, а скажи мне: зачем это Медведице? Она дружит с Галлардом Альмера – так сказал сударь. Галлард ненавидит Айдена. Дочка Медведицы отправляет Айдена на плаху. Матушка должна ее расцеловать, а не травить!

– Послушайте, сударь... – вмешивается девушка из Дарквотера. – Леди Сибил любит охрану, всюду ездит с рыцарями. Значит, и к дочке она приставила стражника. Что, если кто-то подкупил его?.. И не графиня, а стражник подсыпал девушке яд в вино?

– В кофе... – машинально поправляет Марк.

– Кофе? Глория не пьет кофе. Говорит: горькая южная дрянь.

– У меня другие сведения... – хмурится Марк. – Ладно, неважно. Подкупили стражника? Хорошая мысль. Тем более хорошая, что, по моим данным, леди Сибил убрала одного своего стражника вскоре после отъезда дочери.

– Вот видите, сударь. Тогда выходит, графиня не убивала дочь, а спасала! Она узнала, что кто-то травит Глорию. Расправилась с охранником, а саму Глорию отослала в монастырь, чтобы защитить.

– Прекрасно мыслите, миледи, – кивает Марк. – Просто великолепно! Благодарствую.

– Всегда к вашим услугам, – кокетливо мурлычет Дарквотер.

Западница, утратившая первенство, ревниво бросает:

– Ах, ты так проникательна! Тогда скажи: кто подкупил стражника? Айден Альмера? А как он узнал, что Глория под него копает? Галлард Альмера? Но зачем ему спасать брата от петли? Он же его ненавидит!

– Сударь еще упоминал молодого Ориджина...

Несколько девушек напряженно притихают. Чертов Север! К семейству Ориджин здесь какое-то болезненно трепетное отношение.

– Лорд Эрвин все лето был в Запределье, – отрезает путь агатовка. – Это всякий знает.

– Да, да... Точно, ты права!

– Тогда кто?

– Действительно, кто?

– Сударь, кто еще под подозрением?

Марк чешет затылок. Еще под подозрением – Минерва Стагфорт, нареченная невеста императора. И она прибыла в столицу как раз тогда, когда Глория начала болеть. Но не говорить же этим языкатым ядовитым змейкам, что обвиняешь в убийстве будущую императрицу!

А с другой стороны, почему нет? Владыка приговорил тебя к смерти за измену – неужели вылетело из памяти? Что теперь терять-то?..

Он открывает рот, чтобы продолжить, но вдруг девица из Дарквотера говорит:

– А стоит ли копать дальше, сударь?.. Вы хотели спасти Глорию. Теперь знаете, что она вне опасности: матушка спрятала ее. Зачем тревожить осиное гнездо?

– Нужно найти убийцу! – строго заявляет западница.

– По мне, – отвечает Дарквотер, – главное – защитить невинных. Понимаете, сударь, Глория – хорошая девушка, хотя и недалекая. Она тщеславна и заносчива, и... как бы это сказать... немного пуста. Но зла в ней нет! Не стоит копать дальше и подвергать ее риску.

– А как же заговор? Пусть себе идет, как идет?! – возмущается западница, но вскоре замечает, что осталась в меньшинстве.

Агатовка соглашается с девчонкой из Дарквотера, а затем и блондинка-софиевка, и курносая из Надежды, и другие.

– Сударь, оставьте Глорию в покое. Не навлекайте опасность, ищите заговорщиков другими путями.

Марк улыбается:

– Я рад, милые леди, что с вами не все потеряно.

– Простите, сударь?..

– Да так, мысли вслух... – но вдруг он спохватывается: – Вы сказали, Глория – недалекая девушка?

– Ну, этого не скажешь сразу, она умеет изображать... – говорит агатовка.

– Жеманная пустышка! – бросает блондинка.

– Зато добрая и веселая, – возражает Дарквотер.

– Танцы и скачки – в этом Глория хороша, – заявляет западница. – Но в стратемы проиграла бы и кошке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.